ФЕВРАЛЬ
1939

РУССКІЯ ЗАПИСКИ

ПАРИЖЪ

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ФЕВРАЛЬ

XIV

1939

СОДЕРЖАНІЕ

В. Сирин. — Лик (Разсказ) 3

Б. Закович. — Стихотворенія. 27

Л. Крестовская. — Черный Вѣтер (Окончаніе). 29

А. Присманова. — Пепел (Стихотвореніе). 73

К. Мочульскій. — «Повѣсть о капитанѣ Картузовѣ» Достоевскаго. 75

Нат. Алекс. Герцен. — Отрывки неизданных писем. 99

П. Милюков. — Роковые годы. — 17 октября и личность Витте. — Витте и царь. — Витте и кон'юнктура. — Витте и русская общественность. — Витте и делегація с'ѣздов. — Мой разговор с Витте. — Уступки ноябрьскаго с'ѣзда к.-д. 120

Е. Юрьевскій. — Черты соціальной эволюціи совѣтской деревни. 135

Л. О. — Дальневосточная трагедія. 153

Полк. **Н. Иванов.** — Современная воздушная угроза тылам и населенію и борьба с нею (Окончаніе). 161

Ю. К. Рапопорт. — Балканская проблема. 176

Хроника. — Положеніе проясняется. — **Важнѣйшія событія за январь.** — **В. Ин.:** Из міра науки. 187

Библіографія. — **С. Осокин:** А. Н. и И. И. Серебренниковы «Цвѣты Китайской Поэзіи». — **В. Вейдле:** Г. Газданов «Исторія одного путешествія». — **В. Яновскій:** F. Kafka «Le Château». — **М. Вишняк:** Georges Suarez «Briand». II. (1904-1914). — **П. Бицилли:** Charles Seignobos «Essai d'une Histoire comparée des Peuples de l'Europe». — **П. М.:** Sir John Hope Simpson «The Refugee Problem». — **М. Б.:** Albert Demangeon et Georges Mauco «Documents pour servir à l'étude des Etrangers dans l'Agriculture Française». 199

Книги, поступившія для отзыва.

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

подъ редакціей П. Н. МИЛЮКОВА

ФЕВРАЛЬ

XIV

ПАРИЖ

1939

« Русскія Записки »,51, rue de Turbigo, Paris.

СОДЕРЖАНІЕ

В. Сирин. — Лик (Разсказ) 3

Б. Закович. — Стихотворенія. . 27

Л. Крестовская. — Черный Вѣтер (Окончаніе) 29

А. Присманова. — Пепел (Стихотвореніе) . . . 73

К. Мочульскій. — «Повѣсть о капитанѣ Картузовѣ» Достоевскаго. 75

Нат. Алекс. Герцен — Отрывки неизданных писем. . . 99

П. Милюков. — Роковые годы. — 17 октября и личность Витте. — Витте и царь. — Витте и кон'юнктура. — Витте и русская общественность. — Витте и делегація с'ѣздов. — Мой разговор с Витте. — Уступки ноябрьскаго с'ѣзда к.-д. 120

Е. Юрьевскій. — Черты соціальной эволюціи совѣтской деревни. 135

Л. О. — Дальневосточная трагедія. . . 153

Полк. **Н. Иванов.** — Современная воздушная угроза тылам и населенію и борьба с нею (Окончаніе). 161

Ю. К. Рапопорт. — Балканская проблема. . . 176

Хроника. — Положеніе проясняется. — **Важнѣйшія событія за январь.** — **В. Ин.:** Из міра науки. 187

Библіографія. — **С. Осокин:** А. Н. и И. И. Серебренниковы «Цвѣты Китайской Поэзіи». — **В. Вейдле:** Г. Газданов «Исторія одного путешествія». — **В. Яновскій:** F. Kafka «Le Château». — **М. Вишняк:** Georges Suarez «Briand». II. (1904-1914). — **П. Бицилли:** Charles Seignobos «Essai d'une Histoire comparée des Peuples de l'Europe». — **П. М.:** Sir John Hope Simpson «The Refugee Problem». — **М. Б.:** Albert Demangeon et Georges Mauco «Documents pour servir à l'étude des Etrangers dans l'Agriculture Française». 199

Книги, поступившія для отзыва.

ЛИК

Есть пьеса "Бездна" (L'Abîme) извѣстнаго французскаго писателя Suire. Она уже сошла со сцены, прямо в Малую Лету (т. е. в ту, которая обслуживает театр, — рѣчка, кстати сказать, не столь безнадежная, как главная, с менѣе крѣпким раствором забвенія, так что режиссерская удочка иное еще вылавливает спустя много лѣт). В этой пьесѣ, по существу идіотской, даже идеально идіотской, иначе говоря — идеально построенной на прочных условностях общепринятой драматургіи, трактуется страстной путь пожилой женщины, доброй католички и землевладѣлицы, вдруг загорѣвшейся грѣховной страстью к молодому русскому, Igor, — Игорю, случайно попавшему к ней в усадьбу и полюбившему ея дочь Анжелику. Старый друг семьи, — волевая личность, угрюмый ханжа, ходко сбитый автором из мистики и похотливости, ревнует героиню к Игорю, котораго она в свой черед ревнует к Анжеликѣ, — словом, все весьма интересно, весьма жизненно, на каждой репликѣ штемпель серьезной фирмы, и уж, конечно, ни один толчек таланта не нарушает законнаго хода дѣйствія, наростающаго там, гдѣ ему полагается наростать, и, гдѣ слѣдует, прерваннаго лирической сценкой или безстыдно пояснительным діалогом двух старых слуг.

Яблоко раздора — обычно плод скороспѣлый, кислый, его нужно варить; так и с молодым человѣком пьесы: он блѣдноват; стараясь его подкрасить, автор и сдѣлал его русским, — со всѣми очевидными послѣдствіями такого мошенничества. По авторскому оптимистическому замыслу, это — бѣглый русскій аристократ, недавно усыновленный богатой старухой, — русской женой сосѣдняго шат-

лена. В разгар ночной грозы Игорь стучится к нам в дом, входит к нам со стэком в рукѣ; волнуясь, докладывает, что в имѣніи его благодѣтельницы горит красный лѣс, и что наш сосняк может тоже заняться. Нас это менѣе поражает, чѣм юношескій блеск ночного гостя, и мы склонны опуститься на пуф, задумчиво играя ожерельем, когда наш друг - ханжа замѣчает, что отблеск огня подчас бываст опаснѣе самаго пожара. Завязка, что и говорить, крѣпкая, добротная: уже ясно, что русскій станет тут завсегдатаем, и дѣйствительно: второй акт это — солнечный день и бѣлые панталоны.

Судя по тексту пьесы, на первых порах, т. е. пока автору это не надоѣло, Игорь выражается, не то чтобы неправильно, а с запинкой, вставляя изрѣдка вопросец: "так, кажется, у вас, — у французов, дескать, — говорится?" Но затѣм, когда автору уже не до того, в виду бурнаго разлива драмы, всякая иностранная слабость рѣчи отбрасывается, русскій стихійно обрѣтает богатый язык коренного француза, и только поближе к концу, во время передышки перед финальным раскатом, драматург вспоминает національность Игоря, который посему мимоходом обращается к старику - слугѣ со словами: «J'etais trop jeune pour prendre part à la... comment dit-on... velika voïna... grande, grande guerre...»Правда, надо автору отдать справедливость, что, кромѣ этого «velika voïna» и одного скромнаго «dosvidania», он не злоупотребляет знакомством с русским языком, довольствуясь указаніем, что "славянская протяжность придает нѣкоторую прелесть разговору Игоря".

В Парижѣ, гдѣ пьеса имѣла большой успѣх, Игоря играл François Coulot, играл неплохо, но почему-то с сильным итальянским акцентом, повидимому, выдаваемым им за русскій, но не удивившим ни одного рецензента. Впослѣдствіи же, когда пьеса скатилась в провинцію, исполнителем этой роли случайно сдѣлался настоящій русскій актер, Александр Лик (псевдоним), — худощавый блондин с темными, как кофе, глазами, до того получившій не-

большую извѣстность, благодаря фильмѣ, гдѣ он отлично провел эпизодическую роль заики.

Трудно, впрочем, рѣшить, обладал-ли он подлинным театральным талантом, или же был человѣк многих невнятных призваній, из которых выбрал первое попавшееся, но мог-бы с таким же успѣхом быть живописцем, ювелиром, крысоловом... Такого рода существа напоминают помѣщеніе со множеством разных дверей, среди которых, быть может, находится одна, которая, дѣйствительно, ведет прямо в сад, в лунную глубь чудной человѣческой ночи, гдѣ душа добывает ей одной предназначенныя сокровища. Но как бы то ни было, э т о й двери Александр Лик не отворил, а попал на актерскій путь, по которому шел без увлеченія, с разсѣянным видом человѣка, ищущаго каких-то путевых примѣт, которых нѣт, но которыя, пожалуй, снились или, быть может, принадлежат другой, как бы не проявленной, мѣстности, гдѣ ему не бывать никогда, никогда. В условном же планѣ земного быта, ему было за тридцать, но все же на нѣсколько лѣт меньше, чѣм вѣку, а потому память о Россіи, которая у людей пожилых, застрявших за границей собственной жизни, превращается либо в необыкновенно сильно развитый орган, работающій постоянно и своей секреціей возмѣщающій всѣ историческіе убытки, либо в раковую опухоль души, мѣшающую дышать, спать, общаться с безпечными иностранцами, — у него эта память оставалась в зачаточном видѣ, исчерпываясь туманными впечатлѣніями дѣтства, вродѣ сосноваго запашка дачнаго новоселья или ассиметричной снѣжинки на башлыкѣ. Его родители умерли, жил он один, любовь и дружба, перепадавшія ему, все были какія-то сквозныя, никто к нему не писал писем просто так, потому что хочется, никто не интересовался его заботами живѣе его самого, и, когда недавно он узнал от двух докторов — француза и русскаго, — что у него, как у многих литературных героев, неизлѣчимая болѣзнь сердца, както не к кому было пойти и пожаловаться на незаслужен-

ную шаткость его, его бытія, когда улицы так и кишат здоровенными стариками. И каким-то образом с его болѣзнью было связано то, что он любил хорошія, дорогія вещи, мог, напримѣр, на послѣдніе двѣсти франков купить нашейный платок или вѣчное перо, но всегда, всегда случалось так, что эти вещи у него пачкались, ломались, портились, несмотря на всю его бережную, даже набожную аккуратность.

По отношенію к прочим участникам труппы, в которую он вступил столь же случайно, как сброшенный женщиной мѣх попадает на то или другое кресло, в сущности анонимное, он остался таким же чужим, каким был на первой репетиціи. Ему сразу показалось, что он лишній, что он украл чье-то мѣсто, — и хотя директор труппы был с ним ровно благожелателен, мнительной душѣ Лика мерещилась ежеминутная возможность скандала, точно вот-вот разоблачат его, обличат в чем-то невозможно стыдном, — а самую ровность отношенія он воспринимал, как полнѣйшее равнодушіе к его работѣ, словно всѣ давно примирились с ея безнадежно низким уровнем и терпят его только потому, что нѣт удобнаго предлога, чтоб его уволить.

Ему мнилось, — а, может быть, это и впрямь было так, — что для этих громких, гладких французских артистов, сложно связанных между собой сѣтью личных и профессіональных страстей, он такой же случайный предмет, как старый велосипед, который один из персонажей ловко разбирал во втором дѣйствіи, — так что, когда кто-нибудь особенно привѣтливо с ним здоровался или предлагал ему закурить, это казалось ему недоразумѣніем, которое, увы, сейчас, сейчас раз'яснится. Вслѣдствіе своей болѣзни он избѣгал пить, но вмѣсто того, чтобы прослыть мало компанейским, откуда было бы недалеко до обвиненія в заносчивости, что на худой конец могло бы составить ему хоть какое-то подобіе личности, — его отсутствіе на пріятельских сборищах просто не замѣчалось, точно иначе и

быть не могло, а если и звали его куда-нибудь, то лишь в разсѣянно вопросительной формѣ, — вы что, с нами, или — — ? — а это всегда крайне больно человѣку, который только и жаждет, чтобы его уговорили. Он плохо понимал шутки, намеки, прозвища, которыми заповѣдно весело перекидывались другіе; ему почти хотѣлось, чтобы насмѣшка отнеслась к нему, но даже и этого не случалось. Вмѣстѣ с тѣм, кое-кто из коллег ему нравился: так, исполнитель главной роли (лицемѣра с заскоком) был в рядовой жизни пріятным толстяком, недавно купившим спортивную машину, о которой разсказывал вам с неподдѣльным вдохновеніем; и очень мила была дѣвушка, черноволосая и худенькая, с великолѣпно - свѣтлыми, холеными глазами, — но она безнадежно забывала днем свои вечернія признанія на подмостках, в разговорчивых об'ятьях русскаго жениха, когда она так искренне льнула к Лику, который любил себя утѣшать тѣм, что только на сценѣ она живет настоящей своей жизнью, а в другое время впадает в періодическое помѣшательство, когда она уже не узнает его и зовет себя другим именем. С главной же барыней он так никогда и не обмѣнялся ни одним словом, кромѣ реплик, и, когда эта коренастая, напряженно красивая женщина, подрагивая щеками, шла мимо него в кулисах, он чувствовал себя куском декораціи, который может плашмя упасть, если задѣнут. Трудно, трудно сказать, было ли это все так, как представлял себѣ бѣдный Лик, или же эти вполнѣ безопасные, занятые собой люди оставляли его в покоѣ лишь потому, что он не искал их общества, и не обращались к нему с разговором совершенно так же естественно, как снюхавшіеся между собой пассажиры не обращаются к иностранцу в углу, поглощенному книжкой, — и уж, разумѣется, никому это не может быть обидно. Но если даже и старался Лик в рѣдкія минуты бодрости убѣдить себя в ложности своих смутных мук, онѣ, эти муки, были слишком близки ему по воспоминаніям, слищком часто повторялись при других обстоя-

тельствах, чтобы теперь он мог одолѣть их с помощью разсудка. Одиночество, как положеніе, исправленію доступно, но как состояніе, это — болѣзнь неизлѣчимая.

Роль свою он исполнял добросовѣстно и, по крайней мѣрѣ, в смыслѣ произношенія, удачнѣе, чѣм его предшественник, ибо Лик по-французски говорил с русской оттяжкой, замедляя и смягчая фразу, не донося ударенія до ея конца и слишком бережно отцѣживая тѣ брызги подсобных выраженій, которыя столь славно и скоро слетают у француза с языка. Роль была так мала, так незначительна, вопреки драматическому вліянію ея на игру прочих лиц, что не стоило задумываться над нею, — а все же он задумывался, особенно в началѣ турнэ, — и не столько из любви к искусству, сколько потому, что ему казалась чѣм-то для него лично унизительным парадоксальная разность между ничтожностью самой роли и значительностью той сложной драмы, коей он был прямой причиной. Но хотя он вскорѣ остыл к возможным улучшеніям, которыя подсказывали ему и искусство, и самолюбіе (двѣ вещи часто совпадающія), он попрежнему с таинственным удовольствіем выбѣгал на сцену, точно всякій раз ждал каких-то особых наград, никак, конечно, не связанных с привычными порціями обобщительных рукоплесканій. Эти награды не были и внутренним удовлетвореніем художника. Скорѣе онѣ таились в каких-то необыкновенных щелях и складках, которыя он угадывал в жизни самой пьесы, пускай банальной и бездарной до одури... но, как и всякая, живыми людьми разыгрываемая, вещь, она добирала, Бог вѣсть из чего, личную душу, часа два-три пыталась как-то жить, развивая свою теплоту и энергію, не состоявшія ни в какой зависимости от жалкаго замысла автора, от посредственности актерских сил, а просыпавшіяся так, как просыпается жизнь в нагрѣтой солнцем водѣ. Скажем: Лик мог бы надѣяться, что в один смутно прекрасный вечер он посреди привычной игры попадет как бы на топкое мѣсто, что-то поддастся, и он навсегда потонет в ожи-

вающей стихіи, ни на что не похожей, самостоятельной, совсѣм по-новому продолжающей нищенскія заданія драмы, — весь без возврата уйдет туда, женится на Анжеликѣ, будет ѣздить верхом по сухому вереску, получит всѣ тѣ матеріальныя блага, на которыя намекалось в пьесѣ, заживет в том замкѣ, — но кромѣ всего очутится в невѣроятно нѣжном мірѣ, сизом, легком, гдѣ возможны сказочныя приключенія чувств, неслыханныя метаморфозы мысли. И обо всем этом думая, Лик почему-то себѣ представлял, что, когда он умрет от разрыва сердца, а умрет он скоро, то это непремѣнно будет на сценѣ, как было с бѣдным, лающим Мольером, но что смерти он не замѣтит, а перейдет в жизнь случайной пьесы, вдруг по-новому расцвѣтшей от его впаденія в нее, а его улыбающійся труп будет лежать на подмостках, высунув конец одной ноги из под складок опустившагося занавѣса.

В концѣ лѣта "Бездна" и другія двѣ пьесы репертуара шли в приморском городѣ; Лик участвовал только в "Безднѣ", так что между первым ея представленіем и вторым (всего два и намѣчалось) у него оказалась, как случалось обычно, недѣля свободнаго времени, с которым он не совсѣм знал, как справиться. При этом он не выносил юга: первое выступленіе прошло для него в оранжерейно - бредовой мути, с горячей каплей краски, то висящей на кончикѣ носа, то обжигающей верхнюю губу, и когда во время антракта он вышел на террасу, сзади отдѣлявшую театр от англиканской церкви, ему показалось, что он не дотянет до конца спектакля, а растает на сценѣ среди разноцвѣтных испареній, промеж которых вдруг пройдет в послѣдній смертный миг блаженная струя другой, другой жизни. Кое-как, однако, он доиграл, несмотря на то, что в глазах двоилось от пота, а гладкое ощущеніе холодных, голых рук молодой партнерши мучительно подчеркивало таяніе его ладоней. Он вернулся в свой пансіон совсѣм разбитый, с гулом боли в затылкѣ и ломотой в плечах,—и там, в темном саду, все цвѣло, пахло конфетами, цыкали во

всю кузнечики, которых он, как почему-то всѣ русскіе, принимал за цикад.

Освѣщенная комната была санитарно бѣла по сравненію с южным мраком в растворенном окнѣ. Он раздавил пьянаго, краснаго комара на стѣнѣ и потом долго сидѣл на краю постели, боясь лечь, боясь сердцебіенія. Близкое присутствіе моря за окном томило его, словно это огромное, липко - блестящее, лунной перепонкой стянутое пространство, которое он угадывал за лимонной рощей, было сродни булькающему и тоже стянутому сосуду его сердца и как оно, болѣзненно обнаженное, ничѣм не было отдѣлено от неба, от шарканія людских ног, от невыносимаго давленія музыки, играющей в ближнем барѣ. Он посмотрѣл на дорогіе часики на кисти и с болью увидѣл, что потерял стеклышко, — да, проѣхался обшлагом по каменной оградѣ, когда давеча спотыкаясь лѣз в гору... Они еще жили, беззащитные, голые, как живет вскрытый хирургом орган.

Дни проходили у него в поисках тѣни, в мечтах о прохладѣ. Было нѣчто адское в проблесках моря и пляжа, гдѣ млѣли мѣдные демоны на раскаленной галькѣ. Солнечная сторона узких улиц ему была так строго заказана, что приходилось-бы разрѣшать головоломныя маршрутныя задачи, кабы в блужданіях его была цѣль. Но итти ему было некуда, — так что, послонявшись у лавок, гдѣ, между прочим, выставлены были довольно забавныя запястья словно из розоватаго янтаря и совсѣм привлекательныя кожаныя закладки да бумажники, тисненые золотом, он опускался на стул под оранжевым навѣсом кафэ, потом шел к себѣ и лежал на постели нагишом, страшно худой и страшно бѣлый, думая все о тѣх же вещах, о которых думал постоянно.

Он думал о том, что осужден жить сбоку от жизни, что всегда было и будет так, и что поэтому, если смерть не окажется для него выходом в настоящую существенность, он жизни так никогда и не узнает. Еще он думал

о том, что если бы его родители были живы, а не умерли на зарѣ эмиграціи, то, может быть, эти пятнадцать лѣт его взрослой жизни прошли бы в теплѣ семьи, что, будь судьба усидчивѣе, он окончил бы одну из трех гимназій, в которыя попадал на случайных пунктах средней, очень средней, Европы, и теперь занимался бы хорошим дѣлом в кругу хороших людей, — но как он ни напрягал воображенія, ни дѣла этого, ни этих людей он представить себѣ не мог, так же, как он не мог себѣ об'яснить, почему юношей он учился в кинематографической студіи, а не занимался музыкой или нумизматикой, мытьем стекол или бухгалтеріей. И как всегда, с каждой точки своей окружности мысль по радіусу возвращалась к темному центру, к предчувствію близкой смерти, для которой он, не скопившій никаких жизненных драгоцѣнностей, едва-ли был интересной добычей, — а тѣм не менѣе его-то, повидимому, намѣтила она в первую очередь.

Как-то вечером, когда он полулежал в полотняном креслѣ на верандѣ, к нему пристал один из жителей пансіона, болтливый русскій старик (уже успѣвшій дважды ему разсказать свою біографію, сперва в одном направленіи, из настоящаго к прошлому, а потом в другом, против шерсти, причем получились двѣ различныя жизни, одна удачная, другая нѣт), — и, удобно усѣвшись, теребя подбородок, сказал: "У меня тут отыскался знакомый, т. е. знакомый — c'est beaucoup dire, раза два встрѣчал его в Брюсселѣ, теперь, увы, это совсѣм опустившійся тип. Вчера — да, кажется, вчера, — упоминаю вашу фамилію, а он говорит: как же, я его знаю, мы даже родственники".

— Родственники? — удивился Лик. — У меня почти никогда не было родственников. Как его зовут?

— Нѣкто Колдунов, Олег Петрович, — кажется, Петрович. Не знаете?

— Не может быть! — воскликнул Лик, закрыв лицо руками.

— Представьте, — сказал тот.

— Не может быть, — повторил Лик. — Я, вѣдь, всегда думал -- — Это ужасно! Неужели вы сказали мой адрес?

— Сказал. Но я вас понимаю. И противно, знаете, и жалко. Отовсюду вышибли, озлоблен, семья, все такое.

— Послушайте, я вас прошу, — вы не можете ему сказать, что я уѣхал, потому что это для меня ужасно!

— Если увижу, скажу, но только... Я так, случайно, его в порту встрѣтил, — эх, чудесныя какія там стоят яхты, вот это счастливцы, живешь на водѣ, куда хочешь — плыви. Шампанское, дѣвочки, все это отполировано...

И старик причмокнул, покачивая головой.

"Как это дико, — весь вечер думал Лик. — Гадость какая"... Неизвѣстно на чем основанная мысль, что Олега Колдунова давным давно нѣт на свѣтѣ, была для Лика одной из тѣх аксіом, которыя уже не состоят на дѣйствительной службѣ разсудка, а сложены далеко - далеко и никогда ни в чем не участвуют, так что теперь, когда Колдунов воскрес, приходилось допустить, что двѣ параллельныя линіи все-таки скрещиваются, но мучительно трудно было отдѣлаться от стараго, застрявшаго в мозгу представленія, словно извлеченіе этой одной ложной мысли могло повредить всему распорядку прочих мыслей и представленій. И он теперь никак не мог вспомнить, какія данныя у него были полагать, что Колдунов погиб, и почему за эти двадцать лѣт так окрѣпла цѣпь каких-то неопредѣленных первоначальных свѣдѣній (связанных с гражданской войной?), из которых сковалась его гибель.

Их матери были двоюродными сестрами. Олег Колдунов был на два года старше его, в теченіе четырех лѣт они учились в той же провинціальной гимназіи, и память об этих годах всегда была так ненавистна Лику, что он предпочитал не вспоминать отрочества; мало того, — его Россію так заволокло, пожалуй, именно потому, что личных воспоминаній своих он не пестовал. Но до сих пор бывали, конечно, сны, на них не было управы. И не только слу-

чалось, что Колдунов являлся ему в собственном видѣ, в обстановкѣ отрочества, наскоро составленной сном из таких аксессуаров, как парта, черная доска, сухая, легкая губка; кромѣ этих бытовых снов, случались и сны романтическіе, даже декадентскіе, т. е. лишенные явнаго присутствія Колдунова, но зашифрованные им, пропитанные его гнетущим духом или полные как бы слухов о нем, положеній и тѣней положеній, каким-то образом выражающих его сущность, — и этот мучительный колдуновскій фон, на котором развертывалось дѣйствіе перваго попавшагося сна, был куда хуже прямых сноявленій Колдунова, каким он запомнился, — грубым, мускулистым гимназистом, с коротко остриженной головой и крупными чертами непріятно пригожаго лица: их правильность портили слишком близко посаженные глаза, снабженные тяжелыми замшевыми вѣками, — недаром его прозвали крокодил, — в самом дѣлѣ, было нѣчто мутно-глинисто-нильское в этом медлительном взглядѣ.

Колдунов учился безнадежно плохо: особая русская безнадежность, когда как бы очарованный балбес стоймя погружается сквозь прозрачные слои классов, так что младшіе постепенно до него дорастают в оцѣпенѣніи страха и потом, через год, с облегченіем оставляют его позади. Отличался он наглостью, нечистоплотностью, дикой физической силой: послѣ возни с ним всегда пахло звѣринцем. Лик между тѣм был тщедушным, нѣжным и самолюбивым мальчиком, значит — собой представлял жертву идеальную, неистощимую. Колдунов на него наплывал без слов и дѣловито пытал его на полу, раздавленнаго, но всегда ерзающаго; громадная, распяленная колдуновская ладонь производила отвратительно черпающій жест, забираясь в какія-то судорожныя, обезумѣвшія глубины. Затѣм, на часдругой, он его оставлял в покоѣ, довольствуясь повтореніем какой-нибудь непристойно - безсмысленной фразы, обидной для Лика, у котораго спина была в мѣловой пыли и горѣли замученныя уши; когда же опять надо было

поразмяться, Колдунов со вздохом, даже с какой-то неохотой, снова наваливался, впивался роговыми пальцами под ребра или садился отдыхать на лицо жертвы. Он досконально знал всѣ хулиганскіе пріемчики для причиненія наисильнѣйшей боли, не сопряженной с увѣчіями, а потому пользовался подобострастным уваженіем товарищей. Вмѣстѣ с тѣм он проникался к постоянному своему паціенту смутно - сентиментальной симпатіей и на перемѣнах норовил ходить с ним в обнимку, ощупывая тяжелой, разсѣянной лапой худую ключицу Лика, который тщетно старался сохранить независимый и достойный вид. Таким образом, посѣщеніе гимназіи было для Лика совершенно нелѣпым и невозможным страданіем, жаловаться он стѣснялся, а ночныя мысли о том, как, наконец, он Колдунова убьет, только изнуряли душу. К счастью, внѣ школы они почти не видались, хотя матери Лика и хотѣлось бы поближе сойтись с кузиной, которая была гораздо ея богаче и держала своих лошадей. Когда же революція пошла переставлять мебель, и Лик попал в другой город, а пятнадцатилѣтній, уже усатенькій и в конец озвѣрѣвшій Олег куда-то в общей суматохѣ пропал, наступило блаженное затишье, скоро, впрочем, смѣнившееся новыми, болѣе тонкими муками под управленіем мелких наслѣдников первоначальнаго палача.

Противно признаться, но Лику случалось на людях в рѣдких разговорах о прошлом вспоминать мнимаго покойника с той фальшивой улыбкой, коей мы награждаем далекое, доброе, мол, время, сыто спящее в углу своей зловонной клѣтки. Теперь же, когда Колдунов оказался живым, он никакими взрослыми доводами не мог побороть преобразованное дѣйствительностью, но тѣм болѣе явственное ощущеніе той безпомощности, которая давила его во снѣ, когда из-за ширмы, осклабясь, поигрывая пряжкой пояса, выходил хозяин сна, страшный, черноволосый гимназист. И хотя Лик превосходно понимал, что живой, настоящій, ничего ему теперь не сдѣлает, возможная встрѣ-

ча с ним почему-то казалась зловѣщей, роковой, глухо сопряженной с привычной системой всѣх дурных предчувствій, страданій, обид, извѣстных Лику.

Послѣ разговора со стариком, он рѣшил дома не сидѣть, — до послѣдняго спектакля оставалось всего три дня, так что переѣзжать в другой пансіон не стоило, но можно было, напримѣр, уѣзжать на цѣлый день за итальянскую границу или в горы, благо погода испортилась, накрапывало, дул свѣжій вѣтер. Когда, на слѣдующій день, раным - рано, он вышел из сада по узкой дорожкѣ между цвѣтущих стѣн, навстрѣчу показался небольшого роста коренастый человѣк, в одеждѣ, самой по себѣ мало отличающейся от обычной формы средиземноморских дачников, — берет, открытая рубашка, провансальскія туфли, — но почему-то чувствовалось, что он-то одѣт так не столько по праву лѣтней свободы, сколько по обязанности нищеты. В первую секунду Лика больше всего поразило, что чудовищная фигура, заполнявшая собой его память, на самом дѣлѣ едва выше его самого.

— Саша, не узнаешь? — патетически протянул Колдунов, остановившись посреди дорожки.

Крупныя черты его желтовато - темнаго лица с шершавой тѣнью на щеках и над губой, из под которой щерились плохіе зубы; большой наглый нос с горбинкой; исподлобья глядящіе, мутные глаза, — все это было колдуновское, несомнѣнное, хоть и затушеванное временем, но пока Лик смотрѣл, это первое, несомнѣнное сходство разошлось, беззвучно разрушилось, и перед ним стоял незнакомый проходимец с тяжелым лицом римскаго кесаря — правда, сильно потрепаннаго кесаря.

— Поцѣлуемся, — мрачно сказал Колдунов и на мгновеніе приложился к дѣтским губам Лика холодной, соленой щекой.

— Я тебя сразу узнал, — залепетал Лик. — Мнѣ вчера как раз говорил, как его, Гаврилюк, — —

— Сомнительная личность, — перебил Колдунов. —

Мэфій-туа. Хорошо... Вот это, значит, мой Саша. Отмѣтим. Рад. Рад тебя опять встрѣтить. Это судьба! Помнишь, Саша, как мы с тобой бычков ловили? Абсолютно ясно. Одно из лучших воспоминаній. Да.

Лик твердо знал, что с Колдуновым никогда в дѣтствѣ рыбы не уживал, но растерянность, скука, застѣнчивость помѣшали ему уличить этого чужого человѣка в присвоеніи несуществующаго прошлаго. Он вдруг почувствовал себя вертлявым и не в мѣру нарядным.

— Сколько раз, — продолжал Колдунов, с интересом разглядывая свѣтлыя панталоны Лика, — сколько раз за это время... Да, вспоминал, вспоминал! Гдѣ-то, думаю, мой Саша... Женѣ о тебѣ разсказывал. Была когда-то красивой женщиной. Ты чѣм же занимаешься?

— Я актер, — вздохнул Лик.

— Позволю себѣ нескромность, — конфиденціально сказал Колдунов. — В Соединенных Штатах имѣется одно тайное общество, в котором слово "деньги" считается неприличным, а если нужно платить, так заворачивают доллар в туалетную бумагу. Правда, только богачи примыкают, бѣднякам некогда. Я вот к чему: — и, воспросительно кивая, Колдунов произвел пальцами вульгарный перебор осязаніе деньжат.

— Увы, нѣт, — без всякой задней мысли воскликнул Лик. — Большую часть года я безработный, а в остальную часть — гроши!

— Знаем и понимаем, — усмѣхнулся Колдунов. — Во всяком случаѣ... Да, во всяком случаѣ, я хочу с тобой как-нибудь поговорить об одном дѣлѣ. Сможешь недурно заработать. Ты сейчас как, — свободен?

— Видишь-ли, — собственно, я ѣду на цѣлый день в Бордигеру, автокаром, — а завтра...

— Очень напрасно. Сказал бы мнѣ, у меня тут есть знакомый шоффер, шикарная частная машина, я бы тебѣ всю Ривьеру показал. Шляпа, шляпа. Ну, чорт с тобой, провожу тебя до остановки.

— И я вообще скоро уѣзжаю совсѣм, — вставил Лик.

— А как твои... как тетя Тася? — разсѣянно спросил Колдунов, когда они пошли по людной улочкѣ, спускающейся к набережной. — Так, так, — закивал он на отвѣт Лика, — и вдруг что-то виновато - безумное пробѣжало по его нехорошему лицу. — Послушай, Саша, — сказал он, невольно его толкая и близко оборачиваясь к нему на узком тротуарѣ, — для меня встрѣча с тобой это знак. Это знак, что не все еще погибло, а я, признаться, на-днях еще думал, что все погибло. Понимаешь, что я говорю?

— Ну, это у всякаго бывают такія мысли, — сказал Лик.

Они вышли на набережную. Под пасмурным небом море было густое, граненое, и мѣстами, вблизи парапета, там, гдѣ шлепнулась пѣна, темнѣлись лужи. Было пусто, только на скамейкѣ сидѣла одинокая дама в штанах.

— Давай-ка пять франчей, папирос тебѣ куплю на дорогу, — быстро проговорил Колдунов и, взяв монету, добавил другим, свободным тоном: — Смотри, вон там моя жонка, займи ее, я сейчас вернусь.

Лик подошел к скамьѣ, на которой сидѣла бѣлокурая дама с раскрытой книжкой на колѣнях, и по актерской инерціи сказал: — Ваш муж сейчас вернется и забыл меня представить. Я его родственник.

В то же время его обдало прохладной пылью волны. Дама подняла на Лика голубые англійскіе глаза, неторопливо закрыла красную книжку и безмолвно ушла.

— Просто шутка, — сказал запыхавшійся Колдунов, появляясь опять. — Вуаля. Беру себѣ нѣсколько. Да, — моей, к сожалѣнію, некогда глядѣть на море. Слушай, я тебя умоляю, обѣщай мнѣ, что мы еще свидимся. Помни знак! Завтра, послѣзавтра, когда хочешь. Обѣщай. Погоди, я тебѣ дам мой адресок.

Он взял новенькую, золотисто - кожаную записную книжку Лика, сѣл, наклонил потный, со вздутыми жилами лоб, сдвинул колѣни, — и не только написал адрес, с му-

чительной тщательностью перечтя его, поставив забытую точку на "і" и подчеркнув, но еще набросал план — так, так, потом так. Видно было, что он дѣлал это не раз, и что не один обманувшій его человѣк уже ссылался на то, что адрес запамятовал,—поэтому-то он вкладывал в его начертаніе очень много усердія и силы, — силы почти заклинательной.

Подошел автокар. "Значит, жду", — крикнул Колдунов, подсаживая Лика. И повернувшись, полный энергіи и надежды, он рѣшительно пошел вдоль набережной, словно у него было какое-то спѣшное, важное дѣло, — между тѣм как по всему видать было, что это лодырь, пропойца и хам.

На слѣдующій день, в среду, Лик поѣхал в горы, а в четверг большую часть дня пролежал у себя с сильной головной болью. Вечером — спектакль, завтра — от'ѣзд. Около шести пополудни он вышел, чтобы получить из починки часы, а затѣм купить себѣ хорошія бѣлыя туфли: давно хотѣлось во втором дѣйствіи блеснуть обновой, — и когда он с коробкой подмышкой выбрался из лавки сквозь разсыпчатую завѣсу, то сразу столкнулся с Колдуновым.

Тот поздоровался с ним без прежняго пыла, а скорѣе насмѣшливо. — Не! Теперь уж не отвертишься, — сказал он, крѣпко взяв Лика за руку. — Пойдем-ка. Посмотришь, как я живу и работаю.

— Вечером спектакль, — возразил Лик, — а завтра я уѣзжаю!

— То-то и оно, милый, то-то и оно. Хватай! Пользуйся! Другого шанса никогда не будет. Карта бита! Иди. иди.

Повторяя отрывистыя слова, изображая всѣм своим непривлекательным существом безсмысленную радость человѣка, дошедшаго до точки, а, может быть, и перешедшаго ее (плохо изображает, смутно подумал Лик), Колдунов быстро шел да подталкивал слабаго спутника. В угловом кафэ на террасѣ сидѣла вся компанія артистов

и, замѣтив Лика, его привѣтствовала перелетной улыбкой, которая, собственно, не принадлежала ни одному из них, а пробѣжала по всѣм губам, как самостоятельный свѣтовой зайчик.

Колдунов повел Лика влѣво и вверх по маленькой кривой улицѣ, испещренной там и сям желтым и тоже каким-то кривым солнцем. В этом нищем старом кварталѣ Лик не бывал ни разу. Высокіе, голые фасады узких домов словно наклонялись с обѣих сторон, как бы сходясь верхушками, иногда даже срослись совсѣм, и получалась арка. У порогов возились отвратительные младенцы; всюду текла черная, вонючая водица. Вдруг, перемѣнив направленіе, Колдунов втолкнул его в лавку и, подобно многим русским бѣднякам, щеголяя самыми дешевыми французскими словечками, купил на деньги Лика двѣ бутылки вина. При этом было очевидно, что он тут давно задолжал, и теперь во всей его повадкѣ, в грозно привѣтственных восклицаніях, на которыя ни лавочник, ни теща лавочника никак не откликнулись, было отчаянное злорадство, и от этого Лику стало еще непріятнѣе. Они пошли дальше, свернули в переулок, и, хотя казалось, что мерзкая улица, по которой они только-что поднимались, была послѣдним предѣлом мрачности, грязи, тѣсноты, проход этот с вялым бѣльем, висѣвшим поперек верхняго просвѣта, изловчился выразить еще худшую печаль. Там-то, на углу кривобокой площади, Колдунов сказал, что пойдет вперед, и, покинув Лика, направился к черной дырѣ раскрытой двери. Одновременно из нея выскочил бѣлокурый мальчик лѣт десяти, но, увидя наступающаго Колдунова, побѣжал обратно, задѣв по пути грубо звякнувшее ведро. "Стой, Васюк", — крикнул Колдунов и ввалился в черное свое жилище. Как только он вошел, оттуда послышался остервенѣлый женскій голос, что-то кричавшій с мучительным и, должно быть, привычным надсадом, но вдруг пресѣкся, и через минуту Колдунов выглянул, мрачно маня Лика.

Лик попал прямо с порога в комнату, низкую и темную, с каким-то мало понятным расположеніем голых стѣн, точно онѣ расползлись от страшнаго давленія сверху. Она была полна бутафорской рухлядью бѣдности. На вогнутой постели сидѣл давешній мальчик; громадная бѣлобрысая женщина с толстыми босыми ногами вышла из темнаго угла и без улыбки на некрасивом расплывчатоблѣдном лицѣ (всѣ черты, даже глаза, были как бы смазаны — усталостью, унынiем, Бог знает чѣм), безмолвно поздоровалась с Ликом.

— Знакомьтесь, знакомьтесь, — с издѣвательской поощрительностью сказал Колдунов в сторону и немедленно принялся откупоривать вино. Жена поставила на стол хлѣб и тарелку с помидорами. Она была столь безмолвна, что Лик уже сомнѣвался, эта-ли женщина так кричала только-что, — пока муж, должно быть, не об'яснил хлестким шопотом, что привел гостя.

Она опустилась на скамейку в глубинѣ комнаты, возясь с чѣм-то, что-то чистя... ножом... на газетѣ, что-ли... Лик боялся слишком точно разсматривать, — а мальчик, блестя глазами, отошел к стѣнѣ и, осторожно маневрируя, выскользнул на улицу. В комнатѣ было множество мух, с маніакальным упорством игравших на столѣ и садившихся Лику на лоб.

— Ну вот, выпьем, — сказал Колдунов.

— Я не могу, мнѣ запрещено, — хотѣл было возразить Лик, но вмѣсто этого ,повинуясь тяжелому, по кошмарам знакомому вліянію, отпил из стакана и сразу закашлялся.

— Этак лучше, — произнес Колдунов со вздохом, кистью руки вытирая дрожащія губы. — Видишь-ли, — продолжал он, наливая Лику и себѣ, — вот, значит, как обстоит дѣло. Дѣловой разговор! Позволь мнѣ тебѣ разсказать вкратцѣ. В началѣ лѣта, так с мѣсяц, я тут проработал в русской артели, шут бы ее взял, мусорщиком. Но, как тебѣ извѣстно, я человѣк прямой и люблю правду, а

когда подвертывается сволочь, то я и говорю: ты сволочь, — и, если нужно, мажу по шеѣ. Вот как-то раз — —

И основательно, подробно, с кропотливыми повтореніями, Колдунов стал разсказывать нудную, жалкую исторію, и чувствовалось, что из таких исторій давно состоит его жизнь, что давно его профессіей стали униженія и неудачи, тяжелые циклы подлаго бездѣлья и подлаго труда, замыкающіеся неизбѣжным скандалом. Между тѣм Лик опьянѣл от перваго же стакана, а все-таки продолжал попивать скрыто - брезгливыми глотками, испытывая щекочущую муть во всѣх членах, но перестать не смѣя, точно за отказ от вина послѣдовала бы постыдная кара. Колдунов, облокотившись, а другой рукой поглаживая край стола, изрѣдка прихлопывая особенно черное слово, говорил безостановочно. Его глинисто - желтая голова — он был почти совершенно лыс — мѣшки под глазами, загадочно - злобное выраженіе подвижных ноздрей, — все это окончательно утратило внѣшнюю связь с образом сильнаго, красиваго гимназиста, истязавшаго Лика нѣкогда, но коэффиціент кошмара остался тот же.

— Так-то брат... Все это теперь не важно, — сказал Колдунов другим, менѣе повѣствовательным тоном. — Собственно, я готовил тебѣ этот разсказец еще в прошлый раз, когда думал... Видишь-ли, мнѣ показалось сперва, что судьба — я — старый фаталист — вложила извѣстный смысл в нашу встрѣчу, что ты явился вродѣ, скажем, спасителя. Но теперь выяснилось, что, во-первых, ты — прости меня — скуп, как жид, а, во-вторых .. Бог тебя знает, может быть, ты и, дѣйствительно, не в состояніи одолжить мнѣ... не пугайся, не пугайся... все это пройдено! Да и рѣчь шла только о такой суммѣ, которая нужна, чтобы не на ноги встать, это роскошь! — а хотя бы на четвереньки. Потому что не хочу больше лежать пластом в дерьмѣ, как лежу уже годы, — да, дядя, годы. Я и не буду тебя ни о чем просить... Не мой жанр просить, — крикливо отчеканил Колдунов, снова перебив самого

себя. — А вот только хочу знать твое мнѣніе. Просто — философскій вопрос. Дамы могут не слушать. Как ты думаешь, чѣм это все можно об'яснить? Понимаешь-ли, если навѣрнячка имѣется какое-то об'ясненіе, то, пожалуйста, я готов с дерьмом примириться, — потому что, значит, тут есть что-то разумное, оправданное, — может быть, что-нибудь полезное мнѣ или другим, не знаю... Вот, об'ясни: я — человѣк, — с этим, вѣдь, нельзя спорить никак. Ладно. Я — человѣк, — притом тѣх же самых кровей, что и ты, — шутка ли сказать, я был у покойной мамаши единственным и обожаемым, в дѣтствѣ шалил, в юности воевал, а потом — поѣхало, поѣхало... ой-ой-ой, как поѣхало... В чем дѣло? Нѣт, ты мнѣ скажи, в чем дѣло? Я только хочу знать, в чем дѣло, тогда я успокоюсь. Почему меня систематически травила жизнь, почему я взят на амплуа какого-то несчастнаго мерзавца, на котораго всѣ харкают, котораго обманывают, застращивают, сажают в тюрьму? Вот тебѣ для примѣра: когда в Ліонѣ, послѣ одного инцидента, меня увели, — причем я был абсолютно прав и очень жалѣл, что не пристукнул совсѣм, — когда меня, значит, несмотря на мои протесты, ажан повел, — знаешь, что он сдѣлал? Крючочком, вот таким, вот сюда меня зацѣпил за живую шею, — что это такое, я вас спрашиваю? — и вот так ведет в участок, а я плыву, как лунатик, потому что от всякаго лишняго движенія чернѣет в глазах. Ну, об'ясни, почему этого с другими не дѣлают, а со мной вдруг взяли и сдѣлали? Почему моя первая жена сбѣжала с черкесом? Почему меня в тридцать втором году в Антверпенѣ семь человѣк били смертным боем в небольшой комнатѣ? — и, посмотри, почему вот это все — вот эта рвань, вот эти стѣны, вот эта Катя... Интересуюсь, давно интересуюсь исторіей своей жизни! Это тебѣ не Джек Лондон и не Достоевскій! Хорошо — пускай живу в продажной странѣ, — хорошо, согласен примириться, но надо же, господа, найти об'ясненіе! Мнѣ как-то говорил один фрукт — отчего, спрашивает, не вер-

нешься в Россію? В самом дѣлѣ, почему бы и нѣт? Очень небольшая разница! Там меня будут так же преслѣдовать, бить по кумполу, сажать в холодную, — а потом, пожалуйте в расход, — и это, по крайней мѣрѣ, честно. Понимаешь, я готов их даже уважать — честные убійцы, ей-Богу, — а здѣсь тебѣ жулики выдумают такія пытки, что прямо затоскуешь по русской пулѣ. Да, что-ж ты не смотришь на меня, — какой, какой, какой... или не понимаешь, что я говорю?

— Нѣт, я это все понимаю, — сказал Лик, — только извини, мнѣ нехорошо, я должен итти, скоро нужно в театр.

— А нѣт, постой. Я тоже многое понимаю. Странный ты мужчина... Ну, предложи мнѣ что-нибудь.. Попробуй! Может быть, все-таки меня озолотишь, а? Слушай, знаешь что, — я тебѣ продам револьвер, тебѣ очень пригодится для театра, трах — и падает герой. Он и ста франков не стоит, но мнѣ ста мало, я тебѣ его за тысячу отдам, — хочешь?

— Нѣт, не хочу, — вяло проговорил Лик. — И, право же, у меня денег нѣт... Я тоже — все такое — и голодал и все.. Нѣт, довольно, мнѣ плохо.

— А ты пей, сукин кот, вот и не будет плохо. Ладно, чорт с тобой, я это так, на всякій случай, все равно, не пошел бы на выкуп. Но только, пожалуйста, отвѣть мнѣ на мой вопрос. Кто-же это рѣшил, что я должен страдать, да еще обрек ребенка на мою же русскую паршивую гибель? Позвольте, — а если мнѣ тоже хотится сидѣть в халатѣ и слушать радіо? В чем дѣло, а? Вот ты, напримѣр, чѣм ты лучше меня? А ходишь гоголем, в отелях живешь, актрис, должно быть, взасос... Как это так случилось? об'ясни, об'ясни.

— У меня, — сказал Лик, — у меня случайно оказался... ну, я не знаю, — небольшой сценическій талант, что ли..

— Талант? — закричал Колдунов. — Я тебѣ покажу талант! Я тебѣ такіе таланты покажу, что ты в штанах

компот варить станешь! Сволочь ты, брат. Вот твой талант. Нѣт, это мнѣ даже нравится (Колдунов затрясся, будто хохоча, с очень примитивной мимикой). Значит, я, по-твоему, послѣдняя хамская тварь, которая и должна погибнуть? Ну, прекрасно, прекрасно. Все, значит, и об'яснилось, эврика, эврика, карта бита, гвоздь вбит, хребет перебит...

"Олег Петрович разстроен, вы, может быть, теперь пойдете", — вдруг из угла сказала жена Колдунова с сильным эстонским произношеніем. В голосѣ ея не было ни малѣйшаго оттѣнка чувства, и оттого ея замѣчаніе прозвучало как-то деревянно - безсмысленно. Колдунов медленно повернулся на стулѣ, не мѣняя положенія руки, лежавшей, как мертвая, на столѣ, и уставился на жену восхищенным взглядом.

— Я никого не задерживаю, — проговорил он тихо и весело. — Но и меня попрошу не задерживать. И не учить. Прощай, барин, — добавил он, не глядя на Лика, — который почему-то счел нужным сказать:

—Из Парижа напишу, непремѣнно...

- Пускай пишет, а? — вкрадчиво произнес Колдунов, продолжая, повидимому, обращаться к женѣ. Лик, сложно отдѣлившись от стула, пошел было по направленію к ней, но его отнесло в сторону, и он наткнулся на кровать.

"Ничего, идите, идите", — сказала она спокойно, и тогда, вѣжливо улыбаясь, Лик бочком выплыл на улицу.

Сперва — облегченіе: вот ушел из мрачной орбиты пьянаго резонера - дурака, затѣм — возрастающій ужас: тошнит, руки и ноги принадлежат разным людям, — как я буду сегодня играть?.. Но хуже всего было то, что он всѣм своим зыбким и пунктирным тѣлом чуял наступленіе сердечнаго припадка: это было так, словно навстрѣчу ему был наставлен невидимый кол, на который он вот-вот наткнется, а потому-то приходилось вилять и даже иногда останавливаться и слегка пятиться. При этом ум оставался

сравнительно ясным: он знал, что до начала представленія всего тридцать шесть минут, знал, как пойти домой... Впрочем, лучше спуститься на набережную, — посидѣть у моря, переждать, пока разсѣется тѣлесный, отвратительно бисерный туман, — это пройдет, это пройдет, — если только я не умру... Он постигал и то, что солнце только-что сѣло, что небо уже было свѣтлѣе и добрѣе земли Какая ненужная, какая обидная ерунда. Он шел, расчитывая каждый шаг, но иногда ошибался, и прохожіе оглядывались на него, — к счастью, их попадалось немного, был священный обѣденный час, и когда он добрался до набережной, там уже совсѣм было пусто, и горѣли огни на молу, с длинными отраженіями в подкрашенной водѣ. — и казалось, что эти яркія многоточія и перевернутые восклицательные знаки сквозисто горят у него в головѣ. Он сѣл на скамейку, ушибив при этом кобчик и прикрыл глаза. Но тогда все черно закружилось, сердце, страшным глобусом отражаясь в темнотѣ под вѣками, стало мучительно разрастаться, и чтобы это прекратить, он принужден был зацѣпиться взглядом за первую звѣзду, за черный буек в морѣ, за потемнѣвшій эвкалипт в концѣ набережной, я все это знаю и понимаю, и эвкалипт странно похож в сумерках на громадную русскую березу... "Так неужели это конец, — подумал Лик, — такой дурацкій конец... Мнѣ все хуже и хуже... Что это... Боже мой!"

Прошло минут десять, не болѣе. Часики шли, стараясь из деликатности на него не смотрѣть. Мысль о смерти необыкновенно точно совпадала с мыслью о том, что через полчаса он выйдет на освѣщенную сцену, скажет первыя слова роли: «Je vous prie de m'excuser, Madame, cette invasion nocturne». — и эти слова, четко и изящно выгравированныя в памяти, казались гораздо болѣе настоящими, чѣм шлепоток и хлебет утомленных волн или звуки двух счастливых женских голосов, доносившіеся из-за стѣны ближней виллы, или недавнія рѣчи Колдунова, или даже стук собственнаго сердца. Ему вдруг стало так па-

нически плохо, что он встал и пошел вдоль парапета, растерянно гладя его и косясь на цвѣтныя чернила вечерняго моря. "Была-не была, — сказал Лик вслух, — нужно освѣжиться... как рукой... либо умру, либо снимет..." Он сполз по наклону панели и захрустѣл на галькѣ. Никого на берегу не было, кромѣ случайнаго господина в сѣрых штанах, который навзничь лежал около скалы, раскинув широко ноги, и что-то в очертаніи этих ног и плеч почему-то напомнило ему фигуру Колдунова. Пошатываясь и уже наклоняясь, Лик стыдливо подошел к краю воды, хотѣл было зачерпнуть в ладони и обмыть голову, но вода жила, двигалась, грозила омочить ему ноги, — может быть, хватит ловкости разуться? — и в ту же секунду Лик вспомнил картонку с новыми туфлями: забыл их у Колдунова!

И странно: как только вспомнилось, образ оказался столь живительным, что сразу все опростилось, и это Лика спасло, как иногда положеніе спасает его формулировка. Надо их тотчас достать, и можно успѣть достать, и как только это будет сдѣлано, он в них выйдет на сцену — все совершенно отчетливо и логично, придраться не к чему, — и забыв про сжатіе в груди, туман, тошноту, Лик поднялся опять на набережную, грамофонным голосом кликнул такси, как раз от'ѣзжавшее порожняком от виллы напротив... Тормаза отвѣтили раздирающим стоном. Шоферу он дал адрес из записной книжки и велѣл ѣхать как можно шибче, при чем было ясно, что вся поѣздка — туда и оттуда в театр — займет не больше пяти минут.

К дому, гдѣ жили Колдуновы, автомобиль под'ѣхал со стороны площади. Там собралась толпа, и только с помощью упорных трубных угроз автомобилю удалось протиснуться. Около фонтана, на стулѣ, сидѣла жена Колдунова, весь лоб и лѣвая часть лица были в блестящей крови, слиплись волосы, она сидѣла совершенно прямо и неподвижно, окруженная любопытными, а рядом с ней, тоже неподвижно, стоял ея мальчик в окровавленной рубашкѣ, прикрывая лицо кулаком, — такая, что-ли, картина.

Полицейскій, принявшій Лика за врача, провел его в комнату. Среди осколков, на полу навзничь лежал обезображенный выстрѣлом в рот, широко раскинув ноги в новых бѣлых — —

"Это мои", — сказал Лик по-французски.

В. Сирин

Ноябрь 1938 г.
Париж.

***

Несправедливо мучимые роком
Искатели и вѣстники добра —
Бесѣдам о прекрасном и высоком
Мы часто посвящаем вечера.

Одѣтые еще весьма прилично
(Вихор сіяет, блещут башмаки)
Мы внемлем собесѣдникам столичным
И даже отвѣчаем без тоски.

Тоска приходит только пред разсвѣтом
Из медленно синѣющих окон
Спокойным, ясным, еле-видным свѣтом,
Частицей дня, принесеннаго в сон.

Она приходит... и за ней как-будто
(За темнотой лишенною конца)
Есть эта близость немощнаго утра
С улыбкою простившаго лица.

***

Есть непонятная услада
Недолговѣчности земной
В осенней призрачности сада,
В усталой нѣжности ночной.

Прозрачный мір воспоминаній
Знакомых улиц и аллей
Душѣ измученной милѣй
Ненужных будущих сіяній.

Так, тѣни прошлаго, — в саду
С тобой мы ночи коротаем;
И, точно встрѣтившись в аду,
О жизни прежней вспоминаем.

Пѣтух предутренній поет,
Поет пѣтух... и на мгновенье
Друг мертвый друга узнает
Сквозь вѣковѣчное забвенье...

И день холодный настает.

***

Я узнаю подчас на глубинѣ
Слов человѣка буднично-печальных
Какой-то отзвук слов первоначальных,
Какой-то свѣт мнѣ памятный во снѣ,

Какія-то, — как послѣ сновидѣній, —
Забытыя, но близкія слова,
Какіе-то мнѣ видимых явленій
Источники замѣтные едва.

Но узнавая слабыми глазами.
Как на землѣ уныло и темно,
Я возвратить холодными слезами
Не пробую умершаго давно.

Б. Закович

ЧЕРНЫЙ ВѢТЕР

(Окончаніе*).

Послѣ ухода Андрея и Смѣшняка Милица остановилась посреди грота, с чувством усталой скуки осматривая необычный безпорядок. Табуреты упали, глиняный горшок, полный зелени, вѣток боярышника, лежал в углу, сброшенный вѣтром. Вода разлилась, сосновыя вѣтки темными пальцами легли на пол. Милица постояла минуту, не зная, за что ей приняться раньше, потом подняла вѣтки, табуреты, вытерла мокрый пол и стала на молитву.

Ей хотѣлось вернуть строгій строй жизни, разметанный налетѣвшим на нее шквалом. Но молитва потеряла свое значеніе, свой особый благоуханный дар. Слова звучали вяло и неубѣдительно, смятыя грубыми выкриками и шутовским задором, продолжавшим жить в воздухѣ. Как на темной лентѣ, бѣлыми пятнами выступали лица: Васька с хищным оскалом хорька; Смѣшняк с милой и жалкой улыбкой; Андрей с холодным взглядом, вонзавшимся ей в душу. Молитва падала, сбивалась, пока не оборвалась совсѣм.

Милица прижалась лбом к вышитому концу бѣлаго полотенца. Голова ея легла на колѣни Божьей Матери и слилась с синим покровом. Она поцѣловала образ и, перекрестясь, вышла из грота. Войдя в свѣтелку, осмотрѣла заснувших на жердочках птиц и, не раздѣваясь, легла на постель.

Но сон не шел. Разбереженныя, бродили мысли, цѣпляясь за прошлое, вставали совершенно забытыя ощущенія, и старое чувство неумѣнія жить, с которым боролась она так долго и упорно, снова начало овладѣвать ею

*) «Русск. Зап.» №№ 12 и 13.

Copyright by Author 1938.

"Разберединли, разрушили", — повторяла она про себя, неясно отдавая себѣ отчет, к кому и к чему относились эти слова. Знала только, что за два дня жизни она потеряла ясность, радость и молитву. Клѣтка с птицами стояла нечищенная, каноны, которые она привыкла пѣть на разсвѣтѣ и ночью перед сном, не звучали в этот день, и молитва, которую она любила, как очищеніе, — перестала жить в ея душѣ.

Было душно. Пот выступил каплями и катился по лицу. Милица встала, полила темный сиреневый гіацинт и вышла на воздух. Свѣтало. Туман занавѣсом качался над землей, до половины окутывая деревья, и зеленый верх их рѣзным чертежом вычертился на небѣ.

Милица пошла привычной тропой к большому камню, с котораго издали виднѣлось море. Губы ея шевелились, рука поднималась и опускалась. Она говорила вслух с кѣм-то близким, о чем говорить было тревожно и опасно.

"Всполохнулась вся. И чѣм он тебя растревожил? Узлами... Неправдой... Так трудно было их развязать, к правдѣ притти... А когда пришла... Только пришла ли? — вдруг остановил ее другой голос. — Да, пришла. — А теперь? Растревожил? — Да. — Близнецы? — Не совсѣм, но похожи. — Чѣм? — Срывами, злобствованіями.

— Мир ушел... Простоты нѣт. Все в клубок сбито. Не распутаешь. С каким трудом в свой час узлы развязала... А теперь? —

— Не хочу, не хочу — повторила она убѣжденно, вслух. Все неправдой оказалось. Все... Думала, крѣпко на ногах стою, думала, правду нашла, — а она от перваго толчка разбилась, дутой оказалась. Все неправда — и старое, от чего ушла, и новая блаженность. Чужой наряд надѣла, — он и разлѣзся, потому что чужой".

Милица перевела дыханье и сѣла на камень. Вдали виднѣлись море и дымившіеся костры. Гул деревьев дошел до сознанія. Холодок пополз по кожѣ.

— "Почему вы здѣсь?" — вспомнился снова вопрос Ан-

дрея. Правда — почему? Гдѣ и когда засучилась нитка, приведшая ее сюда?

И вдруг поняла.

Много лѣт назад пришла к матери странница в черном, как монашка, в апостольникѣ. Прокралась она в переднюю, взяла богомолкин платок и надѣла — клобуком — до самых бровей. Сладко билось сердце. А когда скинула — обрадовалась. Собой стала. Потом первый монастырь — котомка за плечами. Все просто, все нужно. Ко всѣм ласка из души просилась. И у всѣх отвѣт находился.

"За морем синичка

Не пышно жила...", — зашуршала пѣсенька, милая, беззатѣйная, из Москвы привезенная.

. . . Москва. Вѣнчаніе. Молодая любовь и так скоро смѣнившая ее пустота. Ненужность и невѣрность сдѣланнаго. Непрерывный поток людей. Бумаги, этикетки судебнаго вѣдомства, в клочья разрывавшій воздух телефон. Ненужныя слова; "Довѣренность"... "Повѣстка".. "Подпись"... Скука исчезает с его лица. Голос теплѣет, наполняется жизнью. А она слушает со всѣм напряженіем, стараясь вложить в голос, в эти чужія и пустыя для нея слова, совсѣм другія — нужныя для нея.

Кругом комнаты, заставленныя вещами. Ненужныя вещи. Ненужные люди. И когда умер ребенок — она задохнулась от ковров и мебели, от пустоты. Затхлым захлебнулась. Столы, столики, побрякушки, когда-то желанныя, — теперь стали душить. Выдумкой показалась жизнь, мишурой желанія. От самаго любимаго исходила скука. Пылью пахли вещи. Все оказалось маревом. И сорвалась с колец, чинно подвѣшенных, жизнь. Ея неправда кричала, невѣрность душила, до тѣх пор, пока не рѣшила уйти. В один поздній вечер уѣхала, никѣм не оплаканная, никому не нужная. И в себѣ увезла дѣвичью душу — голодную, раненую любовь. И жила с обгорѣвшим сердцем.

Только когда в рождественскую ночь дѣти гурьбой на снѣгу под окнами стали Христа славить, пѣсни пѣть, —

вдруг забилось сердце. Сбѣжала с лѣстницы, смѣшалась с толпой и стала пѣть вмѣстѣ с нею о том, что родился Спаситель для нея и для всѣх. Шла, повторяя все тѣ же несвязныя, простыя слова. Точно улицы не стало, а кругом — мір просторный и широкій. Тогда и началась жизнь, в которую вошла, сбросив на порогѣ старый наряд.

А когда пріѣхала в Псков, пришла в монастырь, встрѣтилась со странницами, с монахинями — поняла. Это было вѣрное, непохожее на всю ея прошлую жизнь. И тогда родилась улыбка к человѣку, и слова нашлись, теплом пропитанныя, и в новую семью, как своя вошла.

Милица очнулась. Холод ночи пронзал ее всю, туман сполз до земли, открыл дали. День вставал. Усталость, до тѣх пор незамѣтная, налила все тѣло. Она встала с камня и пошла к себѣ.

Птицы дрогнули от раскрывшейся двери. Полосой лег из окна первый свѣт. Как прежде, не раздѣваясь, она легла на койку и мгновенно уснула.

Васька пришел через нѣсколько дней. Вошел в грот, поклонился, не зная, что дѣлать с узелком в руках: то-ли положить, то-ли продолжать держать. Потом поднял глаза и хмуро сказал:

— Что ж, не помирать мнѣ было! Я и пришел. Денег-то больше, небось, нѣт.

— Ну, и хорошо. Живи здѣсь, милый. Давай узелок. Только вот что. Иди-ка ты в свѣтелку, — там и будешь спать. А я здѣсь. Обоим нам лучше будет. Отца когда видал?

— Засадили его. Пошел сам заявиться.

— А дѣвушка та, — как вы ее звали?

— Дунька? Дунька сидит. Только против нея улик нѣт. Выпустят, — я и уйду к ней.

— Да я не к тому, — заторопилась Милица — Я так спросила.

Васька снес узелок вслѣд за Милицей в горенку, ши-

роко открыл глаза, увидѣвши птиц, даже языком прищелкнул, услышав переливы кенарей, долго стоял на корточках перед клѣткой, потом вышел и сѣл на приступочкѣ перед гротом. И с этой минуты замолчал, не сводя глаз с Милицы, слѣдя за каждым ея движеніем.

Она собирала траву для птиц, нарѣзала кипарисовыя вѣтви, тяжелыя от шишек, яблочками висѣвших на коричневых сучках. Мягкій сырой запах древеснаго сока растекся в воздухѣ. Она вымела пол, оправила свѣчи, почистила картофель, словно не замѣчая присутствія мальчика.

А он, подперев лицо руками, слѣдил за ней, всѣм своим видом показывая, что на его помощь разсчитывать не приходится. Так и сидѣли они в молчаніи, пока Милица не спросила об отцѣ. Запустив руку в вихрастый чуб, дернув носом и дрогнувшей губой, он грубо отвѣтил, что "незачѣм ей не в свое дѣло лѣзть, — он, Васька, ей не пересказчик, на это не разсчитывайте — не пройдет".

Она посмотрѣла на него внимательно и безотвѣтно и ушла к котелку. Молча сѣли они к столу и также молча поѣли. Только когда смерклось и наступил час ея вечерней молитвы, Милица обернулась к нему и строго и явственно сказала:

— Вот что, Василій, ты тут живи — и ничего, кромѣ хорошаго, от меня не увидишь. А разговор со мной, как прежде, оставь. Как ты там со своими разговаривал, — это одно. А здѣсь другое. Здѣсь ты у меня и жить должен по моему. Разговаривай по людски; точно собака, не щерься. А не хочешь — лучше уходи куда знаешь!

Васька затаил дыханье, только бѣлками поблескивал. Итти ему было некуда, и он понял, что из них двоих подчиниться придется ему. Он, может быть, и не стерпѣл бы "колдуньиной" власти, как продолжал он про себя ее называть. И скажи она "Васька" или "Вася", может, сгрубил бы и ушел. Но Василіем его еще никто не называл, и что-то почувствовал он в своем чистом, вслух сказанном имени такое, через что переступить не мог.

И когда, зажигая лампады, она, пройдя мимо, спокойно сказала:

— Пойди-ка ты в лѣс,да собери мнѣ шишек, а то растопка вся кончилась, — он поднялся и покорно пошел в лѣс. С этого момента он тихо и уважительно стал помогать Милицѣ в ея несложном хозяйствѣ, что-то рѣшив про себя.

Дни проходили за днями, а привыкнуть к совмѣстной жизни с этим совершенно чужим и враждебным ей мальчиком Милица не могла. Она нѣсколько раз ловила себя на чувствѣ неосознаннаго страха. Перед чѣм, — она и сама не могла бы об'яснить. Васька стал смирный, жил тихо, копался с какими-то дощечками, стараясь сколотить табурет. Но когда невзначай она ловила на себѣ его быстрый, ощупывающій взгляд, то невольно проводила рукой по лицу, словно стараясь снять паутину, и уходила. Чувство непрерывнаго безпокойства за птиц не оставляло ее ни на минуту. Она то и дѣло заходила в свѣтелку посмотрѣть, пересчитать и, в концѣ концов, не в силах совладать со своим безпокойством, стала выносить клѣтки в грот под предлогом ранняго щебета, от котораго он просыпался.

Постепенно она зашила все его бѣлье, привела в порядок разорванные грязные штаны, связала теплый жилет, который Васька уважительно трогал иногда пальцами, боясь замарать. Внѣшне спокойная, говорила с ним всегда одинаково, но душа ея не только не раскрывалась этому мальчику, но инстинктивно боролась против непобѣдимой непріязни, которую он в ней вызывал. Она не могла привыкнуть к похабным словам пѣсен, которыя он почти всегда напѣвал, к жуткому блеску глаз, когда на малѣйшее замѣчаніе он готов был волченком оскалить зубы. И в такія минуты с особенной болѣзненной остротой вспоминала своего мальчика, с нѣжными руками вокруг ея головы и сонными словами перед сном, котораго она уносила к себѣ, как кошка своих котят.

Васька был чужой. Васька был олицетвореніем нале-

тѣвшаго на нее вѣтра, который в нѣсколько дней унес радость ея расчерченной жизни. Милица тосковала по тишинѣ. Она потеряла молитву, которую любила с такой силой. Она чувствовала обвал. Она знала, что уже не сможет вернуть цѣльность своей жизни, что трещина пойдет вглубь и мир, с таким трудом найденный, никогда не вернется. Она мучилась своим отношеніем к Васькѣ и не могла его измѣнить, мучилась молчаливой ложью, на которой построена была их совмѣстная жизнь. Она знала никогда не обманывавшим ее чутьем, что неправда была в ней, нашедшей радость в уходѣ от жизни, в жизни для себя, что ея Бог умирал на крестѣ за чужую, а не свою радость.

Легко было любить Бога в молитвѣ, в чистом и пахучем запахѣ трав, в строгой размѣренности никѣм не нарушаемой жизни. А когда надо было дѣйственно претворить любовь к Богу в любовь к человѣку — все распалось.

— Что от того, что я дѣлаю для Василія все, что нужно, что голос мой никогда не срывается с ним, — когда нѣт во мнѣ настоящаго чувства, ничего кромѣ обиды за утерю своего покоя. Значит, что же: — снова все невѣрно и цѣны этой, якобы дѣйственной любви — никакой? Ушла от неправды для того, чтобы к другой притти? Жила, чтобы, засѣяв свой кусок поля, — снять одну лишь сорную траву? Создала себѣ удобную жизнь и была счастлива? А чуть постучались — с дороги, — от своих богатств что дала? Ничего. Только за них испугалась, о затоптанной сапогами комнатѣ забезпокоилась. Как все недостойно и невѣрно! Оттого и не любит он меня. Ребячьим сердцем неправду чувствует.

Васька, дѣйствительно, не любил Милицы. Он не понимал ея жизни, непобѣдимо пугался ея чернаго облика. Каждый раз, когда безшумно выплывала она из глубины грота, вспоминал "маманьку", в чем-то неуловимо похожую на нее. Это ли сходство с матерью, которую он, несомнѣнно, любил; сознаніе ли, что эта женщина, которую он зря и безотвѣтно обидѣл, сдѣлала для него не по заслугам мно-

го, — но Васька сложил в душѣ рѣшеніе быть к "колдуньѣ" уважительным и жить смирно. Это давалось ему не легко.

Милица не даром так боялась за своих птиц. Стоило ей что-нибудь сказать, что было не по вкусу Васькѣ, как мстительная мысль—придушить "колдуньиных цыплаков", как почему-то прозвал он про себя кенарей, — мелькала в нем злой искрой. И только знаніе того, что все простится ему, но не обида птицам, останавливала его в послѣдній момент. Недаром безпокойно билось сердце Милицы, когда кошачьим шагом кружил он вокруг клѣток.

Но бывали дни, когда Васькѣ становилось непобѣдимо скучно. Он тосковал на свой лад по отцу, радостно вспоминая Дуньку с ея заливчатым смѣхом, Алексѣя Ивановича, голодную и растрепанную жизнь. Тогда он уходил и бродил по лѣсу, сшибая камнями маленьких птиц, раскапывая дыры, в которых жили ежи и кроты, и пролеживая часами с задранными кверху колѣнями, выкрикивая во весь голос гадкія пѣсни, которыя "колдунья" на-крѣпко запретила ему пѣть в гротѣ.

И пришел день, когда Васька почувствовал, что тоска шумит в нем, как вода, и что совладать с ней не помогут ни пѣсни, ни убитыя птички. Он собрал свое барахло и, держа в руках узелок и картуз, пошел искать Милицу.

— Ты куда? — с удивленіем спросила она, увидав маленькую фигурку, стоявшую перед нею.

— Пойду я, — уклончиво отвѣтил Васька, стараясь не глядѣть на нее.

— Куда ж ты пойдешь?

— Сам не знаю. К Дунькѣ, должно быть. Не в силу мнѣ тут. Скучно чиво-то.

Милица внимательно посмотрѣла на мальчика и, ничего не сказав, пошла к образам.

— Так я пойду, — полу - вопросительно повторил Васька.

— Иди! Силой держать не буду. А соскучишься —

приходи обратно. Отец-то не очень обрадуется, когда узнает.

— Не очень, — задумчиво отозвался Васька. Но тоска взяла верх и, переминая картуз в руках, словно нехорошее дѣло дѣлал, пошел к дверям.

— Ну, прощевайте, — кинул он уже выходя, как-то сразу повеселѣв, точно оставляя у Милицы гнет, под которым он не выдержал. — Может и соскучимся, тогда и придем.

— Приходи.

И степенным шагом, все прижимая к груди шапку и узелок, пошел Васька по тропочкѣ, насвистывая про себя отцовскую пѣсеньку.

Андрея выпустили к ночи. Выйдя из тюрьмы, он рѣшил узнать, на свободѣ-ли Дунька, спросить, гдѣ Васька.

Дунька варила себѣ в котелкѣ ужин. Все лицо ея вспыхнуло при видѣ Андрея, залилось краской и затухло. Губы раскрылись, словно она хотѣла спросить что-то, и мгновенно сомкнулись в надменной гримасѣ. Андрей смотрѣл на нее серьезно, без обычной презрительной насмѣшливости, хорошо понимая все горько ревнивое, что жило в ней по отношенію к нему.

— Здравствуй, Дунь! Давно тебя выпустили?

— Давно.

— Что-же, не трогают больше?

— Нѣт. Улик не нашли... За тебя меня посадили! — не удержалась, прибавила она зло.

— Знаю. Потому и сам в полицію пришел. И против меня улик не нашли. А гдѣ Васька?

Дунька передернула плечами.

— К монашкѣ твоей жить пошел.

— Это ты откуда знаешь?

— Смѣшняк говорил. Василій к нему ходил, тот и послал его к твоей...

— Это тот, бѣлобрысенькій пѣтушок? Гдѣ ты его выкопала?

— У меня мои знакомые, у тебя твои... Я — своих, ты — своих... Ты мнѣ не хозяин, я тебѣ не...

Андрей посмотрѣл на нее серьезно и сказал:

— Вот что, Дунь-Дунь! Час наш с тобой серьезный, прощальный пробил. Давай говорить, как люди. По-звѣриному жили, по-людски разстанемся. А я вот что тебѣ скажу. Не вѣрю я, чтобы Васька туда ушел. Пойдем-ка вмѣстѣ, посмотрим, а по дорогѣ и поговорим.

Они шли молча по старой узкой улицѣ, которая вела к широкой шоссейной дорогѣ. На окраинѣ ея стоял сарай. Еще издали увидал Андрей прикрытую дверь и висѣвшій на ней маленькій замок.

— Вѣрно, ушел, — сказал он задумчиво.

— Ушел, — откликнулась Дунька. Что-ж, и ты к монашкѣ пойдешь?

Андрей усмѣхнулся и, закурив папиросу, сѣл на приступочку. Дунька сѣла рядом с ним.

— Да, к монашкѣ, — отвѣтил он тихо.

И вдруг понял, что все время жил одним лишь желаніем, одной мечтой — уйти туда, наверх, гдѣ все так непохоже на здѣшнее, гдѣ из трубы валил душистый, смолистый дым, и слова звучали простыя, как птичій говор.

— Что ж, ты в монастырь пойдешь? Грѣхи замаливать? Забреет она тебя в чернецы. Будешь в юбочкѣ ходить, попом...

— Не забреет. Знал бы, что забреет, — повторяя смѣшное слово, сказал Андрей, — не пошел бы. А вот, — не бреет, и иду.

— Что ж она с тобой дѣлает?

— Ничего. Рядом живет, на свой лад. И все.

Дунька прищурилась и, затаив дыханье, одним броском бросила:

— Любит она тебя?

Андрей поднял на нее глаза.

— Развѣ такія любят? Развѣ таких, как я, любят? Бога она любит, это так. А я? Я для нея что воздух, не видит, — как бы и не было меня.

— Так зачѣм же ты туда идешь? Приворожила она тебя?

— Не знаю. Знаю, что пойду. Зачѣм, не знаю. Что там найду — тоже не знаю. Ничего не знаю. А не итти — не могу. Пока не прогонит, там останусь.

— Что ж она — святая?

— Святая, должно быть. Да только грѣх в ея святости, как червь в плодах живет. Разрѣжь ножом, как чорт от ладана вьется.

— С монашкой крутить любовь, конечно, лестно; еще, кажется, не приводилось, — зло рванула Дунька.

Но Андрей не слышал, продолжая говорить:

— Россію я в ней люблю. И грѣх, и святость, и жизнь ея в этой бонбоньеркѣ французской, — такую ни на что непохожую. И платье черное, глаза одержимые. Мать вспоминаю. Так же на колѣнях, перед кіотом, за нас с Катей, за живых и умерших молилась. Молилась, да только не замолила. Подлеца родила. — Все, что забыл, на нее глядя, вспомнил. Дороги наши, березки с осинами, поля без края, избы бѣдныя, странниц. Старицей живет. Вон пришла та к ней, — Маргарита, — с дѣвочкой. Учила она ее, чему не знаю, а сама — веселая. "Невѣрно, — говорит, — живем". От невѣрной жизни в грот она ушла. Да, невѣрно живем...

— Совушки кричат, слышишь, Дунь? — вдруг сказал Андрей, вслушиваясь. — Совушки и есть, по-ребячьи плачут! Что-то я их до сих пор не слыхал...

Но Дунька не отвѣтила. Она сидѣла, обняв колѣни руками, спрятав голову в юбку, и такая безпомощная, умиравшая любовь была во всей ея позѣ, в опущенной головѣ, растопыренных голых ногах и растрепанных, обычно гладко причесанных за уши волосах, что Андрей замолчал.

Хотѣл тронуть, хотѣл что-то сказать, но слова не сказались, рука не поднялась.

— Прощай, Назолка! Не таи на меня зла. За горе прости! Может, еще увидимся. А теперь прощай.

И, пока, не оборачиваясь, шел он по дорогѣ быстрым, крѣпким шагом, Дунька, сидя на завалинкѣ, плакала навзрыд, всхлипывая, захлебываясь в слезах, приговаривая:

— Отняла, сволочь, приворожила. Погоди ж ты, я тебѣ в свой час заплачу.

Цѣлый вечер шел дождь. Падали капли, шелестя заботливо, осторожно. Через дверку грота виднѣлся колодезь. Он наполнился до краев ночным дождем, и на нем дрожали и расходились водяные браслеты.

Милица прибирала грот. Она чувствовала себя легкой и счастливой. С Васькиным уходом исчез гнет, запах мужского потнаго тѣла и рысій взгляд глаз, непрерывно слѣдивших за ея движеніями. Она вдруг поняла, до какой степени ей была важна ея одинокая жизнь и какой раздавливавшей тяжестью лег этот мальчик на все, что было ей дорого. Молитва освобожденно встала в душѣ, и грот словно стал больше и свѣтлѣе.

Как в большіе праздники, она рѣшила смѣнить всю зелень, положить чистыя полотенца. Вѣтви оливковых деревьев вперемежку с кипарисовыми лежали на полу. Запах лаванды вырывался броско, ярко из провансальских каменных горшков, глянцевитым блеском отливавших на свѣту. Щебет кенарей сливался с запахом горькой полыни, разсыпавшейся сѣрыми катышками под острыми клювиками, клевавшими их.

Милица любила дождь, любила ходить с непокрытой головой под мелкими каплями, проникавшими до кожи. Стянув черной ниткой неподобранные волосы, она вышла и направилась к колодцу за водой. Все казалось ей в этот день ясным и легким. Сѣрый налет дождя тонкой пылью обвивал деревья.

Она шла напѣвая, без слов сучила мотив. Потом поставила рядом с собой ведро и сѣла у колодца. Она любила смотрѣть, как встает туман, как дымится паром земля и полыхает пламя костров от налетов вѣтра. Она любила слушать пѣвучую зыбкость воздуха, растворяясь в молчаніи, в радости без причин. Ей хотѣлось говорить, исповѣдываться перед Богородицей.

И когда прозвучал низкій голос Андрея: "Ишь, как задумалась крѣпко! ничего не слышит!" — она нѣсколько минут всматривалась в него, совершенно не умѣя связать его с тѣм, в чем она в эту минуту жила. Потом, ничего не отвѣтив, молодым, застѣнчивым движеніем подняла распущенные волосы и старательно завязала их восьмеркой на головѣ. Но волосы не держались без шпилек и снова распались черной волной.

Он внимательно вглядывался в нее, пораженный каким-то новым выраженіем безпокойства в похудѣвшем лицѣ. Но радость от ощущенія, что она здѣсь, что он снова видит одержимый блеск странных сѣрых глаз, снова дышит влажным запахом лѣса, — побѣдил и затушевал все остальное.

Милица быстро овладѣла своей растерянностью и снова, как всегда, своим просящимся в душу голосом, от котораго Андрей затихал как от материнской руки, спросила:

— Ты когда же вышел? Давно выпустили?

— Сейчас и выпустили. Прямо сюда и пришел.

Взяв ведра из рук Милицы, которая поднялась, чтобы итти домой, он зачерпнул воду и, мѣрно покачиваясь на ходу, пошел вслѣд за нею по тропкѣ.

— А Васька гдѣ?

— Василій ушел с ранняго утра. Скучно ему стало. "Не могу, говорит, я тут больше!" — и ушел. Тоскует он у меня; я думаю, по тебѣ он тоскует. Потому и ушел.

— Куда же он ушел?

— Сказал, к этой, Дунѣ, — почему-то с трудом выговорила Милица.

— Спасибо, что пріютили Ваську. Без вас он пропал бы, — глухо прибавил Андрей, и затѣм, неожиданно мягко, спросил:

— Трудно вам с ним?

Милица хотѣла отвѣтить, но не смогла. Словно не разслышав, прошла вперед, все стараясь связать волосы, в которых тонула покрытая ими рука.

Андрей поставил ведра, посмотрѣл на лежавшія на полу срѣзанныя вѣтки и с несказанным наслажденіем стал поднимать их, неуклюже разставляя в кувшины и ведра.

— Постой, не так, совсѣм их не так ставить нужно, — сказала Милица, и вдруг разсмѣялась своим старым, первым смѣхом.

— И впрямь, должно быть, не так, — отвѣтил он, тоже разсмѣявшись, точно с этим первым смѣхом ушло все напряженное и темное, что жило между ними с момента их встрѣчи.

— Ты ѣл? Хочешь ѣсть? — беря в руки лампу, спросила Милица.

— Не хочу ничего. А вот свѣта не нужно. Этот час особенный. В сумерках лучше.

Она не отвѣтила, но лампу отставила и сама сѣла на табурет.

— Что-ж тебя... как-же выпустили?

— Без задержки. Улик достаточных не нашли.

— А в чем-же винили? — неосторожно спросила Милица.

Улыбка сошла с лица Андрея. Ему, видимо, очень трудно было не отвѣтить на ея вопрос, а отвѣтить — значило, уйти.

— Придет час, разскажу. А сейчас еще рано. Скрыть ничего не скрою, только не теперь. Разбойничал, озорничал, от скуки больше. Когда не знаешь, куда силу дѣвать, когда вѣтер в тебѣ пѣсни поет, что тогда дѣлать? Всѣ мы убиваем, разоряем. Вот и вы, — улыбнулся вдруг Андрей,

— мое гнѣздо разорили. Куда-ж мнѣ теперь итти? Прогоните, на недоброе толкнете...

— Я? Когда-ж я разоряла? И не гоню я тебя. Вон, Василій в свѣтелкѣ, живи с ним пока. Что ты, — когда-ж я тебя гнала? — вдруг заторопилась Милица. — А вот, что про вѣтер ты прежде сказал, — вѣрно сказал. Вѣрныя слова. Поет в каждом.

— Что-ж вы дѣлаете, когда он запѣвает?

— Ничего. Молюсь. Утишаю.

— Ну, а я молиться не могу. Забыл.

— Вспомнить не трудно. Тогда у меня, вѣдь, перекрестился.

Андрей взглянул на нее с изумленіем. — Вот, диво. За спиной стоял, а видѣла!

Но Милица уже продолжала дальше:

— А я тебѣ скажу, — почему. Думал, никто не видит, — и перекрестился. От стыда не молишься. Молитва во всѣх живет.

— Не читай ты меня, не книга я тебѣ, — вдруг громко отозвался Андрей. Не вѣрю я все равно сейчас в твоего Бога, если Он такую жизнь сотворил.

— Да вѣдь развѣ это Бог? Бог, посмотри, какую красоту создал на радость. А мы, что из нея сдѣлали?

— Слушай меня, Птицелюбка. Не всегда и я в таком нарядѣ ходил. Было время, волосы причесывал, Богу твоему молился. Всѣ слова чинно, в ряд, по мѣстам стояли, — любо смотрѣть. Какое покрасивѣе, то и выбирай. Любил и я словами баловаться, как шарами на билліардѣ, без промаху цѣлил. А как на войну попал, смрада человѣческаго нанюхался, вот эту самую божью жизнь увидал, — отшатнуло. От всего — от красивых слов, от умных рѣчей. Захотѣлось, как всѣ стать. Самому провшивѣть, слова руганью просмердить, новенькими побаловаться. Рядовым стать. Солдат, как солдат. А потом привык Как извозчик, продолжал разговаривать. Ты думаешь, я таким языком говорил... — он помолчал и горько приба-

вил: — когда человѣком был?!.

Милица слушала его с изумленіем.

— И я тоже, — вдруг не выдержала она. — Устала от всего, от лишних слов. О землѣ затосковала. И когда из дому ушла, по иному разговаривать стала, свои слова нашла. У каждаго свои есть.

— Да, у каждаго, — отозвался Андрей. — Только скуп к своим словам человѣк. Может, из всего смрада жизни одно только и выносишь — никому не сказанныя слова... Распирают, наружу просятся иногда.

— И молитва своя, — снова откликнулась Милица. Я, вот, когда в монастырѣ жила, думала: сколько душ — столько молитв. Одни молятся дерзко, требуют, а чего? каждому отпущено, сколько нужно, мѣра Божья — мѣра вѣрная. Другіе просят смиренно. Третьи разговор ведут, друга ищут. А на повѣрку всѣ одинаковы, всѣ от голодной любви просят.

Тихо стало. Свѣтлая рѣшетка падала от свѣчей, гнулась, скользила по полу. И сквозь дождь, по-волчьи, бросил вѣтер в воздух зов, взвил и ушел в землю. Темным кубом встала тѣнь Андрея, легла на отсвѣты на землѣ и пропала. Он стоял, прислонясь к стѣнѣ, страшный и невидный, пока не зажглась папироса и не побѣжала красным в темнотѣ.

Он долго ходил от стѣны к стѣнѣ. Потом подошел к Милицѣ и сѣл у ея ног. Голова, вровень с ея колѣнями, потонула, и голос зазвучал по-иному.

— Вѣрно. От голодной любви, как волки, кружим. Помнишь, Птицелюбка, когда уходил я в послѣдній раз, мои слова? "В тюрьму пойду — о тебѣ думать буду». И не знал я тогда, что сказал. От голодной любви день и ночь думал.

— Комнату свою, вонючую, не замѣчал. Сидишь, думаешь, никто не мѣшает. День и ночь, не отрываясь. Нивѣсть что, кажется, бы дал, только чтобы вот так, как сейчас, тут сидѣть. Запах этот особенный слышать.

— Свѣжим вѣтром ты по жизни моей прошла. Россію я вспомнил. В Россію я хочу. Не могу я тут. Лучше русскій клоповник, чѣм чужая земля. Лучше. Близок локоть, да не укусишь. Так и сдохну здѣсь собакой, а в Россію не попаду, кончу в кабакѣ или на висѣлицѣ.

— Что забыл — вспомнил. Что вспомнил — не забыть. Жить хочется, по-хозяйски, на своей землѣ. А тут скучно мнѣ, оттого и разгульничаю. Что мнѣ с силой дѣлать? Куда молодость отдать?

— Вот, сидѣл на вышкѣ своей в тюрьмѣ и думал. Словно на ладони, вся жизнь встала, злая, скученная. Все увидѣл. И себя, и других. Тошно мнѣ стало. Как подумал, что вчера и сегодня, значит, и завтра все так же, все то же будет, — такая тоска меня взяла. Лучше в воду, чѣм так продолжать. Вот тогда-то и понял я. Свѣжим вѣтром ты прошла по жизни моей. Не гони меня, Птицелюбка, все равно опять приду. Не жить мнѣ без тебя.

Милица вздрогнула, точно камень он на ея жизнь своими словами положил. И неловко, не так, как хотѣла, сказала:

— Бред! Что ты у старой найти хочешь? Понимаешь ты, что говоришь?

— Понимаю. До послѣдней точки понимаю. Не жить мнѣ без тебя. Сам не знаю, почему, но знаю, что не жить. Что мнѣ в молодости? Сколько молодых и красивых, — как вода, сквозь пальцы протекло. Что осталось? Подсолнухи, нащелканные на-выброс, и все. Не брежу я. Не зажигай ты свѣта, погоди... не все я сказал, дослушай. Дьявол во мнѣ живет. Вѣтром ходит. Ни привязи, ни удержа на него нѣт. Я правду тебѣ скажу: не рукам твоим слабым с ним совладать. Не спасешь моей души, не старайся. Только, если прогонишь, — Богом твоим клянусь — ни себя, ни других не пожалѣю... Не бери на себя грѣха...

Милица крестилась. Руки ея дрожали. Она знала, что

в этот момент умирала та ея жизнь, до которой дошла она по такому трудному пути.

Но Андрей ничего не видѣл. Он продолжал говорить, как в забытьи, слушая, как чужія, новыя свои слова.

— Знаешь ты, что ты для меня? И Россія, и мать, и Катюша. С восемнадцати лѣт сестры не было. Ласковой руки не знал. Темную жизнь прошел, угарную. Томился грѣхом, а уйти не мог. Держит он меня, кормит. Оторваться не могу. Без него, как печь без топлива. Так и живу, горю, других палю, свою душу спаливаю, — то в гордынѣ, то в отчаяньи.

— Вѣтер встал. Слышишь? Любишь ты вѣтер? Как же я его люблю! Все в нем слышу: как море шумит, как песок шуршит, как лѣс с полем переговаривается. Это — бѣлый вѣтер, тревожный. А пройдет нѣсколько минут, по землѣ начнет стелиться. Пока не встанет, крестом по всему тѣлу, по рукам разольется, загудит. Это — вѣтер черный. Этот — черной кровью по тѣлу разливается.

— Что ты со мной сдѣлала? Что во мнѣ развязала? Всѣ слова потерянныя нашел. Всѣ собрались, наружу просятся. Отдать тебѣ их хочется, до послѣдняго. Никогда еще не было такого со мной. Тянет меня к тебѣ и как-то легко.

— Цѣловать твои стопочки хочется, обнимать руками так, чтобы ничѣм не задѣть. Цѣловал я тебя, как безумный, в тюремныя ночи, а ни одной мыслью не обидѣл.

— Довольно, замолчи... Никогда тому не быть, о чем говоришь. Слышишь?!

Голос Милицы зазвенѣл, сорвался. Она встала. Табурет опрокинулся в темнотѣ. Оступившись, она ударилась о плечо Андрея. Не помня себя, он схватил ее на руки и прижал к себѣ. От движенія свѣчи вспыхнули, забились.

А Милица метнулась, нечеловѣческим усиліем собранной силой стала рваться из рук. Но чѣм больше билась,

тѣм крѣпче сжимали ее руки, тѣм сильнѣе сыпались на ея лицо поцѣлуи, бережные и нѣжные.

Он цѣловал глаза, закрытый черный ворот высокаго платья, руки, упиравшіяся ему в лицо и грудь. Цѣловал упоенно, баюкая и прижимая к себѣ, как ребенка, не дѣлая ни одного движенія, которое могло бы ее задѣть. Как испуганную птицу, прижимал легкое тѣло, клал голову на грудь, слушая стук сердца, наполнявшій его голову трепетным біеніем. И снова цѣловал глаза, платье и руки.

— Птица моя легкая, крылатая, — шептал Андрей. — Тайна моя. Не бойся меня! Никогда, ничѣм не обижу тебя... Не слышишь, что во мнѣ живет?

Он носил ее по комнатѣ, разжимая руки, замыкая их, словно боясь ранить неосторожно. И говорил робко, шопотом, новыя слова, еще никогда не сказанныя, никому не данныя.

— Птаха моя, радость моя. Не бойся меня, не бойся. Не бейся так. Что бьешься?

Он прижимался щекой к ея щекѣ, цѣловал ея ладони. И вдруг почувствовал, как упало первое сопротивленіе, стало затихать неистово бившееся тѣло, и по сжатым пальцам его руки горячим током заструились слезы. Держа ее, как сноп срѣзанных трав, на вытянутых руках, он продолжать говорить, срываясь, повторяя от неизбывной нѣжности, от которой росло в нем сердце, тоскующее по любви:

— Тайна моя тихая... Птица моя... Назолка, Назолушка ты моя...

Милица вышла из грота еще до разсвѣта, голова болѣла, тѣло ныло. Андрей спал. Уходя, она с нескрываемой жутью посмотрѣла на этого, совершенно ей чужого, человѣка. Передернула хрупкими плечами, словно что-то сбросить хотѣла. И вышла на дорогу.

На старом, заброшенном остовѣ разрушенной часовни живым диском равномѣрно кружились ласточки. Онѣ

взлетали кверху, разсыпались кольцом, огибали фасад и вновь взлетали, легкія, в сѣром без свѣта утрѣ. Как припѣвы в церковной службѣ, повторяли онѣ десятки и сотни раз свой полет, служили кому-то службу, возносили свою птичью молитву Богу.

Милица долго стояла и смотрѣла на их перелеты. Потом медленно повернула с дороги и пошла в свѣтелку. Она вдруг поняла, что только птицы, с их довѣрчивыми глазами и движеніями, с их особой птичьей вѣрой в ея заботу о них, смогут, хоть на этот час, вернуть ту, необходимую ей для жизни, легкость и радость, без которой, как без воздуха, она не могла больше жить.

И когда со всѣх сторон птицы стали слетаться, с первым голодным щебетом садясь ей на плечи и руки, — она в первый раз за нѣсколько часов улыбнулась им своей удивительной, раскрытой улыбкой и сказала, как всегда обводя всѣх свѣтлыми глазами:

— Хорошо поет кенарь... Ах, как хорошо, — и, нагнувшись к клѣткѣ, стала засыпать им зерно.

Васька вернулся в момент, когда Андрей выходил из грота, держа в руках два ведра и кувшин. Краска бросилась ему в лицо. Все слилось в одно, заливающее душу, чувство радости, обычно так крѣпко замкнутое в душѣ Но краска отхлынула, сердце забилось, и страх, что "прибьет" за самовольный уход, смѣнил все остальное. Он стоял недвижно, стараясь собрать в одно ощущенія, над которыми властно царила боязнь. Он боялся отца не меньше, чѣм любил. Но, к невыразимому удивленію Васьки, Андрей не только не сжал бровей и не засыпал его бранью, но спокойно сказал:

— Здравствуй! Гдѣ ж это ты бродишь один, день и ночь? Видѣл Дуньку, Алексѣя? Бери ведро, идем к колодцу!..

И Васька пошел, спотыкаясь и ища соотвѣтствующій

непривычному спокойствію отца тон. Он разсказал про Дуньку и Алексѣя, а сам быстро в умѣ прощупывал событія: возврат отца, видимо, проведенную им ночь в гротѣ, необычный тон, — пока не мелькнула хищным оскалом мысль: "Кольдуньино дѣло! Это она заворожила! Больно ласковый стал..."

Цѣлый день Васька жадно вслушивался и смотрѣл, стараясь понять, что происходит, тоскливо ожидая, что отец поднимется и позовет домой. Но Андрей стругал какія-то доски и явственно итти никуда не собирался. И чѣм спокойнѣе становился, тѣм ненавистнѣе сверкали Васькины глаза, когда — украдкой, за спиной отца — он поднимал их на него и Милицу.

Милица ходила, убирала, дѣлала какія-то, совсѣм ненужныя работы, но к кіоту не подходила. Изрѣдка, когда начинала трещать догоравшая свѣча, она вынимала ее, прятала огарочек в ящик и незамѣтным движеніем вставляла на ея мѣсто новую. Только лицо было пугающей бѣлости, и на нем выступали ярче, чѣм всегда, одержимо-открытые, сине - сѣрые глаза. И когда Андрей поднимал голову и встрѣчал этот блеск, он вспоминал ни с чѣм не сравнимую синь сибирских рѣк в утреннее предзорье.

А когда стемнѣло, она накинула платок на плечи и пошла в лѣс. Там, на пенькѣ, вынув из складок черной юбки Евангеліе, она разложила его на срубѣ, перекрестилась и вполголоса стала пѣть вечерній канон. Но в этот день слова, так много говорившія ей в часы душевнаго покоя, сказались мертвыми.

Она повторяла их, как будто перебирая четки, а когда кончила, стала на колѣни, прижалась лбом к Евангелію и всей пережитой за ночь мукой зашептала свои слова, в первый раз говоря с Богом как с равным, самым близким.

— Господи, Іисусе Христе, раскрой мою душу. Научи любить. Научи другому давать, что ему нужно, пригоршнями, не считая. Как мнѣ жить, как помочь под моим ок-

ном стоящему? Как впустить в свой дом, во имя Твое созданный, не разорив Твоего? Господи, Руки Твои обнимают мір, и всѣм в них есть мѣсто. А я не могу, не умѣю душу положить за другого, полюбить больше самой себя. Не живу по Твоему... В неправдѣ живу... Помоги мнѣ, Господи!..

Было темно, когда она встала с колѣн и пошла домой. Густой туман одѣл землю. Идя в его сѣдой пеленѣ, с трудом различая дорогу, она смотрѣла на валами ползшія облака, теряя чувство земли. Она шла по мягкому ковру облаков, среди которых то и дѣло выплывали похожія на монахов деревья. Окутанныя в бѣлые саваны, они наклонялись от движеній вѣтра к ней, фантастически длинныя на зелени неба, и она невольно ускоряла шаг, идя вслѣпую по знакомой тропкѣ.

В гротѣ никого не было. Милица облегченно вздохнула, прошла к кіоту и, став на колѣни, стала молиться какой-то обнаженной, безсловесной молитвой, разрѣзаемой именем Христовым.

Потом встала, зажгла маленькій каганец и начала писать.

..."Владыка! нѣт у меня больше сил. Не справиться мнѣ без Вашей руки с испытаніем. О помощи прошу. Как скажете, так и будет. Вы благословили меня на жизнь монахини в міру, на отреченіе. С Вашего благословенія ушла я в грот. Молилась, была счастлива. А сейчас все пропало. Знаю, что жила во лжи и во лжи живу. От одной неправды пришла к другой. Создала себѣ благоустроенную жизнь с Богом: молилась, давала совѣты — не трудно это, и была счастлива. Для себя. Без труда, без креста. Так долго продолжаться не могло. Бог повернул меня к себѣ, отрезвил жестоко. Да будет воля Его. Когда трудное подошло, когда свою жизнь за другого положить оказалось нужно, чтобы душу спасти, не молитву, а дѣло принести Господу, — вся моя удобная радость пропала. Служба Богу

обернулась неправдой. Не Ему я служила, а себѣ. Свою радость питала. А сейчас на перепутьи стою. Что мнѣ дѣлать, — не знаю. Как жить, — не знаю. Знаю, не зря мнѣ испытаніе послано, а выйти из него сил нѣт".

Милица положила перо и крѣпко задумалась. Как разсказать владыкѣ об Андреѣ, какими словами об'яснить то, что темным оставалось еще для нея самой? Она знала, что дѣло идет о спасеніи человѣческой души, что спасеніе это возможно через ея тѣло, — крестную точку испытанія, которое ей послал Господь. Знала, что такіе, как Андрей, не мѣняют волчьей одежды на овечью в два счета, и платить за это новое рожденіе должна будет она.

Вспоминала прожитую ночь, силу своего сопротивленія и необ'яснимую для Андрея чистоту каждаго его движенія, ни в чем ни разу не оскорбившаго, ни обидѣвшаго ея. Но если в эту ночь он пошел на отказ от скрытаго и запрещеннаго для него тѣла монахини, то лишь в силу ея остраго сопротивленія.

Знала твердо, что час жертвы придет, а на эту жертву сил у нея не будет. И вдруг вспомнила с безмѣрным испугом минуту, когда ослабѣло сопротивленіе, когда тѣло мучительно сладко, внѣ воли, отвѣтило молодым рукам, запросило ласки, забилось под словами, так долго жданными, так неистово желанными в теченіе многих лѣт.

Она взяла перо, пододвинула письмо и усиліем воли хотѣла заставить себя писать. И внезапно застыла. Скрипнула дверь. Невольным движеніе она закрыла письмо, но рука не слушалась, сердце билось, ноги подкосились не от испуга, а от знанія. Она поняла, что пробил час испытанія, знала, что никто ей не поможет и что к испытанію этому она не готова.

Андрей стоял, сам не понимая своего сумасшедшаго волненія перед этой беззащитной женщиной, от которой, как от судьбы, не суждено было ему уйти. В первый раз он чувствовал, что не он вяжет и рѣшает, а другой, и что

вся его жизнь накренилась, — то-ли к спасенію, то-ли к погибели, он не знал.

Знал только, что лишь новой жизнью можно было купить то, что теперь стало для него единственно важным. Знал, что впервые сила была в чужой рукѣ и просил он, Андрей, — как солому, гнувшій чужія души, — просил милостыню для всей своей будущей жизни.

— Слушай меня, Милица, — начал он. — Слов говорить я не умѣю и не умѣл. А что скажу, тому вѣрь. Не могу я жить без тебя. Не могу. Свѣт ты во мнѣ засвѣтила. А в какой падали я живу, — лучше не скажу.

— Грѣх мой к ногам твоим кладу. Грѣх крайній, послѣдній. Прощенья ему нѣт. Ничего не обѣщаю, ничего обѣщать не могу. Не я грѣхом своим правлю, а он мной. Когда обуревает мной дьявол, в себѣ я не волен. Не о спасеніи прошу — меня спасти нельзя, — а об жизни. Скажешь "нѣт" — значит, не жить ни мнѣ, ни другим. Терять будет нечего... Выходи за меня замуж, Василью матерью будь!..

Милица встала. Сердце билось до удушья. Сказала твердо, сурово:

— Не бывать тому никогда. За слова твои — спасибо. За отказ — прости. Не знаешь что просишь. Не жена я, а мать тебѣ возможная. В наваждении просишь... Не понимаешь... Я — монахиня в міру, с благословенья владыки сюда ушла. Тебя не брошу. Чѣм могу, помогу и тебѣ, и сыну. А теперь иди с Богом. Мое это послѣднее слово...

— Не уйду, ни сегодня, ни завтра, никогда. Связаны мы с тобой грѣхом. Не одним — разным. А живет он в тебѣ не хуже моего. Под одеждой твоей монашеской — голодная ты живешь. Себѣ и другим лжешь. Ласки ждешь, — не моей, так другого, все равно чьей. Сама не знаешь, с чѣм борешься. Испугал тебя кто-то крѣпко. От испуга-то, может, ты из міра ушла.

— Слушай меня, Андрей. Тому, о чем просишь, — не

бывать. Уходи. Прошу я тебя, уходи. За вчерашнее — зла на тебя не таю. Но второй раз того, что было, не будет. Если от темной жизни своей уйти рѣшил, — помогу всемѣрно и тебѣ, и Василью. Это все. Другому не бывать.

— Отчего не бывать? Не давай зарок.

— Потому что я монахиней стать захотѣла и монахиней останусь.

— Как-же ты Богу твоему служишь? Я о помощи не просил, — любви просил. Ты же предлагаешь помочь — и отталкиваешь. На что толкаешь, не думаешь. Послужи Богу через меня. Может, других спасешь.

— Уйди, искушать меня не зачѣм...

— Уйти могу. Только ничего мы с тобой этим не обойдем. Мнѣ без тебя не жить. Это — мое послѣднее слово. А словами мнѣ сейчас играть не по минутѣ. Хорошо, — уйду. Буду ждать, сколько захочешь. Но, помни, от слова своего я не отступлюсь. От тебя не откажусь. Связаны мы с тобой, это я знаю, крѣпко. Зря ты против себя борьбу завела, против самой себя встала. Я уйду, а ты думай. Захочешь помочь — выходи за меня. Не захочешь — оба мы красную цѣну заплатим. Я тебѣ не грожу, а только голую правду, — какая она есть, перед тобой кладу. А теперь прощай. Свѣтлых тебѣ снов.

Жутко в ночном покоѣ зашелестѣли уходящіе шаги. Что-то спугнули. Круглыми шарами покатились по землѣ шорохи: быстрый бѣг крысиных лап, перебиравших камни, взлет заснувших птиц и захлопнувшаяся дверь свѣтелки.

Милица встала, подошла к столу, переложила листки неоконченнаго письма, перечитала, сложила и разорвала на мелкіе куски.

Васька озвѣрѣл. Он смотрѣл на жизнь у Милицы, как на необходимость, пока Андрей был в тюрьмѣ. Ему в голову не приходило, что, очутившись на волѣ, отец, — вмѣсто того, чтобы вернуться в сарайчик к Дунькѣ, к свобод-

ной, разнузданной жизни, — останется в гротѣ с "колдуньей". Он не понимал того, что происходило, не хотѣл вѣрить, что возврата к старому нѣт. И слѣдил, затаив дыханье, за каждым шагом, каждым взглядом отца и Милицы.

Но раскрыть для себя то, что происходило, не мог. Он не узнавал отца в зажатом, молчаливом человѣкѣ, не позволявшем себѣ при Милицѣ ни одного срыва. Он давился от удивленія, слыша разсказ о том, как Андрей ходил по фермам наниматься в батраки, глядя на его потрескавшуюся на руках кожу, забитую землей от тяжелой работы. Но чѣм меньше повышал голос и замахивался на него отец, тѣм сильнѣе росла в нем ненависть к "колдуньѣ", по его представленію, заворожившей и подмѣнившей отца.

"Околдовала — не иначе... Вишь, смирный стал... За вихры не таскает. В умѣренности как бы живет..."

И, как мог и умѣл, скрывал под опущенными вѣками блеск метавших злобу глаз. В тѣ дни, когда Андрей уходил батрачить, Васька исчезал, возвращаясь за нѣсколько минут до прихода отца, увѣренный, что "колдунья" не выдаст и разговора об его уходах не поднимет.

В темный осенній вечер, когда, нанеся липкую грязь на свѣже - вымытый пол, Васька, запыхавшись, влетѣл в грот, видимо, перетрусив от мысли, что отец уже дома, — Милица, не поднимая глаз от дѣтской рубашечки, которую она заканчивала для своей крестницы, спросила его, куда он уходил, не сказавшись. Васька поблѣднѣл от изумленія и, схватив лежавшія на столѣ ножницы, бѣлый от злости, пырнул ими Милицу в руку. Но, повидимому, сам не освоив неожиданнаго, безконтрольнаго движенія, — испуганно глядѣл на брызнувшую на полотно кровь.

Милица встала, не помня себя от боли и возмущенія. Она начала собирать какія-то вещи, схватила платок и, повернувшись к Васькѣ, страшная, точно выросшая, бросила в воздух:

— Загадили!.. Загадили.. вы мнѣ жизнь. Уйду, уйду, — куда глаза глядят. Сил моих больше нѣт... Уйду!

И откуда-то, — сам не понимая откуда, — родившимися словами прошептал вдруг Васька, дрожа всѣм тѣлом:

— Не уходи, без тебя нам погибать... — И бросился вон из грота.

Вытирая катившіяся по щекам слезы, Милица смотрѣла ему вслѣд, крестясь и повторяя несвязныя слова. Васькина фраза глубоко потрясла ее, может быть, именно потому, что так вразрѣз шла она с его острой к ней ненавистью, от которой ей минутами становилось страшно. Но так долго сдерживаемыя слезы вырвались и, дрожа всѣм тѣлом, она сѣла на лавку, не в силах их сдержать.

— За что ж это, за что ж, Господи? И откуда такую злобу таит в себѣ ребенок? Что я ему худого сдѣлала? — И отвѣтила мыслью на мысль.

— Невѣрно живешь — в грѣхѣ живешь. Дѣти это чувствуют. Пресвятая Богородица Пречистая... Помоги... Научи что дѣлать! Как жить — не знаю. Знаю только, что так дальше нельзя.

Милица плакала, сотрясаясь всѣм тѣлом, не помня себя. Она не слышала, как раскрылась дверь и вошла Маргарита Николаевна. Не сразу поняв, что плачет Милица, она бросилась к ней, сѣла рядом и схватила ея руки.

— Милица, голубушка вы моя. Что случилось? Вам ли — чужой утѣшницѣ — плакать? Да что ж это такое? Христос с вами, родная вы моя!

И не в силах таить в себѣ все, что ложилось ежедневным гнетом на душу. Милица, не поднимая головы, стала говорить неровно, непонятно, в отрывочных словах бросая боль, ищя освобожденія

— Заг[illegible] разгромили... с таким трудом путь свой нашла. — [illegible]ком пошло. Молиться не могу. Ночи не сплю. Бо[illegible]гил. Живу в сомнѣніи — все неправдой обер[illegible]я жизнь моя — ложь. Богу не молюсь,

служить ему не служу. Как служить — не знаю. Живу как затравленная. Скученной жизнью живем. Дышать нечѣм. Отец в Бога не вѣрит, молиться не молится. Звѣрем всю свою жизнь прожил. И я не молюсь при нем — не могу. Радость ушла, — а я Богу радость несла, от любви к Нему рожденную. А тут мальчик этот звѣренышем живет. Ни одна собака меня никогда — за всю жизнь — не укусила. А вот он укусил, ножницами пырнул, Руськину рубашечку всю кровью залил...

Маргарита Николаевна слушала блѣдная, не выпуская ея рук, а Милица продолжала, не в силах остановиться:

— Ненавидит он меня, за что — не знаю. Ребенок, а такую ненависть таит. Ходит, как хищник, — все кажется, птиц передушит. Господи! Прости меня, если грѣшу против него. И знаю: я виновата, в чем виновата — не знаю, а только на мнѣ вина. Все пересмотрѣть надо. Не монахиня я — не по силам взяла. От гордыни-ли, от слабости-ли, только не от настоящей любви в монахини пошла. Еслиб любила Бога как надо, — не оставил бы Он меня. Что мнѣ дѣлать?

Маргарита Николаевна выпустила руки Милицы из своих и вдруг сказала:

— Милица! Вы знаете, как я вас люблю. Сестра мнѣ не дороже. Можно — скажу вам, что думаю? Давно слух пошел о вас и о нем. Уж так больно мнѣ было, так к вам не пристало. Сколько раз хотѣла вас спросить — да не смѣла. А теперь вы сами позволили разсказом своим. Любите вы его? Тогда что-ж плохого? Вѣнчайтесь. Мальчику матерью станете.

— Не люблю. Не люблю совсѣм. Сам он о вѣнчаньи просит. Какая любовь? Благословил меня владыка на монашество в міру, а тут всю мнѣ жизнь он перевернул — всю до корня. Сыплется жизнь моя, вся до основанія обваливается. Невѣрно живем. Василій меня не любит, и я его не могу полюбить. Уж молилась, о помощи просила —

нѣт ея. Словно закрытая, перед душой его злобной, дѣтской — стою. Отец волком ходит, глаз с меня не сводит, отвѣта ждет. Вѣнчаться просит. Не люблю его, боюсь его.

— Грѣх он во мнѣ разбудил. Тѣло во мнѣ разбудил. Муж не любил, никто не любил меня. Так жизнь сложилась. От всего я отказалась, все в себѣ задушила, думала, на-вовсе умерло. А вот не умерло. Не любя, в себѣ кровь почувствовала. Тѣло заговорило. И больно как, стыдно как... Глаз на себя поднять не могу. Молиться не могу, что дѣлать, не знаю. Знаю только твердо, что монахиней не достойна быть. Не монахиня я — не слуга Богу... В вѣрѣ сомнѣваться стала, — прибавила она тихо.

Маргарита Николаевна слушала, не отрываясь. Видно было, как ей больно, как, нивѣсть что, дала бы она, чтобы помочь ей.

— Милица, слушайте меня. Завтра иду я к владыкѣ. Он один из круга вас вывесть может. Хотите — разскажу я ему все, что вы сказали? Спрошу совѣта — благословенья вам? А то сами пойдите! Знаете, вѣдь, как он любит вас, словно дочь родную. Только не плачьте, не мучайтесь так!..

Тихо стало. Долго молчали. А когда подняла Милица голову на Маргариту Николаевну — другое лицо, глаза в глаза, смотрѣло.

— Спасибо вам. Так пусть и будет. Самой мнѣ нѣт сил сейчас итти. А что вам разсказала — владыкѣ передайте. Как скажет, так и сдѣлаю. По слову его поступлю. Скажите, благословенья прошу. — И тихо прибавила:

— Все равно, и так крест, и так крест нести. Выбора нѣт. Идите, моя голубушка. Спасибо вам.

Милица встала проводить Маргариту Николаевну. Отворила дверь и, пропустив ее вперед, вышла на воздух. От их внезапнаго появленія вспорхнула с сосѣдняго дерева и перелетѣла птица. За стволом качнулось и пропало

бѣлое пятно. Двѣ быстрых, как ожог, точки впились в Милицу, ощупали и исчезли.

— Что это? Маргарита Николаевна, вы видѣли? Словно платок мелькнул.

— И мнѣ показалось. Глаза не глаза, а что-то мелькнуло. Звѣрька мы спугнули со сна.

— Звѣрька-ли? Глаза мнѣ почудились. А, может, и впрямь бѣлочка с вѣток сорвалась.

— До завтра, Милица. Как сумѣю, приду или с кѣмнибудь записку пришлю.

— Спасибо за все. Спасибо вам мое душевное.

Милица вернулась в грот. От пережитой боли в головѣ спутанно толпились мысли. Но додумать их она не могла. Что-то мѣшало. Усиліем воли напряглась и сказала:

— Глаза...

Мелькнувшіе в лѣсу глаза. Кто-то слѣдил и прятался, кто-то не хотѣл, чтобы его замѣтили. И в душѣ, словно от грязных пальцев, остался слѣд.

Долго сидѣла она. До глубокой ночи. Думала, вспоминала. Все пересмотрѣла: сумасшедшую первую любовь, слишком скоро, безразсчетно данную, безотвѣтную, и уход в себя — испуг перед жизнью, тоска по любви, ни разу за цѣлую жизнь не пережитую.

И когда в полночь, увидав через дверь свѣт, Андрей зашел в грот, — она тихо, с покорностью в голосѣ, сказала ему:

— Жду отвѣта от владыки. Благословенья на брак. Благословит — замуж за тебя пойду, Василью матерью стану. А не благословит — крѣпко мое слово: уходи, Андрей, и никогда на пути моем не вставай!..

Андрей вышел из грота, как пьяный. Мысли потянулись, одна путаннѣе другой. — "Пойду в город, все равно, заснуть не засну", — сказал он себѣ.

Он спускался по тропинкѣ, стараясь овладѣть своим

волненіем, связать в одно то разрозненное, что не могло и не хотѣло уложиться в формулу. Напряженное ожиданіе, в котором он жил около Милицы, вдруг упало. Но насиліе, которому он подчинил себя, живя в условіях совершенно чужих и чуждых всему его складу, — утомило его безмѣрно. Он нес жизнь в гротѣ, подчиненіе чужой волѣ, свою зависимость от нея, как добровольно надѣтый хомут. Ощущеніе узды, которую хотѣлось сбросить, давало себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе.

Ему не в чем было винить Милицу. Она никогда не пыталась его мѣнять, никогда не звала к святости, не удерживала около себя. А между тѣм, если он бросил кутить и озорничать, стал работать, то исключительно благодаря ей. Это он знал твердо.

От жизни-ли втроем, от невольной-ли обособленности, неоправдываемой настоящим желаніем одиночества, не то скука, не то тоска стала проникать в его сердце. Жизнь потеряла свой острый интерес. Он ходил хмурый, неразговорчивый, не зная как развязать завязавшійся узел. Одно он знал крѣпко. Уйти от этой женщины, не любившей его, ничего от него не хотѣвшей, — он не мог. И чѣм дальше, тѣм яснѣе понимал, что лишь чудо может сломить сопротивленіе этого хрупкаго тѣла, на какую-то одну минуту отвѣтившаго его рукам, и непреклоннаго в своем "нѣт", когда он пытался сломить ея рѣшеніе. Вот почему неожиданно прозвучавшее в эту ночь обѣщаніе вѣнчаться сумасшедшей радостью ударило ему в голову.

Свободной дорогой раскрылась перед ним жизнь. Все ушло с пути. Восторг пьянил, поднимался взлетами, перекипал.

— Обѣщала! Сдалась крѣпость я неприступная! Кажется, ни за кого так не боролся! Когда меньше всего ждал, — сдалась!

Но почему сдалась, Андрей н мал, — не знал и знать не захотѣл. Он шел, не зам как гудѣл вѣтер и

разлетались от быстраго шага камни в сторону от дороги. Пьяный одержанной побѣдой, слышал он в себѣ силу. Она шумѣла в нем, нашептывала дикое, взрывалась порохом. Тѣло радостно и мѣрно жило в шагѣ, грудь поднималась не то от пѣсни, не то от слов.

А слова бродили в нем, туманили. "Все мое — все, как хочу... Любить буду так, чтобы камнем в душу упала. Никто не видал, не знал. Я один знаю. Пусть живет для меня, ни для кого больше! Буду ростить любовь ея, по-хозяйски!.. Кажется, обезумѣл бы, еслиб сбылось!"

И опять ударил в голову острый, до страсти, до боли заливший его интерес к ней. — "За святостью, что скрывает? Грѣх? Раз дотронулся до дна, — как голодная, забилась в руках. Глаза, ровно у безумной. Зажглась, замутнилась грѣхом... Моим или своим?"

Город охватил его огнями и шумом, сбил мысль. Ремнями неслись машины по шоссе, и с террас ночных ресторанов доносилось пѣнье. Он прошел по набережной у моря и, повернув в узкую улицу, направился к русскому кабачку, гдѣ ежевечерне выступали с цыганскими пѣснями старые друзья по пирушкам.

Первый человѣк, котораго встрѣтил, был Алексѣй Иванович. Он смѣшно вскинул руки и забил в ладони, шумно привѣтствуя Андрея, котораго давно не видал. К ним подошел хозяин, молодая плясунья с огромными золотыми кольцами вмѣсто серег в ушах. Появилось вино, зеленыя оливы на стеклянном блюдцѣ и сухой хрустящій картофель в прозрачных мѣшочках. Андрея охватила знакомая атмосфера тепла, в которой было легко и пріятно говорить.

— Андрей Иванович, милуша! Гдѣ же это ты пропадал? Сколько лѣт, сколькс зим! Уж я ходил, ходил, тебя искал. Ножки в кровь избил!.. А ты тут как тут... Отчислился, и все. Как-же так?..

Цыганка, лаская взглядом Андрея, пристукивала паль-

цами по бубну. Хозяин задавал какіе-то вопросы. Но Андрей не отвѣчал. Он восторженно смотрѣл кругом, никого не видя, не замѣчая и, наконец, не выдержав, громко и явственно, словно тараном, ударив словами, сказал:

— Женюсь я, братцы мои... Да! Вот притча какая!

И, посмотрѣв кругом с тѣм же пьяным восторгом в глазах, повторил:

— Женюсь, и все тут.

Цыганка от неожиданности оборвала повторяющіеся удары по бубну, хозяин бросился за шампанским, а Алексѣй Иванович, икнув от удивленія, выпуча глаза, смотрѣл на Андрея. И когда осмыслил сказанное, словно орѣшки разгрыз слова, хлопнул себя по колѣням и закачался на стулѣ, не в силах совладать с одолѣвшим его приступом дикаго смѣха. Глаза налились кровью, пот выступил по лицу. Цыганка не выдержала и так же заразительно, молодым, звонким смѣхом стала ему вторить. Андрей, выпив разом свое вино, блаженно улыбаясь, смотрѣл на них, совершенно не понимая, чему они смѣются. Но Алексѣй Иванович вытер пот и, закашлявшись, сказал:

— Ну и ну! Насмѣшил ты меня, братец мой. Экое колѣнце выкинул. Нѣт, смѣшнѣе ничего никогда не слыхал. Что ж и хороша невѣста твоя?

И вдруг какая-то лукавая мысль пробѣжала у него в глазах. Он ударил Андрея по плечу и снова, закатившись мелким смѣшком, сказал:

— Уж не на попихѣ ли твоей женишься? То-есть, на монашкѣ, милуша! Оно еще покрасивѣе выйдет. В клобучкѣ черненькую за ручку и поведешь! В шаферы меня, в подружки Дуньку. А то Маню - цыганочку еще можно...

Но в эту минуту цыганку позвали к пріѣхавшей в отдѣльный кабинет компаніи. Хозяин бросил шампанское, сдѣлал знак: "одну минуточку... и... тут как тут!", — и Андрей оказался с глазу на глаз с гоготавшим и державшимся от хохота за живот Алексѣем Ивановичем.

Краска постепенно отливала от его лица. Блаженная улыбка исчезла. Он смотрѣл на пьянаго Алексѣя совершенно трезвым взглядом, что-то осмысливая, что-то впервые понимая. И в мгновенье ока среди душившаго его звѣринаго гнѣва перед ним пронеслась картина: аналой — беззащитно хрупкая инокиня с безкровным лицом, раскрытые глаза — и он, Андрей, молодой, статный и сильный. И в секунду мелькнула гаденькая мысль, извилистая: — "Все прощу, а осмѣянія себя нѣт..."

Он вскочил и, не владѣя собой, схватил Алексѣя Ивановича за ворот, стал трясти, ударяя затылком о спинку стула.

— Замолчи, стервец! Я тебя в мокрое пятно обращу. Чего гогочешь? Молчать! Слыхал?

В секунду хмель соскочил с Алексѣя Ивановича. Он смотрѣл снизу вверх на стоявшаго над ним Андрея, постепенно начиная что-то соображать.

— Отпусти, чорт! Что вцѣпился? — проговорил он вдруг, освобождаясь от державших его рук.

Андрей тяжело опустился на мѣсто. Одним движеніем налил и выпил сряду два стакана вина, вытер губы и стал набивать папиросу. Потом посмотрѣл на Алексѣя и совершенно спокойно, словно продолжая прерванный разговор, сказал:

— Я уж раз тебѣ сказал: тронешь монашку — с мѣста не встанешь. Счастье твое — на сегодня прощаю! А больше не повторяй. На монашкѣ и женюсь, слышишь? За невѣсту мою ее и почитай. А кулаки мои, небось, знаешь?

Алексѣй Иванович, обычно трусившій Андрея и никогда не заставлявшій его повторять угрозы, смотрѣл на него, стараясь понять, дѣйствительно-ли он не шутит, и, наконец, не выдержал, наклонился вперед и сказал:

— Да ты что, бредишь? Или вправду рехнулся? А то, может, меня за дурака принимаешь? Во-вѣк я не повѣрю,

чтобы это ты всерьез! Может, и женишься — ну, это куда ни шло! Но чтобы на монашкѣ, этой... ее дери!..

Но зажегшіеся гнѣвом глаза Андрея сорвали намѣчавшіяся площадныя слова. Алексѣй, не в силах сладить со своим удивленіем, продолжал прерывавшимся не то мольбой, не то слезой голосом:

— Андрей! Не томи ты меня! Будь другом! На, вот, выпей, милуша, винца! Спиртик почтенный, не плохой. Выпей! Жарок по сердцу пройдет — ты и разскажи всю правду, по порядку, значит! А то пришел и так разом: "Женюсь!.." Огорошил! Я-ж тебя люблю как родного, силу твою люблю. И ревную. Куда она пойдет? На кого? На монашку, на жену!.. А ты, вѣдь, на какое дѣло рожден! Большое!.. Андрей! Будь другом! Скажи, как перед Богом, — врешь ты или нѣт?

— Правду я тебѣ сказал.

— На монашкѣ?

— На монашкѣ. Не монашка она, раз замуж за меня идет. Вздора больше не повторяй, зря языком не трепли.

— Что ж ты это, как бы на правый путь вступил? Оно даже выговорить такое дико. Вот слушаю я тебя и не вѣрю. Все думаю, не брежу ли я часом?

— Не бредишь. Правду я тебѣ сказал. На правый путь стану-ли — не знаю, а пробу дѣлаю.

Алексѣй Иванович вдруг с какой-то совершенно необычной для него серьезностью сказал:

— Ну, а если сорвешься опять? Она платить будет?

Андрей вскинул на него глаза и так же серьезно отвѣтил:

— Она, и я с нею. Только до этого еще далеко. Обѣщать — обѣщала, ну, а до дѣла самаго — время пройдет.

— Что-ж ты, любишь ее?

— А то, думаешь, вѣнчаться бы стал?

— Нѣт, Андрей, уж не вбиваешь ли ты колышек? Ну, вот, что хочешь дѣлай со мной, — не вѣрю я тебѣ!

— Почему?

— Да уж больно смѣшно!.. С монашкой спутался... Ну, ну — не сердись!

— Помни, Алексѣй, — сказал: морду разобью!

— Да не я вѣдь.

— А кто ж?

— Не я. Молва. Слушок уж давно прошел: монашка, дескать, в горах путается... Смѣются... Конечно, чудно...

— Молчи, Алексѣй, не пересказывай!

— Что ж, мнѣ глотку заткнуть не трудно, а вот другим — не заткнешь!

Из сосѣдней комнаты букетами вырывались цыганскія пѣсни. Андрей пил стакан за стаканом, вслушиваясь в знакомые взлеты страсти, дрожавшей в голосѣ цыганки, проникавшей в душу.

Он старался перебороть поднявшійся в нем сумбур. Что-то ныло и пѣло, томило душу, поднималось черным вѣтром, падало и снова вздымалось. Точно под первым снѣгом хоронил он свою первую хрупкую любовь. Хмель брал свое. Вѣтер выл за окном, пѣл в душѣ, дѣлая больно, и сквозь красное вино ядом разливался в тѣлѣ.

И прозвучали слова, — чьи, он не знал, но понял хмелѣвшей мыслью, что говорил Алексѣй. Слова были удивительныя, словно бы не Алексѣевы, а в то же самое время — самыя ему нужныя. И звучал голос необычно убѣдительный, полный братней любовью. И входили слова теплым током и хмелили.

— Что же это ты, братик мой, затѣял? Зельем тебя опоили каким? Тебя-ли зануздать можно? Таких-ли, как ты, на цѣпь берут? Удирать надо, Андрей, без оглядки, покуда еще время есть, покуда не обкрутили, не обуздали тебя. Бѣжать без оглядки, хотя бы против себя. Пойдем-ка, милуша, к тому же и дѣльце у меня давно припасено! Дѣльце круглое, как яблочко, гладкое!.. Идем!..

И опять взметнулся вѣтер в душѣ Андрея, загудѣл

свободный, запѣл о волѣ. Он не помнил, как они расплатились, не видѣл, как, обняв его, проталкивал его Алексѣй к дверям. Помнил только свои слова, предающія: — "Не бойся, милок!.. Может, еще и не пойду к вѣнцу! Может, еще и колѣнце выкину... С нами послѣднее слово первым оказаться может!.."

Помнил, как загоготал Алексѣй, как упал гогот этот гаденькій под словами — сухим похмельем в сознаніе проникшими: «Au nom de la loi... »

Крѣпкія руки надѣли наручники. На вопрос ответ упал трезвящій: "Обвиняетесь в убійствѣ".

Жандармы взяли и повели по улицѣ.

"Прощай, Назолка! Не ты, — так жизнь под вѣнец повела... Силу мою в наручниках смяла. Зла не помни! Лихом не поминай!"

Вѣтер со свистом припал к землѣ. Мысли сбились. И все стало все равно.

Пока Андрей, гремя наручниками, ѣхал в тюрьму, Милица спускалась в Ниццу своей обычной тропой.

"Вѣнчаться велѣл владыка, писала в запискѣ Маргарита Николаевна. — На брак благословил, другого исхода не видя. К себѣ ждет, притти просит".

И Милица пошла. Заперла свѣтелку и стала спускаться с горы. Она не видѣла, как легли на землю при видѣ ея двѣ тѣни, как приникли одна к другой, ожидая пока исчезнет из виду ея тонкій силуэт. Она не слышала шопотом произнесенных ползучих слов, которыми обмѣнялись, спрятанные за деревьями, Васька и Дунька.

— Ушла. Торопиться надо.

— А когда она вернется?

— Не знаю.

— Солому принес?

— Да. А здѣсь керосин.

— Может, подождать?

— Еще что... И так сердце у меня, того и гляди, разорвется!

— Ну, ладно. Ты сторожи: увидишь кого — на-земь ложись, — я пойму!

И пополз по тропинкѣ, словно воду руками разгребая.

. . . Смутно было у Милицы на душѣ. Холод, как в ознобѣ, то и дѣло пробѣгал по кожѣ, и от ночи без сна ныло тѣло, болѣла голова.

Прочтя записку Маргариты Николаевны, она стала на колѣни и молилась, пока не почувствовала, что все рѣшено и вѣнчаться надо, как можно скорѣе. А когда встала, рѣшила идти к владыкѣ.

Точно круг замкнулся над ея головой. Она знала, что выхода не было, что своими силами развязать завязанный узел нельзя. Страх точил ее перед мыслью о жизни с человѣком, котораго она не любила, с ребенком, который ненавидѣл ее всѣм своим существом.

— Опять неправда. Опять невѣрное, — с тоской думала она, перебирая в памяти главныя вѣхи своей жизни.

Но одна мысль — самая больная, самая смертельная — выплыла и покрыла собою все:

— Бога я обидѣла. Обѣту не вѣрна. Пошла в монахини, себя не зная, сил своих не разсчитав. Ни людям, ни Богу, что хотѣла, не дала. Этим двум, на пути вставшим, — дам-ли что нужно? Тоже не дам. Тогда зачѣм же против себя итти? Зачѣм крест такой на плечи брать?

"Затѣм, что грѣх есть", — отвѣтила она самой себѣ.

Милица вдруг остановилась. Кровь отлила от ея лица. Состояніе, близкое к смерти, заставило ее закрыть глаза. Но и под закрытыми вѣками видѣла она наползавшіе на нее валы густой грязи. Она подняла руки, точно хотѣла оградить себя от равномѣрно колыхавшейся живой мас-

сы, стѣной шедшей на нее. Но спасенія не было. Она ползла безглазая, безротая, неумолимо неся в себѣ смерть...

Милица качнулась и, потеряв сознаніе, упала на землю.

Андрей ѣхал, покачиваясь на узком сидѣньи между жандармами. Мысли о Милицѣ не оставляли его ни на минуту. Онѣ вязали непрерывно рвавшійся узор. Он упорно старался собрать их воедино, разставить, как коней и ферязи на шахматной доскѣ, но получавшійся рисунок ни в одном своем квадратѣ не совпадал с жизнью.

Он не видѣл и не мог увидѣть Милицу, на дорогѣ в ужасѣ отступавшую перед ратью наползающих на нее грязных валов, свѣтелку, перерѣзанную криками и полетом обезумѣвших птиц и горѣвшую, как ворох подожженных стружек, по-щенячьи взвизгивавшаго и плакавшаго Ваську, пойманнаго жандармами и повторявшаго по-дѣтски:

— Ce n'est pas moi, M'sieu! Je vous jure que ce n'est pas moi!. и баллоном надувшуюся юбку Дуньки, тыквой катившуюся, что было сил, по дорогѣ, крестясь и шепча побѣлѣвшими губами:

...Господи — Христе — Богородица Дѣва — Спаси и помилуй!..

Милица встала, оглушенная слабостью. — "До Ницы не дойду. Возвращаться надо, — да и тревожно чего-то! Что это со мной было? Упала я".

И вдруг смутная тревога, мысль о чем-то неотвратимо грозящем или случившемся, остро и дробно застучала в мозгу. Молніей мелькнули перед ней рысиные, блеснувшіе в лѣсу глаза. Собрав всю оставшуюся силу воли, она быстро пошла по пути к себѣ.

Безконечная усталость сплелась с охватившей ее тревогой. Она думала о том, как хорошо будет, придя домой, помолиться в тишинѣ, зная, что ни Андрея, ни Васьки в

этот день не было дома, и лечь, чтобы утишить все больше одолѣвавшій ее озноб.

"Еще поворот... еще триста метров, и кончится этот тяжелый день..." — скользнула сонливая мысль. Как вдруг желтый дым, поднимавшійся над деревьями, привлек ея вниманіе.

— Уж не брежу-ли я? — опять выползают, как прежде... когда падала... опять... наваждeніе...

Запах гари окончательно отрезвил ее. Что-то страшное родилось в ней, вспыхнуло и загасло.

— Птицы, — хрустнула мысль.

Она повернула бѣгом за угол. Но густая стѣна дыма заволокла грот и свѣтелку. За этой стѣной слышались голоса. Они выбивались тревожные, громкіе, задушенные. Разобрать слов она не могла. Потом в воздухѣ стрѣльнула струя воды, напористо взвившаяся кверху. Дым, разрѣзанный на двое, снизился и пополз по землѣ.

Еле переводя дыханіе, Милица добѣжала до грота, непонимающе глядя на что-то записывавших в свои книжки жандармов и работавших с помпой в руках пожарных у свѣтелки, из которой несся удушающій запах горѣлаго. Обуянная одной мыслью — о птицах, плохо отдавая себѣ отчет в происходящем, Милица остановилась, почувствовав чью-то руку на своем плечѣ. Маргарита Николаевна, блѣдная и взволнованная, еле сдерживая свое волненіе, стояла перед ней и внятно, хоть и с видимым трудом, сказала:

— Голубушка, — сейчас Василья увезли!

Милица недоумѣнно смотрѣла на нее.

— Куда увезли? Кто?

— Жандармы. Поймали в то время, как они поджигали.

— Кто они?

— Не знаю. Меня не было. Люди говорят: захватили

мальчонку с Дунькой — так что ли ее зовут? А я в это время пришла, хотѣла сказать вам насчет...

— Они подожгли? Василій поджег?

— Так выходит. — Дунька, та убѣжала, а Ваську поймали и когда уводили, жандарм будто бы сказал, что отца тоже арестовали в тот же час.

У Милицы подкосились ноги. Она схватилась за грудь. Задохнувшись от дыма, совершенно обезсиленная, смотрѣла она на Маргариту Николаевну. Но страх за птиц снова охватил ее и, пробормотав какія-то невнятныя слова, она бросилась к свѣтелкѣ.

На землѣ лежали упавшія балки. Тонкій тес горѣл, как вата. Только устои, на которых был построен барак, хрустѣли и дымились под пожиравшим их огнем. Милица шла по горячей землѣ, не узнавая своей комнаты. Перевернутые горшки красных флоксій лежали в пеплѣ, черные от сажи. Рваной тряпкой мелькнул край расшитаго полотенца, на котором стояла икона Касперовской Божьей Матери.

Милица направилась туда, гдѣ на черной, сразу ею непризнанной, клѣткѣ висѣло обгорѣвшее полотенце. И вдруг споткнулась. У ея ног лежал большой желтый кенарь. Пламя вздыбило перышки, сожгло их концы, и, подогнув в кулачок тонкіе коготки, упала птица, задохшись от гари. Милица захлебнулась оборвавшимся дыханьем, нагнулась, подняла недвижный, горячій комочек и, сняв с клѣтки полотенце, почувствовала, как из него выскользнуло Распятіе. Она долго недоумѣнно держала в одной рукѣ птицу, в другой крест, потом завернула их в полотно и, закрыв глаза, точно боясь найти еще новые обугленные трупики своих птиц, пошла невѣрной походкой к гроту. Губы ея были сжаты, лицо безкровно, а в головѣ дробно звучали откуда-то выплывшія слова Васьки, сказанныя в его первый к ней приход:

"Вот укаторжат теперь... А за кого? Не иначе как из-за вас"...

— Из-за меня, — повторило сознаніе и добавило:

— "Я виновата. Во всем виновата. Грѣх во мнѣ. Теперь искупать нужно, по Божьему указанію все начинать сначала. Ложным путем шла. Вот и сгорѣло все до тла. Итти к владыкѣ надо — и обѣт снять..."

В гротѣ стояла, разговаривая с жандармами, Маргарита Николаевна. Милица вошла и, невидящими глазами посмотрѣв на них, направилась к кіоту. Сняла иконы, сложила их и стала тушить одну свѣчу за другой. Непріятный запах растекся в воздухѣ под хруст сгорѣвшаго фитиля.

Маргарита Николаевна оборвала разговор с жандармами.

— Милица! Что вы дѣлаете? Зачѣм иконы поснимали?

Она ничего не отвѣтила и продолжала свое дѣло. Только когда, сразу ослѣпшій, глянул на Маргариту Николаевну пустой кіот, она подняла глаза и сказала, словно не свои слова:

— Возьмите эти иконы, Маргарита Николаевна, и пока сохраните. Больше у меня ничего нѣт.

— Что вы затѣяли? Зачѣм иконы сняли?

— Так нужно.

— Неужели вы отсюда уходите?

— Ухожу.

— Куда?

— И сама не знаю.

— Как так?

— Еще не знаю. А буду знать — скажу.

— Может — я что-нибудь могу для вас?

Милица помолчала и, подумав, медленно сказала:

— Увидите Василья — велите притти. От владыки узнает, как меня разыскать. Еще скажите: жить его зову с собой... если захочет. Вот и все.

Маргарита Николаевна,) поблѣднѣв, молча смотрѣла на Милицу.

Вынув из стола кошелек, она собрала какія-то мелочи и, сложив все в зеленый полотняный мѣшок, еще беззвучнѣе и тише сказала:

— Спасибо. За все спасибо. Не горюйте. Все так, как надо. Ничего даром не бывает. Может... и вернусь сюда... Только совсѣм по другому. Увидим. А сейчас вот вам ключ. Что осталось, возьмите. И сама я не знаю, что будет. Все темно. Храни вас Христос. Пойду я, — час не терпит.

Жандарм, слушавшій непонятный разговор, видя сборы Милицы, хотѣл, видимо, что-то спросить, может быть, остановить. Но было что-то такое конченное в простых движеніях "монашки", что он пропустил ее, не сказав ни слова, и продолжал записывать в свой блок-нот.

Шумно жили ночные кварталы Ниццы. Узкія улицы голубѣли под луной. Милица медленно прошла через город и стала подниматься по дорогѣ к кладбищу, черным куполом покрывшему холм.

Потом остановилась, сняла с плеча зеленую котомку и стала искать бумагу. В воздухѣ растекся душный запах горѣлаго. Она дрожащей рукой переложила птицу, сѣла и стала писать.

..."Владыка! Простите меня. Прихожу к Вам в трудный час. Снимаю обѣт с себя, Вам данный, по моей волѣ на себя принятый. Вы благословили меня на монашество в міру. Думала так Христу послужить. А теперь вижу: ложным путем шла. Не выдержала искуса, на себя взятаго. На первом испытаніи сломилась. Не монахиня я. Грѣх в себѣ ношу и тѣм самым другим зло принесла. Чѣм грѣшить и обман в себѣ знать, лучше обѣт с себя снять. Прямѣе будет и чище. Оставляю Вам икону, которой Вы меня бла-

гословили. Если на то воля Божья, — начну наново жить. А так, как сейчас, — не могу. Простите меня, за меня помолитесь..."

Кругом не было никого.

Она долго глядѣла на залитый голубым асфальт шоссе. Новая жизнь, может быть, впервые настоящая, в которой не должно и не могло быть лжи, стала вычерчиваться перед нею. Надо было строить новый дом, рѣзать его из молодого срубленнаго дерева. И порог перед этой, еще совсѣм смутной жизнью, от монашества к міру ведущей, было страшно переступить.

Цвѣл боярышник. Бѣлѣли листья серебряных тополей. Черными казались ворота, ведшія к мертвым. И темной дорогой стлалось внизу полное щебня, высохшее русло рѣки.

Милица долго смотрѣла на далекій город. Потом взяла сумку, вынула из нея мертвую птицу и крест и, не вставая, вырыла рядом у дороги ямку. Закопала обуглившееся тѣло кенаря, закрыла глаза и дрожащей рукой погладила ночную, чужую землю.

Лидія Крестовская

ПЕПЕЛ

1.

Напрасно нас преслѣдует язык,
что языком дѣтей уже не будет.
Скрипучіе, россійскіе возы
в столицѣ Галліи нас не разбудят.

Придется здѣсь нам вынуть серебро
своих волос — худое достоянье.
Увы, на ниткѣ держится добро,
на бреднях день, и на болотѣ — зданье.

Столовый стол дал сладость пирога,
а письменный дает немало перцу.
Перо мое, как аиста нога,
уже почти совсѣм прижато к сердцу.

Как поздно вырастает мудрый зуб.
Как трудно сердцу, безо лба, бодаться.
Одно из двух: иль вѣтром взвыть из труб,
иль пеплом удобренію отдаться.

2.

Кто просит нас влѣзать в глаза слѣпых?
Кто носит нас вокруг худого слуха?
То сердце, натыкаясь на столпы,
летает вкруг сіянія, как муха.

Сіяют лампы письменных столов
(так нам струя сіяла бы в пустынѣ!)
Как мало появилось новых слов,
как мало звѣздочетов стало нынѣ.

Неуловимы будущіе дни.
Прошедшее — без корня, как солома.
О пожалѣйте нас: мы так одни,
что настоящее — нам незнакомо.

Быть может есть в исканьи недочет,
быть может есть в сіяніи затменье,
но сердце ночи видит звѣздочет,
а мы за постоянством видим тлѣнье.

Пастух в послѣдній раз стрижет овец —
конец подходит лѣту, в самом дѣлѣ,
Психею мы содержим в черном тѣлѣ,
и ей подходит вѣнчик, не вѣнец.

3.

Скорѣе на скалѣ созрѣет нива,
чѣм бытію с поэзіей дружить.
Повѣрьте мнѣ: поэзія ревнива —
она почти-что не дает нам жить.

Она сопровождает нас повсюду,
она метлой несет на крутизну,
она (в котлѣ колдуя) тряпок груду —
цвѣтное — превращает в бѣлизну.

Бѣлись, бѣлись на черный день, бумага:
ты мнѣ послужишь в голод молоком.
Но веселя мнѣ голову, о влага,
ты вывернула жизнь мнѣ цѣликом.

Тебѣ (увы, послѣднему лѣкарству)
мы страшное значенье придаем...
Царь отдавал за Душеньку пол-царства,
а мы живот за душу отдаем.

А. Присманова

„Повѣсть о капитанѣ Картузовѣ“ Достоевскаго

1 января 1868 года Достоевскій пишет из Женевы своей племянницѣ С. А. Ивановой о главной идеѣ задуманнаго им новаго романа («Идіотъ»):

«Главная мысль романа — изобразить *положительно - прекраснаго человѣка*. Труднѣе этого нѣт ничего на свѣтѣ и особенно теперь. Всѣ писатели, не только наши, но даже всѣ европейскіе, кто только брался за изображеніе положительно прекраснаго — всегда пасовали. Потому что эта задача безмѣрная. Прекрасное есть идеал, а идеал ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался...

. . . Из прекрасных лиц в литературѣ христіанской стоит всего законченнѣе Дон - Кихот; но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смѣшон. Пиквик Диккенса (безконечно слабѣйшая мысль, чѣм Дон - Кихот, но все-таки огромная) тоже смѣшон и тѣм только и берет. Является состраданіе к осмѣянному и не знающему себѣ цѣны прекрасному, а стало быть является симпатія и в читателѣ. Это возбужденіе состраданія и есть тайна юмора... У меня нѣт ничего подобнаго, ничего рѣшительно и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача».

В настоящее время опубликованы записныя тетради Достоевскаго, и по замѣткам и планам к «Идіоту» можно с большой точностью возстановить процесс работы над этим романом. Автор вдумывался в образ своего героя, множество раз мѣнял, передѣлывал и уничтожал написанное, придумывал новые варіанты фабулы, новую психологическую мотивацію, новые способы словеснаго выраженія, но лицо князя Мышкина до конца осталось для него неясным. Работа над «Идіотом», мучительная, упорная, со смѣнами вдохновенія и отчаянья, увлеченія и отвращенія, перебиваемая эпилептическими припадками и періодами полнаго изнеможенія, представляется нам зрѣлищем, полным трагическаго величія. Могучій творческій дух в страшном напряженіи борется за воплощеніе своей идеи «прекраснаго человѣка». В «Идіотѣ» Достоевскій

одержал не полную побѣду, которая для него была равносильна пораженію. Князь Мышкин — *недовоплощен:* он остался блѣдной тѣнью — не ангел и не человѣк, лицо «фантастическое», томящееся по «живой жизни» и чувствующее себя чужим в этом мірѣ.

Раздумывая над судьбой своего героя, автор вспоминал Дон - Кихота и Пиквика. Не в том ли причина художественной безформенности Мышкина, что он не смѣшон, что он не оживлен юмором? Не в юморѣ ли, возбуждающем любовь и сострадание читателя, тайна воплощенія красоты?

В записных тетрадях, наполненных набросками к «Идіоту», встрѣчается подробно разработанный план «Повѣсти о капитанѣ Картузовѣ». Достоевскій составлял его в 1868 г. одновременно с работой над «Идіотом». Не легко разобраться в отрывистых записях, в безпорядочных замѣтках, написанных внѣ всякой хронологической послѣдовательности, в противорѣчащих друг другу варіантах, в загадочных словечках - намеках на ту или другую ситуацію, в отрывках діалогов, в словесных формулах, записанных в тетрадь для памяти; и все же из хаоса нагроможденных матеріалов возможно выдѣлить основную линію фабулы и возсоздать образ героя.

Капитан Картузов — духовный брат князя Мышкина. В процессѣ созиданія романа «Идіот» он выдѣлился из той же психологической «туманности», из которой был образован Мышкин. Он воплощает одну из возможностей, неосуществленных в князѣ: «прекрасный человѣк» в комическом аспектѣ, нелѣпый рыцарь, смѣшной провинціальный Дон - Кихот.

Можно предположить, что в тѣ минуты, когда «Идіот» казался Достоевскому «положительной неудачей», он в отчаяніи хватался за другую возможность изображенія «прекраснаго человѣка», за концепцію юмористическую. Этот путь представлялся ему болѣе легким, болѣе традиціонным; здѣсь у него были великіе предшественники: Сервантес и Диккенс. И однако повѣсть осталась ненаписанной. Достоевскій скоро понял обманчивость этой кажущейся легкости: его трагическому и жестокому генію добродушіе юмора было совершенно несвойственно.

«Повѣсть о капитанѣ Картузовѣ» — исторія любви чистаго сердцем рыцаря, смѣшной разсказ о «неловком человѣкѣ», платоническом любовникѣ и нелѣпом поэтѣ, и вмѣстѣ с тѣм печальная повѣсть о гибели прекраснаго, осмѣяннаго и незнающаго себѣ цѣ-

ны. Русскій Донъ - Кихотъ тоже воинъ; это капитанъ, недавно переведенный въ Ревель изъ какой то крѣпости. Прошлое его въ туманѣ; жилъ онъ въ захолустьѣ, въ фантастическомъ мірѣ; жизни онъ совсѣмъ, до странности, не понимаетъ: онъ «какъ съ луны свалился». Эта крѣпость, эта полу - реальная даль, изъ которой внезапно является Картузовъ, соотвѣтствуетъ не менѣе туманной швейцарской санаторіи князя Мышкина. Оба они странные люди, чудаки, юродивые, бродящіе въ этомъ мірѣ какъ впотьмахъ, завороженные своей мечтой, взрослыя дѣти съ безграничной наивностью и довѣрчивостью. Картузовъ влюбляется въ прекрасную амазонку и преклоняется передъ ней, какъ Донъ - Кихотъ передъ Дульсинеей. Достоевскій концентрируетъ его отношеніе къ дамѣ въ одномъ жестѣ - символѣ: чтобы «показать почтеніе» своей избранницѣ, онъ при встрѣчахъ съ ней неизмѣнно прикладываетъ руку къ картузу — отсюда его идеологическое наименованіе: Картузовъ. Такъ возникаетъ образъ, воплощающій идею, *образъ - идеепосецъ*. Слѣдующая фаза: наполненіе образа - символа психологическимъ содержаніемъ, превращеніе типа въ индивидуальный характеръ. Авторъ составляетъ для себя подробную характеристику героя: кажется, что онъ пристально вглядывается въ его общія очертанія, и черезъ его глазами схема начинаетъ оживать, облекаться плотью, усложняться и раскрываться въ своемъ внутреннемъ разнообразіи. Послѣдній этапъ — построеніе фабулы — представляетъ для Достоевскаго наибольшія трудности. Интрига вводится исключительно какъ функція личности; сами по себѣ событія лишены значенія; они важны лишь поскольку они «показываютъ» героя. Но въ личности заложены безчисленныя возможности, и реализація въ жизни одной изъ нихъ, цѣной уничтоженія остальныхъ, большей частью, случайна. Достоевскій набрасываетъ множество варіантовъ, и каждый изъ нихъ кажется ему необходимымъ для многосторонняго освѣщенія героя. Устойчивости характеристики противопоставлена неопредѣленность и расплывчатость интриги. Законченная личность погружена въ туманную текучесть міра возможностей, міра пластической матеріи. По отношенію къ личности законъ гласитъ: «такъ и не иначе», по отношенію къ фабулѣ: «или... или... или».

Задумавъ повѣсть, обрисовавъ главный характеръ и намѣтивъ въ общихъ чертахъ развитіе фабулы, Достоевскій рѣшаетъ для себя вопросъ о стилѣ или, какъ онъ часто выражается, «о тонѣ». Какъ словесно будетъ оформлена повѣсть, кто будетъ вести разсказъ?

Среди замѣток к Картузову мы находим такую запись: «Все кратко по пушкински, с самаго начала, без психологических тонкостей, с короткими фразами. *Учиться* писать». Между набросками к «Житію великаго грѣшника» мы встрѣчаем: «*Тон.* Разсказ - *Житіе,* то-есть, хоть и от автора, но сжато... Сухость разсказа иногда до Жиль - Блаза». Непосредственно связанный с этими замѣтками роман «Бѣсы» автор называет хроникой. Таким образом, к 60-м годам относится не только теоретическое осознаніе Достоевским своего творчества, как *новаго реализма,* но и попытка созданія для него новой стилистической формы. Вмѣсто эмоціонально окрашенной исповѣди с «психологическими тонкостями» (жанр «Записок из подполья») — сухой и дѣловой стиль хроники; вмѣсто романтическаго произвола — строгій канон пушкинской прозы. Автор «Преступленія и наказанія» смиренно записывает «на память»: «Учиться писать».

Планы и замѣтки к повѣсти о Картузовѣ находятся в двух записных тетрадях (№ 1/5 и № 1/4); они были опубликованы Центрархивом в 1935 году («Записныя тетради Ф. М. Достоевскаго. «Academia»). Мы пытаемся расположить их по возможности в хронологической и идейной послѣдовательности, в видѣ связнаго разсказа.

«Повѣсть о капитанѣ Картузовѣ» дѣлится на двѣ части; в первой из них дѣйствіе происходит в Ревелѣ, во второй — в Петербургѣ. Разсказчик — человѣк «со стороны»; он ничѣм не связан со средой, в которой живет, и с обществом, его окружающим; его повѣствованіе может быть вполнѣ об'ективным. Это — «хроника».

Характер Картузова будет раскрываться перед нами, главным образом, путем *самовысказыванія,* поэтому для оправданія этого пріема «прямой рѣчи» вводится мотив дружбы героя с разсказчиком. Проблема своеобразія «личнаго стиля», отражающаго глубочайшую сущность личности, постоянно занимала Достоевскаго. В юности он долго трудился над выработкой рѣчи «бѣднаго чиновника» («Бѣдные люди», «Двойник»). Вспомним характерный «сказ» Мармеладова в «Преступленіи и наказаніи», напыщенную рѣчь Фомы Фомича в «Селѣ Степанчиковѣ», косноязычіе Кирилова в «Бѣсах» и «растерзанную» стилистику Федора Павловича Карамазова. Так и Картузов показан, прежде всего, в его неправильной, затрудненной, «странной» рѣчи.

Вот начало повѣсти:

«Ревель — городъ приморскій, въ заливѣ, туда с'ѣзжаются купаться... Городъ нѣмецкій и имѣющій претензію быть рыцарскимъ, что почему то очень смѣшно (хотя онъ и дѣйствительно былъ рыцарскимъ)... Я случайно принадлежалъ или, точнѣе, не принадлежа, былъ особенно связанъ съ маленькой кучкой офицеровъ по береговымъ постройкамъ. Изъ молодежи было нѣсколько веселыхъ людей, но всего болѣе вниманія возбуждалъ тогда между нами капитанъ Картузовъ. Онъ былъ вновь опредѣлившійся, перешедшій изъ какой-то крѣпости.., Картузовъ въ Ревелѣ вновѣ. Сдѣлалъ всѣмъ визиты... Мало по малу я замѣтилъ, что онъ довѣряетъ мнѣ больше другихъ и даже замѣтилъ попытки на дружбу со мной».

Для «смѣшного рыцаря» Картузова найдено достойное мѣсто дѣйствія: «смѣшной» рыцарскій городъ Ревель. Начало повѣсти дѣйствительно звучитъ «по пушкински». Невольно припоминаются первыя строчки изъ «Выстрѣла»: офицерская среда, въ центрѣ которой загадочный романтическій герой (Сильвіо — Картузовъ).

Далѣе идетъ подробная характеристика героя: «Нота - бене: комичнѣе, загадочнѣе и интереснѣе поставить съ перваго раза фигуру Картузова передъ читателемъ. Всѣ хищные и романтическіе моменты при всей своей правдѣ и дѣйствительности должны быть *уловлены изъ природы* съ комическимъ оттѣнкомъ».

Итакъ, Картузовъ — романтическій герой, онъ генетически связанъ съ пушкинскимъ Сильвіо, хотя въ развитіи повѣсти мотивъ «хищности» остался не разработаннымъ. Романтическая загадочность его снижена «комическимъ оттѣнкомъ». Его подвиги въ первой части повѣсти напоминаютъ не столько Сильвіо, сколько Грушницкаго. «Молчаливъ, сухъ, вѣжливъ, наивенъ, довѣрчивъ. Вдругъ изрекаетъ мысли. Чаще молчитъ и краснѣетъ, не умѣетъ говорить. Цѣломудренъ. Приходитъ, молчитъ, сидитъ, уйдетъ, куритъ. Ганъ - Исландецъ... Картузовъ — сумасшедшій, дикій и молчаливый человѣкъ. Самый неловкій человѣкъ, котораго я только зналъ. Вообще вся повѣсть могла назваться: Разсказъ о неловкомъ человѣкѣ... Картузовъ плохо говоритъ, не договариваетъ. Никогда не конфузится, очевидно не подозрѣвая себя смѣшнымъ. Довольно дѣловой, если надо. Держитъ себя хорошо, строго по формѣ. Но хорошо только до нѣкоторой мѣры, покамѣстъ можно молчать и не требуется ничего дѣлать. Но когда надо двигаться или заговорить, то часто себя при первомъ жестѣ компрометируетъ, а иногда откинетъ такое колѣно, что всѣмъ оно неожиданно странно и

наконец уж дѣлается смѣшно... Он был ужасно необразован. Мнѣ ужасно трудно было узнать, что он знает и чего не знает. О Пушкинѣ, стихи — краснѣл и молчал, но вѣжливо отвѣчал, если спрашивали... Я спрашивал в ужасном удивленіи: «Гдѣ вы были до сих пор, капитан (то есть, гдѣ служили, с кѣм жили и как смогли до таких лѣт без катастрофы дожить?) Ибо при вас-де надо няньку. Вас нельзя одних пустить». Картузов вопроса не понимает. Впрочем, сообщает равнодушно и безсвязно двѣ три черты из прежней жизни, из которых многое ужасно странно. Разговор прерывает и потом он не возобновляется».

Фигура Картузова выставлена автором дѣйствительно загадочно. Что он за человѣк, каково его прошлое? Что значат его странности? Вѣрный своему обыкновенію, Достоевскій намекает на трагическую развязку повѣсти — гибель Картузова: «Как смогли вы до таких лѣт *без катастрофы* дожить?» И катастрофа уже приближается.

В Ревель на купанье пріѣзжает богатая и знатная красавица Елизавета Кармазина со своим женихом графом. Картузов видит ее на прогулкѣ верхом и сначала осуждает, находит, что дѣвушкѣ неприлично ѣздить амазонкой, но она с перваго же взгляда поражает его воображеніе. К графу он чувствует внезапную ненависть. В кружкѣ офицеров говорят о пріѣздѣ Кармазиной с женихом.

«Картузов выражается рѣзко о лакействѣ, краснѣет, молчит; говорит, что, если я уронил картуз... (ужасно сбился, недокончил и замолчал). Встал: его напинать. Кого? — графа. Я увѣрен, что он подлец. Первое мнѣніе Картузова о том, что граф должен быть подлец — совершенно без основанія, не подкрѣпленное никакими доказательствами, но высказывается до невѣроятности горячо».

Так намѣчена автором завязка повѣсти: внезапное зарожденіе любви Картузова к Кармазиной и ненависти к ея жениху. С графом он ведет себя вызывающе, «лѣзет в драку». Встрѣтившись с ним, не уступает ему дороги и сталкивается «плечо о плечо». Достоевскій повторяет здѣсь извѣстный эпизод из «Записок из подполья». Граф возмущен, Картузов торжествует. «Маленькій скандал».

Наконец, разсѣянный мечтатель попадает под лошадь «амазонки». Он встает невредимым, но этот случай рѣшает его судьбу: он влюблен. «Пламень и восторг». Кармазина присылает справиться о его здоровьи. На другой день он идет благодарить ее за

вниманіе и говорит ей: «Для такой красоты рад умереть тридцать раз»... Присутствующій при этом свиданіи граф смѣется над ним. «Это слишком много». Картузов вспылил «А вас здѣсь не спрашивают». В замѣшательствѣ разбивает чашку.

Послѣ визита к Кармазиным Картузов бѣжит к разсказчику и дѣлится с ним своими впечатлѣніями.

— Я там разбил чашку, но они навѣрно мнѣ все простят... и я... одним словом — я молодец!

— Ого, капитан!

— Оно все этот проклятый граф, тѣм болѣе, что я так деликатно высказался. Оно повидимому грубо: тридцать раз готов падать под вашу лошадь. Падать значит кувыркаться, скверно, грубо и нахально; одна мысль, что порядочный человѣк, т. е. капитан, и еще какой капитан, летит, летит в панталопах и в эполетах и все это кувырком и еще тридцать раз по дорогѣ. Идея грубая и нелѣпая, которая может быть в послѣдней крайности допущена, но вмѣстѣ с тѣм и в высшей степени деликатная идея. Тонкая идея! Потому, за что летает, за что, спрашивается, он соглашается летать тонкую кувырколегію, хотя и кувырком верх ногами? Тут подразумѣвается такая тонкая, такая высшая мысль, что все вмѣстѣ составляет необычайную деликатность. Такую деликатность, что хотя бы и самое высшее общество, вот что! Таково мое мнѣніе! Но далѣе этот граф все испортил. В самом дѣлѣ, я вовсе не к нему приходил, что он лѣз меня прерывать и издѣваться над каждым моим словом?»

Наступает время полнаго блаженства для Картузова. «Первая любовь Картузова была временем его высочайшаго счастья». Он много раз заходит к Кармазиным, но его не принимают. Ему хочется чѣм нибудь «доказать свою любовь». В молчаливом и застѣнчивом человѣкѣ вдруг пробуждаются романтическія и даже «хищныя» чувства. Автор намѣчает разные подвиги Картузова: он стрѣляет из ружья, покупает медвѣдя и повсюду водит его за собой, собирается полетѣть на воздушном шарѣ. Капитан начинает заботиться о своей наружности, франтит, помадится. Офицеры издѣваются над ним и в его присутствіи публично обсуждают его любовь к «амазонкѣ». Однажды, чтоб подшутить над ним, они заставляют его в полной формѣ броситься в воду, увѣряя его, что одна из купальщиц тонет. Картузов, «спасая красоту», торжественно выносит из воды голую женщину. Его спрашивают, осмѣлился ли бы

он прикоснуться к купальщицѣ, если бы это была Кармазина. Он отвѣчает: «Она будет купаться не так как всѣ, не из купальни, а как нибудь особенно... Навѣрно у них своя купальня обтянута бархатом». — «Да вѣдь бархат замочится», возражают ему.

Он посылает своей дамѣ любовныя письма и стихи и всѣм об этом разсказывает. Достоевскій записывает для себя подробный и тонкій анализ чувства Картузова.

«Картузов влюбляется непосредственно и вдруг таким процессом, что как будто это неминуемо, по восточному, и иначе и быть не могло. Это даже собственно не влюбленность и не любовь, а только *необходимое* и *неминуемое* обожаніе. Началось оно с дамскаго сѣдла, буквально, и через сѣдло (т. е. через красивость) прямо приписаны ей Картузовым всѣ совершенства нравственныя и физическія до высочайшаго идеала; но в этих совершенствах идеала, раз приписав их ей, Картузов не только не сомнѣвается, но не может даже и подумать и допустить хоть краюшек мысли и сомнѣній... Главное его поразило: *Амазонка*. Должно быть он мало, а может и совсѣм не видал амазонок... Это в нем не мнѣніе какое нибудь, не заключеніе, не убѣжденіе, а нѣчто вродѣ вѣры, вродѣ положительнаго факта, который до того осязаем и положителен, что не только теряет возможность составить вопрос, но даже становится незамѣтен, так, напримѣр, можно жить в домѣ, перед которым на полянѣ четыре дерева и, прожив год, не знать, сколько именно деревьев — четыре или три; или жить в Вевеѣ, любоваться горами на другом берегу озера и не знать и даже ни разу не спросить себя, а каковы очертанья этих гор. Убѣжденіе вполнѣе Дон-Кихотовское, с той разницей ,что Дон-Кихот все-таки создал себѣ *вопрос* из своего убѣжденія, иначе не нашел бы необходимости выѣхать на дорогу и защищать это убѣжденіе копьем, а Кутузов не предполагает и ни разу не подумал о возможности, что кто-нибудь может не соглашаться с ея совершенством...

«Картузов, будучи на высшей степени обожанія, не паходит ни малѣйшаго неприличія ни в своем обожаніи, ни в поступках своих, т. е. стихах и именно потому, что и не предполагает возможности жениться на ней, не допускает и краюшка мысли о равенствѣ с нею (но что стихи от него принять можно, потому что он капитан). Так что, когда случайно об этом заходит вопрос, он спокойно, без волненія и без всякаго страданія даже разрѣшает, что он не достоин.

«Я дивился сначала, что Картузов так нецѣломудрен, что несет свою любовь и страсть на обсужденіе всѣх, но я понял, что тут очень много простодушія, уваженія к другим, уваженія к высокости своей страсти, а главное — была невозможность сопоставить себя, как равнаго, полное самомнѣніе, как о низшем. Может быть и нѣкоторая досада и мщеніе на непризнававших его страсти Кармазиных».

Так намѣчена высокая любовь русскаго Дон - Кихота: болѣе вѣра, чѣм чувство, младенчески чистая и невинная. В грѣшном мірѣ святыня этой любви вызывает глумленіе, искажается в комическом. «Не знающее себѣ цѣны прекрасное» осуждено на гибель. Послѣ посѣщенія Кармазиных капитан живет в мірѣ своей мечты; в их гостиной он мельком видѣл вазы и статуи — и онѣ особенно поразили его воображеніе. Он мечтает о том, что и у него будет квартира с вазами и статуями.

«Ужасно мечтателен. Нѣкоторое время приходит ко мнѣ дня два сряду с мечтами: квартира, вазы, ковры, нѣсколько дорогих картин, одна статуя: вакханка ищет землянику. И сверх того: я дѣлаю добрыя дѣла... Вдруг вопрос: почему статуи голыя?... Скажите, если вакханка ищет землянику, почему зад голый?... Вы думаете?... Я думаю, что это только заявленіе поэтической мечты и болѣе ничего»... Пришел, сѣл, молчал, спросил, встал и ушел. Курил безпрерывно... Картузов, которому дѣла нѣт до миллионов других, в восторгѣ от ваз, картин у *ней*».

И автор прибавляет, что капитан может быть и видѣл вазы у Кармазиных, но преувеличил, а может быть никаких ваз и не было, «все выдумал».

Наконец, Картузов приносит разсказчику свои стихи:

«О как мила она
Елизавета Кармазина,
Когда с знакомым на сѣдлѣ летает,
А локон ея с вѣтрами играет,
Или когда в церкви с матерью падает ниц
И зрится лишь румянец благоговѣйных лиц.
Тогда молюсь и трепещу и наслажденій желаю.
И ей вслѣд с матерью слезу мою посылаю».

А вот отрывок из другого стихотворенія:

«Отец с чинами в царской службѣ,
Семейный ангел жил в семьѣ...
(Отец значительный по службѣ)
Имѣл дѣтей. Но рифму я на е
Сыскать не мог, что не мѣшает нашей дружбѣ».

В письмѣ к Кармазиной Картузов пишет:

«Вы носите имя русской славы. Нося имя русской славы, вы конечно не примѣтили обожающаго вас капитана Петра Картузова». И далѣе простодушно сообщает ей о своих надеждах и успѣхах по службѣ.

Картузов признается разсказчику, что письмо со стихами он уже отослал. Между ними происходит слѣдующій діалог:

«Я спрашиваю: развѣ он надѣется?

— Нѣт, нѣт, я знаю, что мнѣ невозможно. Невозможно!

— Зачѣм же вы пишете в письмах туда о жалованіи, службѣ, надеждах и даже рисуете квартиру в маленьком домикѣ?

— Так. Для игры и для простодушія. Я сам знаю, что это воображеніе. Так. Но меня тѣшит воображеніе. Я поминутно мечтаю: а что кабы можно?

— Но как же посылать-то?

— А что ?(Удивленіе)... Да вѣдь это все правда, я вѣдь сам поминутно мечтаю и ей надо принимать, что это одно только воображеніе.

— Но вѣдь это ей может быть непріятно?

— Не думаю.

— Но это скандал. Вы ее безславите.

— Почему? Я заявляю всѣм, что влюблен, но не из'являю претензій.

— Неприлично. Вы себя в фальшивое положеніе ставите.

— Чѣм?

— Да они вас шутом считают.

— Шуты и считают. А Елизавета Николаевна не может смѣяться в насмѣшку. Если и засмѣется, то каким нибудь божественным смѣхом. А впрочем, пусть, если б даже и в насмѣшку: вѣдь я искренне пишу. Впрочем, что мнѣ: наплевать на всѣх. Кромѣ, разумѣется, Елизаветы Николаевны. Впрочем, я увѣрен, что тут этот подлец нагадил, оттого и смѣх.

— Сами то вы зачѣм же говорите, что «пламень и восторг»?

— Да вѣдь это сильное выраженіе.

— Пусть. Будьте об'яты пламенем и восторгом, но об этом не говорят, как будто это и вам невѣдомо. Это сильнѣе.

— Почему?

— Вы точно ребенок. Вам все почему. Ну потому, что коли уж сознали, значит, в вас натуральный-то пламень уже поутих.

— Поутих. Гм. Я, встрѣчаясь, буду говорить уваженіе, т. е., что я уважаю вас одну.

— Пожалуйста не прибавляйте, что вы одному графу не будете прикладываться. Да и вообще я бы вам совѣтовал совсѣм не прикладываться и проходить мимо так.

— Нѣт, нѣт, нѣт, нѣт!... Это значит, какія бы соображенія и по службѣ не наполняли голову, несмотря на то — лишь раздастся призыв — и готов Картузов: уваженіе!»

Разсказчик не одобряет его стихов.

«Одно мнѣ кажется дурно: это «с вѣтрами». Картузов вспыхивает:

«Только подлец может этому дать другое значеніе».

О втором стихотвореніи он говорит: «Отец — это я, муж, а о рифмѣ: это шутливый тон». И прибавляет: «Надо познакомиться с каким нибудь из поэтов».

«Заходил к Полонскому, оставил карточку. Хотя он и стоит на том, что он ничтожен и недостоин, а все же в письмѣ дѣлает предложеніе... Когда читает мнѣ: «отец на службѣ», то послѣ моих увѣщаній говорит: «Я мечтаю!» Но в то же время про брак думает. «А почему бы ей не выйти за меня? Единственно потому, что граф, но неужели она любит этого графа? Но он подлец».

«Вы хотите ее увѣдомить, что он подлец?» спрашивает разсказчик. «Задумался, хотѣл писать письмо, но потом сказал: «Это невозможно».

«Если вразумлять Картузова, он слушает с удивленіем и потом вдруг погрузится в задумчивость, в которой и потеряется... У него иногда вдруг отдѣльныя сентенціи послѣ грустнаго раздумья: «Как это люди не умѣют устроиться! Жили бы, любя друг друга, и находили бы в этом истинное счастье».

Вдруг задает вопрос: «Можно ли умереть от благородства души?»

Письма и стихи Картузова ходят по рукам. Офицеры устраи-

вают шутовское совѣщаніе о его сердечных дѣлах. «Комиссія» рѣшает, что Картузов должен похитить свою прекрасную даму. Тот слушает внимательно, но не одобряет. Разсказчик, возмущенный этой сценой, уводит капитана из собранія.

— Да вѣдь они смѣются!

— Неужели?

— Эх вы! Охота вам все высказывать! Вы как Дон - Кихот, вам дѣла нѣт, что дѣва хоть и замужем — вы все так вѣрно любите.

— Неужели они *так* любили! — отвѣчает Картузов.

И вдруг капитан рѣшает помириться с графом. Он идет к нему, чтобы узнать, достоин ли он своей невѣсты. Задает ему вопрос: «Любите ли вы истинно, или за деньги? Правда ли, что вы женитесь по расчету? Как же мнѣ не узнать правду, если я готов отдать все тѣло мое за малѣйшую ея выгоду».

Достоевскій намѣчает психологическую мотивацію страннаго поступка своего героя.

«Разумѣется, все, что касалось с этих пор Кармазиных, составляло для Картузова вопрос жизни и смерти и потому является идея: *охранять* Кармазину. Даже ревности в нем нѣт и ревностью он нимало не мучится. К графу он не ревнует нимало, но *высшее человѣческое назначеніе,* забота, роль — пробуждаются в нем в вопросѣ: достоин ли граф вполнѣ?... Так что главная его забота не в том, что граф не любит (и ему соперник), но в том, что граф мало достоин ея, и чуть-ли не в том, что мало любит ее. Картузов именно хлопочет, чтобы граф не *мало,* а *много* любил ее. Помирившись с графом, он становится его трубой, трубит о его достоинствах, добродѣтелях, будущих успѣхах, богатствѣ, красотѣ, пишет обоим стихи. Наконец дружится с графом, не выходит от него, входит в его интересы и любимый его разговор с графом о графском будущем и с восторженным упоеніем мечтателя устраивать это будущее. Но Картузов, хотя и смѣшон графу своей внезапной к нему дружбой, но держит себя так просто и с таким достоинством, что граф никак не может обратить его в шута (что бы желал). Он очень умен, чтоб не понять Картузова, хоть и гадок сердцем. Когда граф его отвергает наконец грубо и в досадѣ, Картузов выходит. тихо прощая ему».

Наступает развязка первой части повѣсти. Какой то проходи-

мец появляется вечером в офицерском собраніи и разсказывает скверныя исторіи о графѣ: у него была связь с гувернанткой француженкой, которая вдруг пріѣзжает в Ревель, поносит графа и увѣряет, что он ей должен шестьдесят тысяч. Защищая честь Кармазиной, Картузов отправляется к «мамзели». «Ея уморительный, серьезный и нагло - наивный разсказ». «Figurez-vous que ce monstre barbare a surpris ma religion. Soixante mille francs...» «Картузов вѣжливо с пей разстается, ничего не сказав, а потом в разговорѣ сухо и коротко: стерва». Тотчас же он посылает графу письмо:

«Есть разные тоны, между которыми тон подлеца всплывает иногда наверх. Я слышал этот тон подлеца, и этот тон, пока не довѣрю секрета бумагѣ, будет раздаваться в ушах моих. Я щажу свои уши и если в мою частную жизнь заглядывает подлец, — я ищу ушей подлеца. Человѣческое душевное спокойствіе, наблюдая ему данный удѣл, спит, нерастревоженное посторонними обстоятельствами. Но когда просыпается, измѣняется с обстоятельствами. Изливаю все в полной откровенности. Насчет же названія подлец, увижу, что вы сдѣлаете.

Без уваженія и обязательно для каждаго,
подписывающаго письмо
слуга П. Картузов.

Граф в бѣшенствѣ бьет Картузова хлыстом, тот вызывает его на дуэль. Граф соглашается, но капитан «ставит условіем», чтоб граф стрѣлял первый, а что он стрѣлять не будет. На это граф смѣется, удивляется и сердится. Картузов об'ясняет:

«Для Катерины Григорьевны *). Он — избранник. Пусть он знает, что я вполнѣ уступаю ему Катерину Григорьевну». — «Но это глупо! — восклицает граф. — Он дурак!»

Через три часа слухи о предстоящей дуэли доходят до коменданта, он арестовывает Картузова, но по просьбѣ Кармазиных и графа немедленно его выпускает.

Дуэль так и не состоялась: в тот же день «амазонка» упала с лошади и сломала себѣ ногу. «Картузов поражен, замолчал, заболѣл горячкой».

На этом кончается первая часть.

---

*) В набросках к «Повѣсти» Кармазина называется то Елизавета Николаевна, то Катерина Григорьевна.

Во второй части дѣйствіе переносится в Петербург. Кармазина была больна шесть недѣль и ей отрѣзали ногу. В началѣ зимы, Картузов, выздоровѣв от горячки, «без волос, с еще большими впалыми глазами» пріѣзжает в Петербург. Он узнал, что граф отказывается жениться на хромой Кармазиной и записками требует у него об'ясненія. Послѣ долгих усилій, он, наконец, добивается свиданія с графом и спрашивает его:

«— Гдѣ же ваша любовь?

Граф отвѣчает: «Вы такой же Дон - Кихот. Согласитесь сами, что я мог слишком избавить себя от об'ясненія с вами. Я не связан.

- Но однако-ж, об'яснитесь.

— Екатерина Григорьевна сама мнѣ отказала. Она хочет в монастырь — поэзія, звон вечерняго колокола и слезы.

— Если сама, то вы, конечно, не могли противустать ея намѣреніям, но вы должны были настаивать.

— Но позвольте, вы против своих интересов, если заставляете меня жениться, вы бы должны радоваться, что мѣсто свободно. Вѣдь вы тоже влюблены в Катерину Григорьевну, почему вы сами не женитесь?

— Урод и т. д.

— Совсѣм пѣт, вы молодец.

Картузов покраснѣл.

— Вы подлец.

— Ну а вы — дурак. Вы опять хлыста захотѣли. Только я теперь не хлыстом, а чтобы вас заперли в сумасшедшій дом.

— Подождите, я справлюсь, связаны ли вы, или развязаны. и тогда мы встрѣтимся.

Граф его выгоняет».

Картузов отправляется к разсказчику и «развивает мысль. что ему подвертываться при таких обстоятельствах в женихи — подлость и пошлость и граф стало быть подлец. Но мысль зрѣет; через три дня: «А почему же нѣт? (дѣйствительная жизнь берет свое). Сломала ногу, так и мнѣ обрадуется. Мечты и восторг. Картузов воспламеняется и дѣлает предложеніе; в письмѣ из'ясняет свои генеральскія надежды и прилагает стихи о будущем счастьи».

Он пишет: «С тѣх пор как меня опрокинули лошадью, с тѣх пор наступило мое счастье (дуэль была только игра), и вдруг все

рухнуло... И к Екатеринѣ писали Державин и Сумароков, да еще как: *ты* высоким слогом:

«В радостной своей судьбинѣ
Ликовствуй Россія нынѣ».

К письму он прилагает стихи:

«Краса красот сломала член
И интереснѣй втрое стала
И втрое сдѣлался влюблен
Влюбленный и прежде не мало.

Исчезло все! Похоронен
Один из членов молодых,
Но я и остатками плѣнен
И даже хотя бы и вовсе не было их.

Позвольте же любовь излить
Принять извольте предложеніе
Чтоб в бракѣ вмѣстѣ потерянный член забыть,
А с оставшимся извѣдать законное наслажденіе».

Сдѣлав предложеніе, капитан «для тона» переѣзжает в гостиницу Лондон. В разговорѣ он замѣчает: «Гостиница Лондон; там стоят самыя значительныя лица... А есть в Петербургѣ Красный Кабачек, так там всѣ генералы и самые значительные из камергеров собираются.

— Н-не знаю...

— Я знаю. Это так. Потому вот и я хочу там собираться, чтобы у Лизаветы Николаевны знали, что я самый свѣтскій, так сказать, с нѣкоторым богатым и барским метаніем золота на зеленое сукно».

«Намѣнял золота перед от'ѣздом в Красный Кабачек. Ничего не нашел. Драка с половыми».

Наконец Кармазина принимает его у себя и вѣжливо отказывает. Картузов выслушивает, задумывается и говорит: «Да, я подлец!

— Почему?

— Смысл, что воспользовался колченогим положеніем и осмѣлился подумать, что сам вам равен настолько, что могу сдѣлать предложеніе.

— Почему же? Почему же?

Отрывает: урод. Без роду и племени. Тетка моя чухонка у ихняго пастора на мызѣ жила. Говорить по человѣчески всю жизнь не умѣла.

— Это, конечно, могло служить препятствіем, но... но во-первых, капитан, об этом и рѣчи не было и я слишком, слишком прошу вас не возвращаться к этому предмету. Я отказываю не потому и т. д.

— Это он, подлец, меня научил!

— Кто?!

— Граф! Он будет у ног ваших.

— Не смѣйте. Что вы с ним хотите сдѣлать?

— На дуэль».

Она берет с него слово, что он не затѣет исторіи.

В записных книжках начало второй части сохранилось в двух варіантах. Согласно второму варіанту, Картузов нѣсколько раз заходит к Кармазиным, его не принимают, наконец, к нему выходит управляющій и просит его прекратить посѣщенія. Капитан заявляет, что «имѣя благородное соревнованіе и честное намѣреніе», прекратить не может. «Я не перестану». Управляющій отвѣчает:

— Но, милостивый государь, мы найдем на вас удерж, мы употребим всѣ строгости. (Картузову говорят о мѣрах строгости! Ужас!).

— Но кто вы такой? Я желаю слышать отвѣт из самих уст Екатерины Григорьевны.

— Этого вы не услышите, а насчет того, кто такой я, то я уже об'явил вам, я в сем дѣлѣ уполномоченный и кромѣ того отправляюсь сейчас же к г. обер - полицмейстеру с настоящим изложеніем дѣла, для того, чтобы найти на вас удерж».

Картузов рѣшает предупредить полицмейстера о том, что к нему поступит жалоба. Его принимают, он разсказывает исторію своего сватовства. Полицмейстер:

«— Это очень смѣшно, что вы говорите.

Полицмейстер подумал.

— Но вѣдь вам же отказали.

— Но я не слыхал отвѣта от Екатерины Григорьевны.

— Вѣроятно и не услышите. И какое вы имѣете право ожидать отвѣта из уст, как вы говорите, когда вы и не знакомы. Вѣдь вы уже получили отвѣт?

— Отвѣт не деликатный, ваше превосходительство.

— Но вѣдь и вы дѣйствовали не деликатно. Другого вы и не заслуживаете.

— Но я влюблен, ваше превосходительство.

— Гм. Влюблен! Это глупо, милостивый государь, что вы говорите.

— В первый раз слышу, ваше п-во!

— Вам отказали.

— Не вѣрю, ваше п-во! Не могу повѣрить. Я убѣжден, что тут ошибка и злоба. Меня приняли за другого.

— Странно же, что вы так самонадѣяны.

— Мнѣ очень трудно повѣрить, ваше п-во! Если благородное предложеніе, то и отказ благородный, а отказ не благородный, ваше п-во!

— От кого же злоба?

— От моих врагов, ваше п-во.

— Врагов! То-то, вы можете еще имѣть врагов!

— Почему же мнѣ не имѣть врагов, ваше п-во?

— Врагов, милостивый государь, имѣют люди почище вас, а вы что? Но позвольте, я все-таки никак не могу понять, для чего вы меня изволили безпокоить?

— Чтобы предупредить, ваше п-во. Меня хотѣли оклеветать, ваше п-во, а управляющій угрожал жалобой вашему п-ву.

— Быть может, вы что нибудь сдѣлали кромѣ того? Натворили там, накуралесили?

— Натворили! Ваше п-во, такое выраженіе! Ничего не натворил.

— Может быть, они вас принимают просто за шалуна? Да и конечно так.

— За шалуна, ваше п-во? Краснѣю от одной мысли, ваше п-во. Не вѣрю и не хочу вѣрить.

— Мало ли что не хотите! Что вы еще написали там в письмѣ?

— Были еще стихи, ваше п-во.

— А вот, значит и оказывается. Какіе стихи?

— Верх почтительности, ваше п-во. Имѣю при себѣ экземпляр.

— Дайте... Как это на дамском сѣдлѣ летать можно? С вѣтрами? Странное выраженіе.

— Локон с вѣтрами, ваше п-во. Когда вѣтры дуют, то локон развѣвается. Это поэтическая мысль, ваше п-во.

— . . . И наслажденій желаю. Наслажденій... (скривил рот генерал). Это слишком уж откровенно.

— Но это поэзія, ваше п-во. В поэзіи позволительно, ваше п-во!

— На службѣ, милостивый государь, нѣт поэзіи. На службѣ надо служить, а не поэтизировать. Ну, батюшка, вы таки... (смѣется. Вдруг засмѣялся и Картузов).

Генерал нахмурился.

— Чего вы смѣетесь, милостивый государь? Чего вы осклабляетесь? Вам слѣдует не смѣяться, а краснѣть, милостивый государь, краснѣть! Каких наслажденій вам вдруг захотѣлось?

— Поэтическая мысль, ваше п-во, в поэзіи позволительно.

— Вздор, милостивый государь, вздор! И в поэзіи не позволительны неблагопристойности.

— Неблагопристойности! Ваше п-во! — вспыхнул Картузов.

— И так безстыдно, могу даже сказать, безсовѣстно выражаете вашу мысль! Имѣли ли вы *до брака* какое нибудь право?»

На этом второй варіант обрывается. Возвратимся к первому. Послѣ свиданія с Кармазиной капитан идет к графу и об'являет ему: «Я убѣдился, что она вас любит и вы должны жениться». Граф его гонит, Картузов дает ему пощечину. Его арестуют и по настоянію графа помѣщают на испытаніе в госпиталь. Автор прибавляет: «Сумасшествіе по интригѣ графа, но и в самом дѣлѣ».

«Картузов звал обер-полицмейстера в госпиталь, хотѣл открыть заговор. Колпак — и ни малѣйшаго смущенія, а напротив, вид какого-то торжества. Спокойный и саркастическій тон, твердый взгляд. Пьет чай».

Разсказчик навѣщает Картузова в сумасшедшем домѣ и бесѣдует с ним. Капитан говорит:

«Я нахожу, что многое очень странно». Задумался и стал говорить об инженерных торгах, лѣсѣ, выдѣлкѣ кирпича».

Разсказчик спрашивает его:

«— Так неужели же вы бы графу уступили?

— Гм. Граф — подлец, но граф представителен. У вѣнца они вдвоем составили бы фигуру, прелестную картинку. Что же дѣлать, коли кромѣ графа никого не было. Ну а я... я... я бы конфеты на свадьбѣ разносил и, повѣрьте, что больше бы ничего не желал. Я бы ѣздил в санях с медвѣдем».

И автор записывает:

«*Главное.* Картузов сходит с ума от одной мысли, что осмѣлился поддаться графу и сдѣлать ей предложеніе в несчастіи. Считает себя подлецом. Его *буквально* убивает мысль, что он ее обидѣл тѣм, что, воспользовавшись ея положеніем, *приравнял* ее себѣ. Он настаивает на том, что она — *идеал.*

«Его очевидно поразила деревяшка. Он не мог переварить состраданія. Один раз вскрикнул: «Вѣдь она чуть не вышла за меня, я вѣдь это видѣл! Каково униженіе, каково паденіе! Боже мой! Боже мой! вѣдь она выходила ко мнѣ, может, сама с собой на умѣ! А нельзя ли, дескать, хоть за этого выйти. Каково это видѣть мнѣ! Каково сердцу! И я тут сижу! И я почти причиной. И наконец эта деревяшка: тук! тук! тук! забыть не могу. Этакій стебель, этакая лилія... И на дамском сѣдлѣ...»

Можно предположить, что именно в больницѣ Картузов пишет свое послѣднее стихотвореніе «Таракан».

Жил на свѣтѣ таракан,
Таракан от дѣтства,
Но зато попал в стакан,
(Получив наслѣдство)
Полный мухоѣдства.
Мѣсто занял таракан,
Мухи возроптали,
Тѣсен стал теперь стакан,
Разом закричали.
Но пока у них шел крик
Подошел Никифор,
Вѣрно, умный был старик...

Картузов комментирует:

«Тут я остановился; одним словом, он их всѣх взял да и выполоскал в ушат, это было правильно и тѣм дѣло и кончилось». «Тут он задумался, но не очень, а как бывало: приложил руку к глазам

и потом спокойно, но довольно важно поглядѣл на меня, думая совсѣм о другом и даже может быть позабыв стихотвореніе. Вообще он глядѣл, точно оглядывал.

—Что же, какой же смысл стихов? — спросил было я.

— Гм. А? Что? Какой смысл? сатира, басня, *ничтожное звено,* — произнес он вяло, но снисходительно и как бы совершенно уже едва припомнив про стихотвореніе. Он даже откинул листок в сторону.

— . . . Я хотѣл было тут сказать: получив наслѣдство, собственно так, для остроты, но так как тараканы не получают наслѣдства, то я предпочел написать: полный мухоѣдства.

— Ну, а что значит мухоѣдство?

— Когда стол нечист, то мухи льнут и падают, происходит мухоѣдство.

— Я не понял, как же это таракан от дѣтства?

— От дѣтства, т. е. от самых пеленок, или лучше сказать, от рожденія...

— Кто может изобразить Никифора? Правительство?

— Тут не правительство, а недоразумѣніе.

— Недоразумѣніе?

— Недоразумѣніе, во всем недоразумѣніе. Так надо Богу. А мы должны боготворить. Россія есть недоразумѣніе, или, лучше сказать — игра природы. Вся Россія есть игра природы. Никифор тоже игра природы. В Никифорѣ я изобразил природу... Замѣчу еще одно: таракан не ропщет...

— Выдерживает характер?

Картузов строго посмотрѣл на меня.

— В лоханки не выдерживают характера. Впрочем, мы, может быть, желаете еще чаю?

— Нѣт, благодарю вас.

— И я вас благодарю».

На четвертый день Картузов умер.

«Жаждавшій успѣха в любви и, так сказать, брачных наслажденій (если уж надо упомянуть это слово) — но вот он лежит передо мной с протянутыми голыми ногами в мозолях... Так что это долго и потом представлялось. Я отнюдь не литератор и поэт, прежде всего не поэт, но мнѣ многое страшно в Петербургѣ. Конечно, все это болѣе было в юности, в вѣк неопытности и впечатлѣній, но, несмотря на лѣта, все-таки иногда...»

И автор составляет «надгробное слово Картузову»:
«Будь он образован — он стал бы революціонером. Совѣстью чистый фанатик».

Из всѣх неосуществленных замыслов Достоевскаго план повѣсти о Картузовѣ наиболѣе разработан. Записаны большіе куски текста, длинные діалоги, подробныя характеристики. Несомнѣнно автор придавал большое значеніе этому произведенію и напряженно над ним трудился. Работа над «Идіотом» отвлекла его от Картузова, потом возникли новые замыслы и к повѣсти он уж больше не возвращался. Возможно и то, что образ Картузова не вполнѣ его удовлетворял. Стихи, приписанные автором благородному рыцарю, были не только нелѣпы, но и грубовато циничны. Вмѣсто добродушнаго юмора в стилѣ Диккенса получилась мрачная и тяжелая иронія. И все же эта незаконченная повѣсть кажется нам художественно очень значительной. Она искусно построена и дает новое раскрытіе излюбленнаго Достоевским типа «мечтателя». Любовь — вѣра русскаго Дон - Кихота, его смиренное и пламенное служеніе «идеалу красоты», его гибель от сознанія своего преступленія против «святыни», его пониманіе «высшаго назначенія человѣка», как полнаго самопожертвованія — все это придает образу влюбленнаго капитана черты глубокой духовности и человѣчности. Картузов остался в лимбѣ неродившихся душ, уступив свое право на жизнь брату по духу — князю Мышкину. Но Мышкин «смѣнив, не замѣнил его».

Через два года послѣ составленія плана «Повѣсти» Достоевскій начал писать «Бѣсы». Неиспользованныя замѣтки не были забыты; часть из них в переработанном видѣ вошла в новый роман. Прежде всего — «тон»: «Бѣсы» написаны в формѣ такой же «хроники» как и «Повѣсть» — разсказ ведет «незаинтересованное лицо». В «Повѣсти» разсказчик не принадлежит к офицерской средѣ и только связан личной дружбой с Картузовым; в «Бѣсах» он — постороннее лицо в городѣ и дружит только со Степаном Трофимовичем Верховенским. В «прекрасной амазонкѣ» Елизаветѣ Николаевнѣ (или Екатеринѣ Григорьевнѣ) Кармазиной и ея спутникѣ — женихѣ не трудно отгадать Елизавету Николаевну Тушину, раз'ѣзжающую верхом в сопровожденіи жениха Маврикія

Николаевича. Письмо Картузова графу, в котором он называет того подлецом, пощечина, вызов на дуэль и заявленіе, что стрѣлять не будет, соотвѣтствуют в «Бѣсах» вызывающему письму Гаганова Ставрогину («Ваша битая рожа»), вызову на дуэль Ставрогина, его трем выстрѣлам в воздух и пощечинѣ, которую Шатов дает Ставрогину. Хромая Кармазина напоминает хромоножку Марію Тимофеевну. И в «Повѣсти» и в «Бѣсах» встрѣчается мотив женитьбы из состраданія. Картузов является к графу и заявляет ему: «Я убѣдился, что она вас любит и вы должны на ней жениться». В «Бѣсах» влюбленный в Лизу Маврикій Николаевич приходит к Ставрогину с тѣм же предложеніем. Наконец образ Картузова генетически связан с двумя персонами в «Бѣсах». Скромный, краснѣющій, молчаливый и вѣрный рыцарь Маврикій Николаевич, самоотверженно любящій Лизу, унаслѣдовал от капитана свое романтическое донкихотство. Его фигура обрисована немногими простыми чертами на втором планѣ романа. Он как бы блѣдная тѣнь, отбрасываемая Картузовым на страницы «Бѣсов». Главным же наслѣдником ревельскаго капитана является другой капитан — Игнат Лебядкин. На первый взгляд кажется невѣроятным это превращеніе «чистаго сердцем» рыцаря в пьянаго шута и шантажиста. А между тѣм это так: по загадочной діалектикѣ идей, лицо, первоначально задуманное автором, как воплощеніе «прекраснаго человѣка», снижается до отвратительной карикатуры, до маски грязнаго приживальщика, братца хромоножки Маріи Тимофесвны. Это лицо очерчено злобно - саркастически и включено в легіон бѣсов, которыми предводительствует Петр Верховенскій.

Что побудило Достоевскаго приписать одному из бѣсов своего новаго романа двѣ характерныя черты Картузова: влюбленность в «амазонку» и сочиненіе нелѣпых стихов? Нам кажется, что срыв из возвышеннаго в низменное произошел именно на почвѣ стихотворнаго матеріала. Никакой «безграмотностью» и «наивностью» нельзя было оправдать поэзію Картузова: его стихи не только нелѣпы, но циничны и пошлы. Развѣ цѣломудренный рыцарь Картузов, преклонявшійся пред своей дамой, как перед недосягаемым идеалом, мог быть автором таких стишков?

И с другой стороны, развѣ в этом пьяном и грубом косноязычіи не заключался уже *словесный образ* капитана Лебядкина? В «Повѣсти» разсказчик убѣждает Картузова не говорить всѣм и каждому о своих сердечных дѣлах: «Они вас шутом считают», -

прибавляет он. Из рыцаря, *кажущагося шутом,* вырастает *настоящій шут — Лебядкин.*

Картузов сначала критикует «амазонку» Елизавету Николаевну и потом внезапно в нее влюбляется; Лебядкин — тоже. Липутин говорит о нем: «Влюблен, влюблен, как кошка, а знаете ли, что началось вѣдь с ненависти. Он до того сперва возненавидѣл Лизавету Николаевну за то, что она ѣздит верхом, что чуть не ругал ее вслух на улицѣ, да и ругал же!... И вдруг сегодня стихи! Знаете ли, что он хочет рискнуть предложеніе? Серьезно, серьезно!» Лебядкин посылает стихи «Звѣздѣ - амазонкѣ» и письмо «Совершенству дѣвицы Тушиной», в которое цѣликом переходит уже извѣстное нам стихотвореніе Картузова:

«О как мила она
Елизавета Кармазина»

с замѣною «Кармазина» — «Тушина».

От другого произведенія Картузова «Краса красот сломала член» в «Бѣсах» сохранилась только первая строфа. В бесѣдѣ с Ставрогиным Лебядкин об'ясняет происхожденіе этих стихов. В его разсказѣ мы находим не только краткое изложеніе идеи «Повѣсти о капитанѣ Картузовѣ», но и характернѣйшія выраженія ревельскаго героя. Достоевскій пародирует себя самого. Лебядкин говорит: «В случаѣ, если бы она сломала ногу», то есть в случаѣ верховой ѣзды... Однажды был поражен, проходя, при встрѣчѣ с наѣздницей и задал матеріальный вопрос: «Что бы тогда было?» — то есть в случаѣ. Дѣло ясное: всѣ искатели на попятный, всѣ женихи прочь, морген фри, нос утри, один поэт остался бы вѣрен с раздавленным в груди сердцем. Николай Всеволодович, даже вошь и та могла бы быть влюблена и той не запрещено законами И однако же особа была обижена и письмом и стихами. Да вы, говорят, разсердились, так ли-с? это прискорбно: не хотѣл даже вѣрить. Ну, кому бы я мог повредить одним воображеніем?»

Наконец, третье стихотвореніе Картузова «Таракан» тоже переходит к Лебядкину. Его комментаріи к собственным стихам довольно точно воспроизводят авторскія замѣчанія ревельскаго капитана. Прочитав первую строку, Лебядкин поясняет: «То есть, когда лѣтом в стакан налѣзут мухи, то происходит мухоѣдство, всякій дурак поймет». Кончив чтеніе, он прибавляет: «Тут у меня еще

не докончено, но все равно, словами: Никифор берет стакан и, несмотря на крик, выплескивает в лахань всю комедію, и мух и тараканa, что давно надо было сдѣлать. Но замѣтьте, замѣтьте, сударыня, таракан не ропщет!... Что же касается до Никифора, то он изображает природу».

Картузов, влюбившись, начинает франтить и мечтает о «свѣтскости». Лебядкин кричит: «Понимаешь ли ты, осел, что я влюблен; я фрак купил, посмотри: фрак любви, пятнадцать цѣлковых; капитанская любовь требует свѣтских приличій».

Слабые отблески рыцарства Картузова падают на Лебядкина; нѣкоторые из афоризмов перваго переходят ко второму. Лебядкин говорит: «Передай, что я *рыцарь* чести»; «Есть минуты *блага-а-роднаго* лица»; «Можно ли умереть единственно от *благородства* своей души?»; «По моему Россія есть игра природы, не болѣе!»; «Ваши великолѣпнѣйшіе чертоги могли бы принадлежать *благороднѣйшему* из лиц»; «Трезвость, уединеніе и нищета — обѣт древних *рыцарей*».

Художественное значеніе идеологических построеній и стилистических пріемов Достоевскаго всегда двойственно: за спиной «рыцаря» стоит пародирующій его шут, за плечами богоискателя гримасничает его «золотушный бѣсенок с насморком». Фигурой Лебядкина Достоевскій как будто мстит себѣ за неосуществленную мечту о «прекрасном человѣкѣ».

К. Мочульскій

Н. А. ГЕРЦЕН

(ОТРЫВКИ НЕИЗДАННЫХ ПИСЕМ).

Печатаемыя здѣсь письма жены Александра Ивановича Герцен, Натальи Александровны, переданы в распоряженіе «Русских Записок» дочерью покойнаго Ф. И. Родичева, А. Ф. Родичевой, с разрѣшенія наслѣдников недавно скончавшейся дочери А. П. и Н. А. Герценов, Натальи Александровны. Эти письма существенно пополняют наши свѣдѣнія о духовнюм мірѣ ея матери, выясняя ея внутреннія переживанія в связи с семейной трагедіей Герценов. Сам А. И. Герцен разсказал с большими подробностями этот глубоко потрясшій его эпизод их личной жизни в пятом томѣ своих воспоминаній, вышедшем в свѣт только в 1919 году. С тѣх пор появились новыя данныя, освѣтившія событія 1849-1852 годов с другой стороны. К этой категоріи данных относятся и публикуемые здѣсь отрывки личной переписки Н. А. с ея давней, московской подругой из Италіи и Парижа от 1848 года. Здѣсь мы находим завязь тѣх настроеній, которыя привели к трагической развязкѣ 1852 года. Слѣдующая серія писем относится именно к этой развязкѣ — на смертном одрѣ Н. А. (1852). Первое письмо этой серіи (здѣсь нами опущенное) было уже напечатано, из того же семейнаго архива, в изданіи Лемке (VII); другія, непосредственно слѣдующія за этим и тѣсно связанныя по содержанію, появляются здѣсь впервые. Значительность сдѣланных в них заявленій Н. А. на ея смертном одрѣ понятна сама собой.

Два письма Т. А. Астраковой к дочери Герцена отдѣлены двадцатидвухлѣтним промежутком от кончины ея матери. Совершенно особый интерес представляет здѣсь оцѣнка поведенія покойной жены А. И. Герцена в полемикѣ с ея дочерью, сдѣланная ея старой московской подругой на основаніи критеріев старшаго поколѣнія идеалистов тридцатых годов.

Приложен здѣсь также предсмертный набросок автобіографіи жены Герцена; автобіографія осталась ненаписанной; но и в наброскѣ нетрудно выдѣлить штрихи, пополняющіе общую схему развитія недолгой внутренней жизни Натальи Александровны. Для читателя, мало знакомаго с предметом, будет полезно прочесть отрывок из статьи Ф. И. Родичева, который мы печатаем вмѣсто введенія к письмам. Ф. И. до конца жизни остался самым горячим поклонником великаго русскаго трибуна и вѣрным другом его семьи. Любящей рукой он набрасывает здѣсь краткія, но точныя черты предыдущих стадій семейных отношеній Герценов, поведших к послѣдней развязкѣ. В этом слишком сжатом очеркѣ не всегда легко отдѣлить послѣдовательность стадій. Приводим, поэтому, в дополненіе, хронологическую схему с краткими характеристиками, которыя помогут читателю разобраться в печатаемом здѣсь матеріалѣ. Характеристики выражают, по возможности собственными словами, смѣняющіяся настроенія жены А. И. Герцена.

1. *1834 г. — Романтическая влюбленность в разлукѣ.*
2. *1838 г. — Апофеоз любви в бракѣ.*
3. *1842 г. — Первая семейная драма.*
4. *1846 г. — «Мы созрѣли; мы уже не дѣти; пьедестал понижен».*
5. *1848 г. — Потребность свободы и новой жизни.*
6. *1850 г. — В зенитѣ.*
7. *1852 г. — Смертельный исход.*

Матеріалы, печатаемые здѣсь, по провѣренным копіям с рукописей, снятым А. Ф. Родичевым, относятся к номерам 5 и 7 этой схемы. Мы озаглавили их: I. «Non voglio servire» *(«Не хочу быть рабой») и* II. *Расплата. — К ним мы прибавили:* III. *Переоцѣнка (1874). Выпущенныя мѣста обозначены многоточіями; они касаются свѣдѣній о членах московскаго кружка Герценов. Мѣста, напечатанныя курсивом, подчеркнуты в подлинникѣ. Соотвѣтственно принятой в «Руск. Зап.» орфографіи. вездѣ опущены твердые знаки.*

Ред.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

(Изъ статьи Ф. И. Родичева о Герценѣ).

Когда читаешь юношескую переписку Герцена с его кузиной Натальей Александровной Захарьиной, эту лирическую поэму, не сочиненную в романѣ, а пережитую в дѣйствительности, кажется, что это свѣтлое чувство проводит обоих до конца их жизни. Не вѣрится, что оно смѣняется обыкновенной исторіей. Обыкновенной исторіей, т. е. разладом, и завершился этот роман, начавшійся в іюлѣ 1834 года на кладбищѣ в Москвѣ и кончившійся в маѣ 1852 года, на кладбищѣ в Ниццѣ. Но жизнь обоих: и умершей жены, и оставшагося в живых мужа, была разбита. Обоим казалось раньше, что они исключенье, что они гордо пронесут свое счастье через всю жизнь. И обоим пришлось убѣдиться, что они оба подлежат общему закону — «common law», как выразился Герцен. Связь между ними, однако, не порвалась. Наталья Александровна умирала любящая, с надеждой и желаньем жить для дѣтей, для мужа, которому нанесла раны, хотѣла их залѣчить... Он до конца боролся за ея жизнь, за свою любовь — и до конца жизни благоговѣйно хранил живое чувство к памяти Натальи Александровны. И все-таки он считал, что он сам был долею виновником ея смерти. В своем разсказѣ в 5-й части «Былого и Дум» Герцен дал нам остов той драмы, которая разыгралась в 1849-1852 году, — разсказ о послѣдних событіях своей семейной жини, о кризисѣ, уже разразившемся. Но он ничего не разсказал о том, как готовился этот кризис.

То, что случилось тогда, назрѣвало давно, корни его в прошедшем.

В дневникѣ Герценѣ 1842-43 г. записано: «... горестное, раздирающее душу сознаніе, что я, дурачась, не смотрѣл на существо, близ меня стоящее, что я поколебал ея вѣру, отнял основу нравственнаго быта, убил, разрушил»...

Еще в Новгородѣ Н. А. страдала от сомнѣній: «ты чувствуешь бѣдность твоей жизни со мной», — говорила она мужу.

Пережитое в 1842-43 г. укрѣпило Н. А. в ея прежних сомнѣніях. Она не так легко забыла происшествіе, в котором Герцен так бурно каялся, которое он простил себѣ, помирившись с своей совѣстью на том, что «Grundton» (основной тон) его любви к женѣ

остался прежним, нетронутым. Герцен думал, что кризис кончился. Нѣт, он кончился гораздо позже, в 1848 году в Италіи... Настроеніе Н. А. в Москвѣ, в 1843-47 году, не сдѣлалось много свѣтлѣе, развѣ спокойнѣе.

Основная почва для темных настроеній, болѣзненное состояніе не прекращалось. И поправляться было некогда. Роды слѣдовали за родами. В ноябрѣ 1842 года в ночь с 29 на 30-е ноября родился ребенок и умер 5-го декабря. То был третій гробик в теченіе 3 лѣт и в 4 года четвертые роды. Это не надо забывать при оцѣнкѣ настроеній Н. А. В декабрѣ 1843 г. роды: 6-й ребенок, глухонѣмой Коля. В 1844 г. в декабрѣ роды: родилась дочь Наталья. До начала 1847 г. была еще дочь Лиза, умершая.

В этих болѣзнях выдержала Н. А. свое испытаніе... Перемѣна в воззрѣніях не осталась внутри.

Выѣздом заграницу кончился первый період семейной жизни Герценов. Ванмная любовь осталась, но она вошла в берега. Опредѣлились ея границы. Это уже не было полное сліяніе двух жизней, когда в сердцѣ не остается ни одного уголка, закрытаго друг для друга, когда для вѣры нѣт ограниченій, а для сомнѣній нѣт мѣста. Пьедестал, на котором Герцен стоял в глазах своей жены, был, если не разрушен, то поколеблен, понижен...

Для Герцена с пріѣздом в Париж началась новая жизнь, открылись новые горизонты, для дѣятельности — широкая рама. Семейная жизнь стала на втором планѣ. Его гостепріимный дом стал общественным центром.

Герцен отходил от семейной жизни.

Перерывом в этой суетѣ было путешествіе в Италію. Оно осталось в памяти Герцена, как свѣтлая полоса по ту сторону кладбища. Для Н. А. то же путешествіе в Италію было временем перелома и выздоровленія. Прошлое закончено. Началась новая жизнь. «В Италіи я воскресла», — писала она впослѣдствіи. То было для нея — «второю молодостью, реальнѣе, дѣйствительнѣе, богаче первой».

В это путешествіе. Н. А. обогатилась новой дружбой к юной дочери Алексѣя Алексѣевича Тучкова, — Натальѣ. В 1847-48 г. в Италіи возникла между ними горячая дружба. Н. А. называла молодую Тучкову — consuelo de mia alma (утѣшительница моей души, слово взято из романа Жорж Занд «Consuelo»). По возвращеніи в Париж, дружба продолжалась и крѣпла. Тучковы

уѣхали. Началась переписка. Она частью уцѣлѣла и обнародована. Н. А. с своей consuelo откровенна до конца. «Только с тобой, — пишет она, — я могу так говорить. Ты меня поймешь, п. ч. ты так же слаба, как я. Но с другими, которые сильнѣе, или слабѣе, я бы не хотѣла так говорить, не хотѣла бы, чтобы и другіе слышали, как я говорю. С ними я буду говорить о другом».

В письмѣ к consuelo звучат двѣ ноты. Во-первых, — мажорная нота возрожденія: «Довольно умирать. Я хочу жить, жить своею жизнью, жить сколько есть во мнѣ жизни («Иль у сокола крылья связаны, иль пути ему всѣ заказаны?»). Чувствую себя свѣжей, юной. Жизнь прекрасна, неправда-ли?»

Это новое настроеніе прошло мимо Герцена. Первый раз послѣ 1834 года в душѣ Н. А. зародилось чувство, возникло движеніе, котораго она не дѣлит с мужем, не ищет в нем отзвука и сочувствія. «Только в тебѣ я нашла свѣт и тепло», — пишет она к консуело.

Рядом с этими свѣтлыми порывами у Н. А. идет тоска от суеты, ее окружающей. Н. А. мечтает об уединеніи «так, чтобы не мѣшало никакое прикосновеніе, ни милое, ни постылое».

А что-же Александр? Гдѣ он?

Он сам говорит, что, если бы на нравственную помощь тоскующей женѣ употребил половину тѣх усилій, которыя потом положил на физическій уход за ней, — он спас бы ее.

Н. А. была в забросѣ. Герцен был в сутолокѣ политической жизни, парижских разсѣяній.

. . . . . .

Болѣзнь и смерть Н. А. разсказаны Герценом. Герцен писал, чтобы исповѣдаться, чтобы защитить память своей жены. Образ Н. А. остается перед нами, — образ рѣдкой искренности, высокаго духовнаго изящества, образ полный очарованія.

Страшной тяжестью обрушилось на Герцена крушеніе его семейной жизни, смерть его жены, безплодныя попытки разсчета.

Спасаясь от невыносимых настроеній, пріѣхал Герцен в Лондон. И там к концу 1852 года улеглась его мука, прояснилась его мысль.

Вѣра в русскій народ, любовь к Россіи спасли его на краю нравственной гибели.

Ф. Родичев.

I. NON VOGLIO SERVIRE

1. — Из письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

Рим. 1848 год, март 14.

...Теперь бы слѣдовало извиненья, или по крайней мѣрѣ об'ясненья, почему я не писала давно, не стану тратить слов ни на то, ни на другое, суди, как знаешь, как умѣешь, какова я есть. Не писала и все тут... Нужно б видѣться, говорить, ни в какую форму не укладывается то, что сказал бы живым языком и бросишь перо и ломает тебя невозможность передать все, что бы хотѣлось, это меня утомляет страшно, даже физически...

Сколько отрадных явленій, сколько минут полных жизни живой и все мимо вас. Ну, так буду-же описывать тебѣ нашу прогулку в Неаполь. Вот двѣ недѣли как мы воротились оттуда. Марія Федоровна*) с Колей и Наташей оставались в Римѣ. А мы всѣ с семейством Тучковых провели 3 недѣли в Неаполѣ, это лучшее время из всего путешествія по Италіи. Чудный город! Всѣ наши окна были обращены к Средиземному морю, там вдали дымящійся Везувій, цѣлые часы, цѣлые дни я с упоеніем смотрѣла на эту безпрерывно мѣняющуюся панораму, даже в дождь, даже в ненастье, так вездѣ хорошо, хорошо и кататься, хорошо и дома сидѣть у окна, безконечно хорошо, начиная с разсвѣта, так миг за мигом я упивалась этой живой картиной. Наконец, ночь. Мрачный, величественный Везувій каждую минуту выбрасывает огненный сноп и опять поток лавы опоясывает его, теряется в морѣ. Я полюбила его как друга, эту гору, я так сочувствую ея вулканической жизни... меня физически тянет в ея огонь, а тут мѣсяц свѣтлый тихо, тихо поднимается, серебрит море и глаза невольно обращаются туда, рыбачьи лодки так беззаботно скользят, будто играют, забываешь труд бѣдняка и также беззаботно ложишься в постель и засыпаешь спокойно.

Новый день, новыя наслажденія. С утра мы брали обыкновенно двѣ коляски, п. ч. нас 10 человѣк, отправлялись смотрѣть древности Геркуланума, Помпеи и т. д., даже взбирались на Везувій, возвращались домой к 5-ти часам, прямо к table d'hôte, тут уж новая комедія, всѣ эти лица, иные разговоры — иногда смерть грустно, иногда смертельно смѣшно. Спальня у каждаго была особенная, и сходились мы вмѣстѣ в одну гостиную.

---

*) М. Ф. Корш.

На меня безконечно хорошее вліяпье имѣла встрѣча с молодыми Тучковыми и близость с ними, особенно с Натали, богатая натура и что за развитіе. Их не пощадила жизнь, сколько подавлено, измято, убито, сколько устали от ненужной борьбы, а кто же знал, что она ненужна? Так-ли уж случилось, но в самом дѣлѣ, глядя на них, у меня много набралось новых сил. На что? На жизнь, новая связь с жизнью.

Три недѣли прошли как три дня и в первый раз пришлось мнѣ испытать совершенно незнакомую мнѣ беззаботность пасчет дѣтей, только было больно, что я врозь с ними, иногда тоска давила, хотѣлось взглянуть на них, услышать их голосок... но это тревожное, не дающее забыться ни на минуту чувство не существовало вовсе, п. ч. они были с М. Ф. Это же самое часто отравляло самыя прекрасныя минуты, мнѣ так было больно, что она не раздѣляет их с нами, конечно, для нея было вознагражденіе в самом этом лишеніи, п. ч. быть полезным другим для нея, кажется, выше всѣх наслажденій, — и все-же мнѣ было больно и совѣстно безконечно. Эти три недѣли свѣтлая, яркая полоса, несмотря на то, что цѣлая недѣля прошла в розысках украденнаго портфеля со всѣми бумагами и документами*).

В Римѣ гадко, погода ужасная, мрачность, сырость, мѣшает даже жить прошедшей жизнью, куда поѣдешь в такой ливень? Мы скоро уѣзжаем отсюда, куда не знаю, хотѣли воротиться в Неаполь, показать его М. Ф., потом в Палермо, но всѣ спѣшат безпрерывно, вѣрно ничего не знаю...

Возвращаюсь к твоему письму, на первой страницѣ я невольно остановилась на этом словѣ: «и в этот день, я была неимовѣрно счастлива». Вот не требуй больше от жизни, уж и то слишком много, что можно быть счастливой в иной день и цѣлый день. С радостью и с завистью читаю я описаніе твоих и Гр. именин. Потом, моя Таня, скажу тебѣ откровенно, что я горько улыбнулась, читая твои дѣтскіе вопросы: «уж не разсердилась-ли ты на меня, уж не забыла-ли, не разлюбила-ли?» Да станем же во весь рост, бросим всѣ сердечки, медальончики, обѣщанія, клятвы, увѣренья в дружбѣ, — чѣм истиннѣе, чѣм глубже любишь, тѣм ненужнѣе все это. Я пишу тебѣ все откровенно и не думаю, чтобы ты разсердилась, вѣдь это унижает.

---

*) Герцен подробно разсказал исторію украденнаго портфеля в «Письмах из Франціи и Италіи». (Лемке, VI стр. 42 и слѣд.).

Я как-то так привыкла широко и свободно любить. Болѣзненный період прошел для меня совершенно, я не могу, как прежде, *устраивать* прочно дружбу, обносить ее высокой оградой и крѣпко, накрѣпко запирать ворота, чтобы непосвященный не смѣл перешагнуть порог; это дѣтство, это неувѣренность в том, что охраняешь; я болѣе чѣм когда люблю всѣх мои друзей, болѣе чѣм когда-нибудь вѣрю им и не требую ничего и не люблю ничего; чѣм болѣе живу, тѣм болѣе убѣждаюсь, что единственное, существенное благо в жизни — это симпатія, кто ж подвергнет его даром вліянію чего бы то ни было. Если же оно таково, что легко можно имѣть вліяніе на него, я отказываюсь от такого непрочнаго блага; одной игрушкой меньше...

Продолжаю читать твое письмо и, наконец, улыбаюсь: «неужели ты не выбралась, Наташа, считать каждую женщину за сплетницу, врага и т. д.?

О, Таня, Таня! я не буду отвѣчать тебѣ на это, — это просто бред. Ты бы должна довольно знать мою исторію. Сначала я была дика и ни к кому не подходила, потом подходила робко, но с полною довѣренностью, уж если подходила, — теперь я не могу не подходить, и, все равно женщина или мужчина, лишь бы внутренній голос сказал мнѣ, что есть общее. Я этому голосу довѣряю безконечно.

2. — Из письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

Париж. 1848, іюня 23-го.

Только что послала тебѣ письмо, получила твое, моя Таня, моя хорошая Таня. Хоть многое в нем давно писано, но я все-таки читала и перечитывала его с большой любовью. Люблю тебя, Таня, хорошее ты существо, несмотря на всѣ недостатки и *претензіи* твои, да, претензіи. Не сердись, оно так. Претензіи не от бѣдности натуры, не от пошлости, а от того, что жизнь не вселила довѣрья к себѣ. Лучше сказать, не претензія, а требовательность, она и законна, так как справедлива, но не хотѣлось бы ея иногда, от того, что не хотѣлось бы, чтоб ты страдала; а не страдала бы, — была бы бѣдная натура. Так лучше оставайся тѣм, чѣм есть.

Когда мы увидимся, не знаю. Из Италіи ты велѣла уѣхать, а и здѣсь я не здоровѣе, напротив, скучно быть больной, унизи-

тельно, досадно, особенно теперь, — никогда не нужно мнѣ было так здоровье, как теперь, — жизнь так хороша, хотѣлось бы жить и для себя, и для других. Принялась серьезно лѣчиться, авось будет лучше. Саша*) пока здоров, понемножку всѣм занимается, доктора говорят ,что до 18-ти лѣт необходимо безконечное внимание и попечительность для его деликатнаго сложенья, в ученьѣ, в игрѣ, в содержаньѣ, — словом, *безпредѣльная* осторожность, — ты поймешь, стало, Таня, как бы я желала быть здоровой. Коля и Наташа милы и здоровы ,растут, утѣшают. Потом, Таня, ты знаешь как Александр тревожится всегда о моем здоровьѣ и это все сильнѣй и сильнѣй в нем становится...

Жаль мнѣ, Таня, ты ждешь нас так, как будто мы сейчас пріѣдем, а я не знаю, когда мы поѣдем, нѣт ничего хуже, как такая ошибка. Перенесла бы я тебя как-нибудь сюда.

В августѣ или сентябрѣ, ты увидишь Тучковых; вѣдь ты дикарка, не бойся, я тебя заранѣе познакомила, то-есть, с двумя дѣвушками Hélène и Natalie, каждая в своем родѣ хороша, встрѣча с ними дорога мнѣ, она принесла мнѣ много юности, свѣжести, наслажденія в мою душу, уж не говоря ни о чем другом, великое счастье любить так, как я их люблю. Хорош мой внутренній мір, Таня, так полон, полон, — я не говорю: одного свѣтлаго, но я бы не отдала ни одной капли того горькаго, что вынесла...

24 іюня. — Я была прервана пушечными выстрѣлами, которые продолжались *четыре дня* день и ночь. Город до сих пор en état de siège, убитых, говорят, 8.000. Вот и все; подробности не достает духа описывать. Как мы живы, удивляюсь, но живы только физически, Таня, были минуты, в которыя я желала быть уничтоженной *со всей семьей*. Не знаю, оживем-ли настолько, чтобы что-нибудь в жизни еще вызвало искреннюю улбку. Кланяйся всѣм.

Давно писано это письмо, но все-таки посылаю его тебѣ, — оно тебѣ даст понятіе о нашем житьѣ-бытьѣ.

Приписка А. И. Герцена:

— 30 іюня. — Что мы видѣли, что мы слышали в эти дни — — мы всѣ стали зеленые, похудѣли, у всѣх с утра какой-то

*) Сын Н. А.

жар... Преступленье четырех дней совершалось возлѣ нас, около нас. — Домы упали от ядер, площади не могли обсохнуть от крови. Теперь кончились ядры и картечи — началась мелкая охота на блузников. Свирѣпость національной гвардіи и собранья превышает все, что вы когда-нибудь слыхали. Я полагаю, что Василій Петрович перестанет спорить о буржуазіи. Если бы не Каваньяк, то плѣнных разстрѣляла бы власть*).

3. — Копія письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

Парижъ, іюнь 1848 г.

Еще с дѣтства мнѣ казалось страннымъ все,что дѣлается вокруг меня и до 30 лѣт я не могла привыкнуть к этому порядку или безпорядку: страшная дисгармонія, раздирающая душу, все так нелѣпо, так наизнанку!

Перед революціей становилось свободнѣе дышать, казалось, настает время всемірной перестройки, — все существо мое исполнилось надеждой, любовью, дѣятельностью. Человѣчество, ползущее до тѣх пор как ребенок, удерживаемое на помочах, запуганное, угнетенное, встает, разрывает узы... Прежніе властители, или лучше дядьки, пугалы, расчищают дорогу, прячутся позади всѣх, — человѣчество расправляет члены, высоко держит голову, шаги его быстры и тверды, будто оно разом сознало свою силу и каждое мгновенье заключало в себѣ столѣтья, началась жизнь широкая, полная — все личное, семейное, домашнее перестало быть полным, исключительным, приняло характер всемірный, казалось, не существует больше сообственности, отечества — море единодушія, свободы! И мы с упоеніем отдались волнам его...

Я была долго на площади, в толпѣ, — мнѣ бы не показалось страннымъ, если бы она вошла к нам и взяла, что ей нужно, каждый был свой, для каждаго готов был отдать жизнь.

«Совершилось!» — думала я — и не даром были всѣ наши страданья, недаром при всѣх условьях наслаждаться жизнью каждая минута была отравлена, недаром, держа полную чашу в рукахъ, мы томились жаждой, не имѣя духа хлебнуть — малѣйшее

*) См. описаніе этих дней у Герцена: «С того берега», II, «Послѣ грозы (Лемке V, 410 и слѣд.). Василій Петрович Боткин.

самоудовлетворенье казалось преступленьем... Недаром это негодованье, этот скрежет, при мысли о своей ничтожности, о своем безсиліи сдѣлать что-нибудь — теперь мы всемогущи!

Глядя на дѣтей, я думала: «Счастливые! Вы минуете всѣ противорѣчія, сквозь которыя, как сквозь строй, гнала нас жизнь, и от которых раны не зажили бы теперь, если бы не этот великій переворот. Искаженные, изувѣченные, мы стали снова юны, крѣпки, мы стоим в один ряд с вами. — Окончена моя скорбная забота о воспитаніи, — учредятся новыя школы, на новых основаньях, вам дадут здоровую пищу, вы будете расти, развиваться свободно и жизнь ваша будет хороша! И я любила всѣх дѣтей как моих. думала ходить за ними, участвовать в их развитіи.

Мысль о смерти, о безсмертіи не явилась ни разу, настоящее было слишком полно, предчувствовалась гармонія... И при всем этом изящная обстановка Италіи... Но нас тянуло к самому сердцу, которое заставляет биться всѣ пульсы — мы летѣли в Парыж.

Іюньскіе дни не замедлили явиться, подробности всѣ извѣстны. Пять дней кряду мы умирали быстро, мучительно, в страшных судорогах, потом, обезсиленные, умирали медленно, томительно. Я не умѣю вѣрнѣе передать состоянье, в котором мы находились во время митральяды улиц и разстрѣливанья инсургентов, — оно продолжалось долго, очень долго; бывало, откроешь окно, и все кажется ироніей, и пѣнье птиц, и освѣщенье солнца, и зеленый цвѣт листьев — вѣдь, это обман, декорація, за которой льется кровь рѣками. Всѣ чувства смутны, парализованы, с усиліем вслушиваешься, чтобы различить дѣтскій говор от пушечных выстрѣлов и не понимаешь, зачѣм стрѣляют, зачѣм лепечет ребенок, зачѣм живет он, наконец, и будет жить? С утра мы собирались вмѣстѣ и просиживали до поздней ночи в натянутом состояніи, как у смертнаго одра любимаго человѣка, говорили шопотом, едва переводя дух, одна свѣча горѣла, свѣт лампы был бы слишком силен, оскорбителен; никогда тѣло не было так в тягость, так лишним. В иныя минуты хотѣлось, чтобы бомба упала среди нас... При воспоминаніи прошедшаго торжества, судорожная улыбка появлялась на лицах — не сон-ли это было? — Чудный сон!

Но прошло много времени и послѣ тяжелаго сна, два великія мгновенія канули в вѣчность. От перваго заструился свѣтлый круг и исчез. Долго виднѣлся кровавый слѣд послѣ другого и исчез... А море жизни волнуется все так же гордо и небрежно . и

— недостаток-ли это любви или любила я слишком много, — только теперь я сижу на берегу этого моря, смотрю на него и то слезы навернутся на глазах, то мелькнет улыбка; я сочувствую его волненью, но отдаться ему, броситься в него — желанья нѣт болѣе! Теперь я чувствую себя отдѣльно, живу отдѣльною жизнью. Моя жизнь терялась, как капля в морѣ, теперь море теряется в моей каплѣ...

Личность моя стала сосредоточеннѣе, всѣ лучи сведены в один фокус... Non volio piu servire.

Когда меня спрашивают, что я дѣлаю хорошаго, я отвѣчаю: — «живу».

С каждым днем я не только отвыкаю, привыкаю от всего, что дѣлается на всем свѣтѣ. Вчерашнія, давешнія событья мнѣ кажутся сказкой, преданьем варварских времен. Самыя лица — никогда вид животнаго не производит такого возмутительнаго впечатлѣнія! Я не выхожу от этого по воскресеньям, все залито безобразіем. Мнѣ нужно послѣ этого долго отдыхать, постоять долго у моего окна, всмотрѣться в зелень, в солнце, проглядывающее сквозь листья, хоть оно и блѣдно в Парижѣ, — словом, мнѣ нужно отсутствіе человѣка, нужно забыть о существованіи. И пока я не окрѣпну, меня возмущает даже вид дѣтей, моей любимой, маленькой Наташи. Снова является потребность новой жизни, хоть не для себя, для них, обдаст новым ужасом от всего стараго, искаженнаго, в котором не только мы, но и они должны продолжать жизнь.

Я всегда ужасно устаю, сидя в театрѣ, мнѣ все хочется прыгнуться на сцену и участвовать в игрѣ, если пьеса со смыслом, если же — нѣт, хочется разогнать их, ужасно унизительно видѣть самаго плохого актера в пошлой роли. В театрѣ несносно, а каково же в жизни? Сидѣть весь вечер прикованной к своему мѣсту и смотрѣть, как свѣт дурачится. Это меня бѣсит, и я больна от этого и не выздоровлю никогда.

Зачѣм нельзя забыться надолго в себѣ, в том, что хорошо мнѣ. Когда меня несли на Везувій 4 лазарони, я ужасно устала, помогая мысленно нести себя. Так всю жизнь мою без отдыха я помогаю развитію человѣчества. И что же? Хоть бы распяли меня, — но вѣры больше нѣт в искупленье.

Сумасшедшіе они или звѣри, я не знаю, только у меня судорожно сжимаются зубы и кулаки, глядя на них.

Вчера было воскресенье, меня насильно вытащили погулять — никогда Париж не залит так грязною толпою как в праздник. Я смотрѣла, смотрѣла на них и подумала: что если прокатить картечью вдоль этой ползающей грязи? Я бы с радостью увидала бы льющуюся кровь — надо же расчистить мѣсто человѣку! Наконец, из одного эгоизма я желала бы гибели этому міру, при всѣх условіях наслаждаться столѣтье цѣлое — я считаю жизнь мгновеньями, остальное скрежет, мука.

Не знаю кому бы я рѣшилась сказать, до какой степени доходит иногда мое равнодушіе ко всему происходящему, внѣ моего внутренняго міра, — ко всѣм возстаніям, революціям; мнѣ самой становится страшно этого равнодушія, и если бы под его свѣтлой, гладкой поверхностью не таился цѣлый вулкан, готовый пересоздать весь мір или уничтожить все и прежде всего, самое меня, — я презирала бы себя.

Народы, как цвѣты, прозябают одни дольше, другіе меньше. Смерть одних будет удобрять почву для других.

Вот Египет возвышает свой пышный, тучный цвѣт. Грецiя — свой цвѣт, исполненный красоты и благоуханія. Рим величественный, покрытый красноватыми жилами от чувственной жизни. И много других цвѣло цвѣтов прекрасных, и отцвѣли всѣ и слѣда иных не осталось вовсе.

В итогѣ человѣк становится человѣчественнѣе, а поколѣнья незамѣтно потребляются на выработку его. И я восхищаюсь человѣком, поклоняюсь ему, болѣе люблю его, еще болѣе я сама человѣк, а до химической лабораторіи мнѣ дѣла нѣт, наконец, Слишком много потрачено на нее, много закоптѣлось, много выгорѣло.

В деревнѣ, в живой, теплый день, когда вижу деревья, высокую траву, мнѣ бы хотѣлось затеряться в ней, забыть всѣх и чтобы меня забыли. Я сливаюсь с теплым, благоуханным дыханьем природы, исчезаю с ним в воздухѣ или игривой, пестрой бабочкой перелетаю с цвѣтка на цвѣток (пчелкой быть я бы не хотѣла, пчела слишком трудолюбива), красуюсь на солнцѣ или так, ка-

кая я есть, с руками и ногами, уношусь куда-нибудь далеко, на конѣ или уплываю за океан... Да, если бы забыться. Да, человѣчество можно забыть с его ретортой, но дѣтей моих не могу забыть.

Мнѣ *все кажется,* что я нужна им, что без меня ничего не сдѣлается, я не могу оторваться от них, мы всѣ так тѣсно соединены, как в продолженіе девяти мѣсяцев, — одна смерть отдалит меня от них, как засохшій цвѣток от зрѣлаго плода, и я не умру прежде, чѣм они дозрѣют. А когда увижу их людьми, умру, не жалѣя о жизни. И вѣрую, что умру, не жалѣя о жизни. Все недоразвитое во мнѣ, подавленное, несовершившееся. — все исполнится в них.

В них я разовьюсь до себя.

Все, что дѣлается теперь с громом пушек, с пролитіем крови, мнѣ кажется, ничтожнѣе воспитанья, — я совершаю будущее и какое чистое, сильное будущее! Их минует все то, что вынесено мною, оттого, что оно уже вынесено мною. Всѣ предразсудки, эти ржавые осколки орудій, которыми отживающій старец порабощает мір и которыми, добивая в предсмертных судорогах отходящее с ним поколѣнье, грозит строго закону, — не коснется их. Эти ядовитые осколки отразит твердый щит, а этот щит — я. Мою баррикаду не разрушит никакая сила.

А там, может быть, ты дойдешь до гильотины, мой милый Саша, — иди, иди лишь своим шагом ,твой слѣд будет — свобода. Она переживет гильотину и ты не умрешь в ней. Свобода! Я кажется люблю тебя больше дѣтей моих.

Как взор отдыхает, освобождаясь от предметов, теряясь там вдали, гдѣ все сливается в туманную синь, как ум освобождается от своей работы в винных парах, — так в симпатіи освобождаешься от всего, от всего, — отдыхаешь даже от привязанности. Это праздник человѣка.

II. РАСПЛАТА*).

1. — Письмо Н. А. Герцен Маріи Каспаровнѣ Рейхель без даты (18 февраля 1852 г.?)

Машинька,*чувствую*, мнѣ необходимо написать тебѣ еще *письмо по секрету от А**). Плохо возвращаются мои силы, болѣзнь

*) А. И. Герцена. Письмо непосредственно примыкает к напечатанному у Лемке.

прошла, кажется, но вот уж скоро три мѣсяца, а я встану только за тѣм, чтоб опять лечь и малѣйшее потрясеніе кладет меня в постель, а потрясеній столько и такія страшныя, что, может, и в могилу уложат — нравственных сил у меня много, *непреборимых,* сила моя — моя любовь к Ал., опора моя — его любовь ко мнѣ, *никогда,* мнѣ так кажется мы не были так проникнуты друг другом, *никогда не знали,* не провидѣли так друг друга, никогда не были так *воедино,* все наше прошедшее не только не потеряло ни искры — но *сознанное, оцѣненное,* как рѣка в море, влилось в наше настоящее. Ну, а физическія силы — через 3½ мѣсяца их мнѣ нужно, уйдет много — коли не хватит? Вот, раз ты самая близкая нам, *это* обязывает тебя подумать *напередъ;* за тѣм я и пишу *теперь.* Как умру, завѣщаю тебѣ быть *как только ты можешь близко и матеріально моей семьѣ.* Об остальном уж не прошу тебя, — увѣрена. Только еще — береги дѣтей, чтоб клевета *на наш союз* не коснулась их, они могут и должны только благословлять его. На них я надѣюсь, на дѣтей, *на них так ясна печать истинности полноты этого союза, и с ней они не погибнут,* но клеветы не бросят тѣнь — мнѣ жаль, мнѣ это невыносимо, охрани их от этого... Не покидай их, пока можешь, на подмогу выпиши из Россіи родных нам душою, кто может.

Как бы хотѣлось сохранить в них и русскую натуру, и натуру А., как бы хотѣлось, чтоб их путеводила и охраняла такая же любовь, как моя. Выпиши тогда непремѣнно Татьяну Алек., потом может вырвется из цѣпей Натали О*).

Со временем я бы желала, чтобы дѣти воротились в Россію, они ея достояніе, я бы не хотѣла, чтобы они были лишены этого сокровища. Этот догнивающій мір не стоит их, — нам только, старикам, не жаль сложить в нем свою голову, ей мягче здѣсь, избитой и наболѣвшей.

Может, ты помнишь маленькій, фантастическій отрывок, в котором Александр разсказал, как он, мальчиком шести лѣт, нервный, худой, с огненными, живыми глазами, рѣзвый, *вдруг раз* — присмирѣл и призадумался, глядя на падающую с неба звѣздоч-

---

*) Татьяна Алексѣевна Астракова и Наталья Алексѣевна Тучкова-Огарева.

ку; в эту минуту вошла в комнату его мать и сказала ему «у тебя родилась сестрица». Это было 22 октября 1818 года... С той минуты мы неразлучны. Он писал это с вѣрою, я вѣрила тому, что он писал. Но дѣйствительная жизнь кипѣніем и волненіем своим относила, уносила его от меня. Вѣра моя слабѣла. Я ловила его в этой пѣнѣ, в этих волнах — и гибла, гибла от избытка любви к нему, да, мнѣ *казалось, что есть избыток ненужный,* — он меня давил, убивал, этот избыток (не оправданіе, избави Бог), — но страшная ошибка с моей стороны, ошибка допустившая...*).

2. — Письмо Н. А. Герцен к М .К. Рейхель от 29 февраля.

Для концерта Рейхеля, собиралась спустить ноги с постели сегодня в первый раз. Теперь у меня растет забота о существѣ, которое должно явиться на свѣт через четыре мѣсяца, сколько перестрадало оно со мною! Что-то будет с ним?

Ты боишься за фактическое окончаніе**), — А. слишком много проповѣдывал о разрушеніи стараго и созданія новаго міра, чтоб уступить предразсудку перваго, может, и уступил бы, — но не там, гдѣ раздавить ногой уж много чести. Будь покойна...

А страшно встать, увидишь море, милый, милый ангел! Хоть бы на могилкѣ его посидѣть, — хоть бы могилку обнять и цѣловать, цѣловать, — цвѣтами бы украсили — — — ничего нѣт; шумит себѣ безумное, как будто ничего не было***). — Благодарю, цѣлую портрет.

Напиши мнѣ о Сашѣ, что же о н— продолжает расти по-богатырски? Дѣти и я обнимаем вас...

3. — Письмо Н. А. Герцен к М. К. Рейхель отъ 6 марта **).**

Давно бы сообщила тебѣ, кабы было что, — но ни мы, никто догадаться не может, что выплеснет еще из этого — не ада, а грязнаго.

---

*) На этом словѣ письмо обрывается.

**) Вызов на дуэль со стороны Гервега.

***) Намеки на катастрофу, в которой потонул у этих берегов Коля, сын Герценов.

****) Напоминаем, что первое из серіи этих писем. датированное 18 февраля, напечатано у Лемке, VII, стр. 16.

Ты знаешь письмо Э.*) на него в отвѣт, говорят**), что оно слишком длинная диссертація, что третьему вмѣшиваться тут нельзя (как-же, дуэль без секундантов?), что только с глазу на глаз с Александром можно рѣшить дѣло и что, наконец, вложенное письмо (мое) не читано, по незнанію от кого оно (я подписала всѣми буквами имя мое), а по письму видно, что читано, да и как-же не прочесть *опроверженья причины вызова*... Храбрых, наступательных дѣйствій, от такой *трусости* ждать нельзя; но, так как отношенія с А. оставалось единственным *якорем спасенія* в свѣтѣ, имя и пр., и как этот якорь подрѣзан мною, то всѣ гнуснѣйшія козни мужа и жены устремились против меня, для того(как он выражается) реабилитировать его перед А. и перед свѣтом. *Ты должна* писать нам, если знаешь болѣе нас. Пославши вызов А., он в то же время извѣстил об этом жену, а об отвѣтѣ на этот вызов, напротив, увѣряет все ее в том, что я пишу ему страстныя письма, вот все, что знаю.

Не понимала я ни мести, ни презрѣнія, пришлось *ощущать* и то, и другое в высшей степени.

Когда бы прекратились эти внѣшнія дрязги. — сколько у нас с А. матеріалу на прекрасную жизнь, жизнь полную, глубокую, мудрую, гармоническую. Хоть у меня и не было со встрѣчи *с ним* ни одного мгновенія, в которое я не чувствовала болѣе или менѣе *одного кровообращенія* с ним, как с сросшимся близнецом, но — при всем была Фома невѣрный, наконец, как он же, вложила персты... Восход нашей жизни сливается с закатом, только зарево послѣдняго жарче... Ну, вот, я написала тебѣ уж столько сколько ты и не просила, — нужды нѣт, если оно не для тебя, так для меня. Иной раз душа через край, и не всякій раз можно удержаться отлить.

Пошли письма в Россію, поскорѣе пошли.

Писавши тебѣ первое письмо, я не думала, чтоб кто третій читал его, да и Саз***) мудрено *обратить*, он никогда не предпола-

*) Письмо Энгельсона к Гервегу от 18 февраля, с вложенным в него письмом Н. А., напечатаны Лемке в комментаріи к V тому «Бытого и Дум», т. XIV, стр. 94-96.

**) Дальше приводятся возраженія жены Гервега.

***) Н. И. Сазонов. О фатальной роли С. в семейной исторіи Герценов см. «Былое и Думы» т. V (Лемке, XIII. 529-530) и письмо Герцена к женѣ из Женевы. Лемке. VI. 421.

гал сердечной стороны в наших отношеніях с А. и неблагопріятствовал мнѣ издавна, особенно потому, что не мог этого отношенья поставить в уровень со своим итальянским... Мнѣ противно, что я пишу об этом, но, может, тебѣ пригодится для об'ясненія.

Я встаю с постели только для того, чтобы одѣться и лечь в в нее опять. Море еще страшнѣе, еще ужаснѣе. Нѣт, не жить мнѣ с ним в сосѣдствѣ! Это слабость, я сержусь на себя и не могу побѣдить. Бѣгу, бѣгу из Ниццы, как только будет возможно. Да и Сашѣ нужен большой город, теперь он здоровяк такой, сердцем его и головой я тоже довольна, а характер, необходимый в жизни, никогда не *разовьется при нашем воспитаніи,* ему необходимы равные, борьба нужна. Так хоть на нѣкоторое время обществ. заведеніе придется, скрѣпя сердце... (может Брюссель).

Письмо это я начала вечером вчера и уснула с ним, а А. свое рано утром сегодня отправил, так и я-ж, хоть поздно, да отправлю сегодня-же.

Тата цѣлует тебя, она такая умница, большая выросла, кромѣ ея никто мнѣ не служит. Она бѣгает как снѣжный шарик по комнатам, живая как А., и питает к нему великую страсть.

III. ПЕРЕОЦѢНКА.

1. — Копія отрывка из письма Т. А. Астраковой к дочери А. И. Герцена, Наталіи Александровнѣ, 1874 года, 20 іюня.

...А знаешь, Тата, мнѣ очень не понравилась в твоем письмѣ фраза: «Об увлеченіях лучше ничего не говорить, чтобы поняли, до какой степени, «она оставалась *чиста и достойна своего мужа.* несмотря на» и пр.

В твоих словах свѣтится, как будто Наташа в самом дѣлѣ была виновата перед мужем, — ну, это дѣло не так! Вѣдь, ты не знала хорошо свою мать и ея жизнь, а знала отца, а потому можешь впадать в ошибки. Нѣт, — скорѣе можно спросить — достоен-ли был ея муж такой чистой, восторженной, полной любви, которую имѣла к нему жена? Сколько раз он оскорблял ее в жизни своею вѣтренностью! Сколько раз ей приходилось смотрѣть сквозь пальцы на его безпрестанныя увлеченія! Сколько раз она хвора-

ла от этого нервным разстройством и сколько раз вмѣсто раскаянія, он упрекал ее в малодушіи... За любовь-то!.. Я, вѣдь, не различаю мужчину с женщиной относительно поведенія (да и всего): что ставится в вину женщинѣ, того же я не прощу мужчинѣ, и ему менѣе простительно, нежели женщинѣ даже, — он свободнѣе в выборѣ и в жизни... Нѣт и нѣт, Наташа никогда не могла быть виновата, ее силой заставили сдѣлать ошибку, она, как горячая натура, не выдержала натиска ложнаго оскорбленія и увлеклась мщеніем... Да, мщеніем! — в этом случаѣ оно возможно и простительно. Если бы я написала ея исторію, то уж, конечно, она бы вышла у меня святая личность, а всѣ окружающіе преступники! Ну, мир им!

2. — Копія отрывка из письма Т. А. Астраковой дочери А. И. Герцена, Наталіи Александровнѣ Герцен.

1875 года, 7-го іюля. Москва, близ Дѣвичьяго поля.

Но вот что я скажу тебѣ, моя милая, дорогая Тата, я исповѣдаюсь перед тобою и думаю, что не будешь за это на меня в претензіи, дѣло вот в чем: зная матеріальное направленіе нынѣшней молодежи и слыша от князя*), что в тебѣ,—как он выражается, — мало женственности, я думаю, что тебѣ будет смѣшно читать нашу переписку, подчас очень сентиментальную (как у нас говорит молодежь), подчас романичную и пр. Да, должно быть, еслиб жива была Наташа, то теперь был бы другой уж характер нашей переписки, но все-таки непремѣнно выглядывала бы нѣжность, не по Вашему вкусу: что же дѣлать? Уж нас с нею так печь спекла. Я еще думаю, что потому, что про первыя письма, которыя я тебѣ послала, ты мнѣ ничего не сказала, — видно не нашла в них ничего интереснаго.

В этих письмах (я даже собрала и перечитала, кажется, всѣ московскія записочки) — онѣ всѣ хороши, всѣ дороги мнѣ... Ну, дѣлай с ними, что хочешь... Видно, пора пришла моя разстаться с послѣдним, дорогим воспоминаніем, — будет с меня и того, что живо еще до сих пор во мнѣ обо всѣх моих дорогих, любимых, — уж этого-то никто не отнимет у меня, и оно, это внутреннее «я» слитое с их «я», умрет со мною-же.

В московских записках ты встрѣтишь очень часто о себѣ, и

*)Кн. А. Н. Мещерскій, поклонник Н. А. в 1860-х годах.

особенно замѣчательна записка твоего отца о твоем рожденіи: получив ее, мы с братом очень смѣялись.

. . . . . .

Еще посылаю тебѣ отдѣльно от всего листки, писанные твоею матерью, только для меня, — и жаль мнѣ их было, да и хорошо-ли, что я их отдаю тебѣ. Впрочем, что же? Вѣдь, уж ты не маленькая и многое знаешь из страданій твоей матери, из этих листков ты только увидишь, как она любила всѣх вас, и как тяжело ей было и как страдала она, бѣдная. Ну, мир ей, святая страдалица! Эти листки я довѣряю только тебѣ одной и никому больше! Ты храни их как святыню или сожги... лучше, чѣм кто в них заглянет!.. Перечитавши эти листки, у меня невольно выступили слезы, и мнѣ показалось, что я вижу ее, мою милую, чистую и *никѣм* не понятую, да, — никѣм! Даже *им*, ся идолом, ея мужем... И он, и он не понимал ее вполнѣ, никогда! Слезы льются, не могу больше писать, послѣ...

Еще вот что: нѣт ли у тебя рисунка могилы Наташи? У меня есть с гроба креп, ея волосы, но я хотѣла бы видѣть ея могилу. Если нѣт снятой, то ты сама начерти мнѣ ее, вѣдь, вѣрно, ты это сумѣешь сдѣлать и сдѣлаешь для меня, неправда-ли?

3. — Копія предсмертной записки Н. А. Герцен, написанной карандашем, планъ ея записокъ автобіографіи.

1. Как в лѣсу, пойманный звѣрек. Кругом старое, дурное, холодное, мертвое, ложное. Одно существо привлекает — Саша*).

Воспитанье началось с того, что меня убѣдили в стыдѣ моего рожденья, моего существованья, вслѣдствіе этого — отчужденье от всѣх людей, недовѣрчивость к их ласкам, *отвращенье* от их участія, углубленье в самое себя, требованье *всего* от самое себя.

2. Ничего от других. Начало борьбы внутренней: *долг* любить и вѣрить благодѣтелям и *невозможность* этого. Удивленіе от противоположности слов и дѣйствій: мнѣ — грѣх ѣсть до обѣда, ей не грѣх просфорой напитаться.

Обращенье со слугами, с бѣдными людьми, ложь со знакомыми.

---

*) Горничная княгини

3. Скука в церкви и за молитвой. Свой образ религіозности, молиться на небо по ночам, а вмѣсто молитвы читать—шалить. Намѣренье убѣжать, безпрестанная грусть. Равнодушіе ко всему, клятва, данная Сашей другу другу, желаніе смерти.

Александр. Чтеніе ур. ур. *). Стыд моего невѣжества.

4. Евангелье. Боготворенье природы. Увелич. симпатіи к А. Его взятіе. Боготвореніе А. Брак по любви.

5. Женитьба Огарева, вѣра в его жену. Мы четверо — одно. Принужденіе идти замуж. 3-е Марта. — 8-е Мая. — Дѣтская жизнь — Саша. — Свиданіе с Огаревым. — Разстройство здоровья. — Неудовлетворенность жизнью. — Друзья. — Любовь к человѣчеству, сквозь все личное. — Путешествіе. — Преданность идеѣ революціи. — Свобода. — Отчаянье. — Пустота. — Усталь. — Одиночество.

---

*) Уроки урывками?

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ)

10. - 17 ОКТЯБРЯ И ЛИЧНОСТЬ ВИТТЕ. — ВИТТЕ И ЦАРЬ. — ВИТТЕ И КОНЬЮНКТУРА. — ВИТТЕ И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ. — ВИТТЕ И ДЕЛЕГАЦІЯ С'ѢЗДОВ. — МОЙ РАЗГОВОР С ВИТТЕ. — УСТУПКИ НОЯБРЬСКАГО С'ѢЗДА К.-Д.

Говоря о манифестѣ 17 октября и о его послѣдствіях, нельзя, даже в личных воспоминаніях, обойти большой фигуры Витте. У меня с ним было всего двѣ встрѣчи: одна, о которой я разскажу сейчас, и другая, очень короткая и случайная, но многозначительная, много лѣт спустя послѣ первой. Мы встрѣтились на каком - то общественном собраніи, вечером. В толпѣ, уходя, он меня замѣтил и сам подошел, поздоровался, напомнил о нашей первой встрѣчѣ и сказал всего нѣсколько слов, но которыя запомнились. «Жаль, что тогда я мало знал вас; быть может, событія пошли бы иначе». Это было бы очень лестно, если бы я не знал эгоцентризма Витте. Он всю жизнь прожил мечтой вернуться к власти и к тому историческому моменту, когда его взяли «на затычку» и выбросили «хуже прислуги»: вернуться, чтобы додѣлать то, что ему помѣшали сдѣлать, как думал он сам, или чего он не сумѣл сдѣлать, как думали другіе. Ему на склонѣ лѣт прожитое должно было представляться в видѣ варіанта пословицы: si jeunesse savait, si vieillesse pouvait...

Мнѣ кажется, я ясно понимал Витте, слѣдя за его эпопеей. Это был рѣдкій русскій самородок со всѣми достоинствами типа и с большими недостатками. Он был головой выше всей той верхушки, среди которой ему приходилось пробивать себѣ путь, чтобы дѣйствовать. А дѣйствовать — это было главное призваніе его натуры. В качествѣ самородка, он был своего рода энциклопедистом и мог браться за все, учась на дѣлѣ и презирая книжное знаніе. Обладая громадным здравым смыслом и способностью сразу отдѣлить главное от второстепеннаго, он прямо шел к цѣли, как она

ему представлялась, отбрасывая с дороги все ненужное: людей, знанія, чужіе совѣты, закулисныя интриги, коварство друзей, завистников и противников. Но он умѣл брать с собой то, что попадалось по дорогѣ. Умѣніе распознавать людей, отбирать нужных, организовать чужой труд, заставлять работать для себя, для с в о е й цѣли у него было большое, и это было необходимо, потому что и брался он за дѣла большого масштаба. По мѣрѣ удачи росла его самоувѣренность, поднимался командный тон и сопротивляемость всему постороннему. При неудачѣ он никогда не винил в ней себя, но спокойствіе его оставляло. Он становился страстен и несправедлив, чернил людей, ненавидѣл противников. Натолкнувшись на непреодолимое препятствіе, сразу падал духом, терял почву под ногами, бросался на окольные пути, готов был на недостойные поступки, но не во вред дѣлу: все или ничего — становилось его лозунгом изобрѣтателя, и, обиженный, он отходил в сторону, тщательно накопляя обвинительный матеріал для потомства, именно обвинительный, потому что в самооправданіи Витте не чувствовал надобности.

В придворной средѣ, гдѣ ему приходилось не столько дѣйствовать, сколько искать точек опоры для дѣйствія, — на Витте смотрѣли, и он сам смотрѣл на себя, как на чужака, пришельца из другой среды и при том человѣка подозрительнаго и опаснаго. С своей стороны Витте всегда смотрѣл на эту среду с плохо скрытым презрѣніем, на что она отвѣчала ему скрытой враждой и вынужденной вѣжливостью в недолгіе промежутки его фавора. При Александрѣ III этот фавор был болѣе обезпечен. Грубоватый тон и топорная рѣчь Витте подходила к психикѣ императора и как-то ему нравилась; упрощенныя об'ясненія Витте были ему доступны, а смѣлость и оригинальность финансово - экономической политики, сопровождаемой успѣхом, импонировала. С Николаем II — и особенно с его женой — дѣло пошло иначе. Твердая воля и ясная мысль Витте здѣсь сталкивались с безволіем царя и злой волей спутницы его жизни. Самая опредѣленность мнѣній и напряженность воли к немедленному дѣйствію не импонировали, а только стѣсняли вѣчно неготовую волю и мысль императора. Скрытый механизм Николаевской психики, безразличная маска лица и глаз, а за ней растущее нетерпѣніе и упорство, противополагаемыя давленію собесѣдника, и, наконец, внезапныя рѣшенія, подсказанныя из противорѣчія случайными «тайными» совѣтниками со сто-

роны и в корнѣ разрушавшія геніальныя постройки творца: такова была обычная реакція царя, потревоженнаго в состояніи неподвижности. В своих обвинительных актах для потомства Витте тщательно и документально вскрывал тайные ходы, которыми приводились в дѣйствіе царскія рѣшенія; не прочь был и сам к ним прибѣгнуть. А в своих «Воспоминаніях» он, не достигнув цѣли и отбросив всякую осторожность, уже не стѣсняясь, честил отборной бранью главнаго виновника своей неудачи.

Но в сентябрѣ - октябрѣ 1905 г. он в третій раз очутился, при совершенно исключительных обстоятельствах, перед той же обычной исторіей. Его опять звали, потому что не могли не позвать: Россія была в состояніи революціи, Витте только что закончил миром «ребяческую» и «преступную» войну с «макаками», которую, несмотря на все мое противодѣйствіе, не мог предупредить,—из-за той же царской психологіи. Его предлагали в укротители революціи; его «лѣвая» репутація дѣлала его в глазах «камарильи» экспертом по части революціонных замыслов, а недоброжелатели уже заподозрили его в намѣреніи спихнуть царя и самому сдѣлаться президентом русск. республики. Он был монополистом положенія и мог ставить свои условія. Опыт безплодной работы по манифесту 12 декабря 1904 г. и столь же безцеремонно прерванной свыше, гораздо болѣе сложной и плодотворной работы в комитетах по изслѣдованію нужд сельско - хозяйственной промышленности научили Витте быть осторожным. Он рѣшил итти ва-банк: все или ничего. Ничего — это была диктатура, невозможное по времени рѣшеніе, ибо не оказалось кандидата в диктаторы. В. к. Николай Николаевич, как извѣстно, с револьвером в руках вынудил у царя подписаніе манифеста 17 октября. «Все» — это и была «конституція»: термин в обычное время непріемлемый, но которым Витте в эти дни открыто козырял перед царем. Он однако же знал Николая и, на всякій случай, помимо шансов побѣды, на которую шел без промаха, готовил себѣ и путь отступленія. Он сдѣлает всеподданнѣйшій доклад и, с одобреніем царя, его напечатает: там будет поручено министру - премьеру, освобожденному от соперничества коллег, через «об'единенный» кабинет осуществить царскія обѣщанія. Если потом Николай раздумает — и обѣщаній, как всегда, не исполнит, — то можно будет, как прежде, вину свалить с царя на его слугу. Вопреки ожиданіям Витте, этот хитроумный план наткнулся на обычную психологію царскаго противорѣчія. При

этом оказалось, что царь хочет дать больше. Снимая с царя ответственность, Витте снимал вмѣстѣ с тѣм и з а с л у г у, выставлял себя впереди императора. Пусть уже заслуга перейдет прямо к царю: он немедленно превратит «о б ѣ щ а н і я» доклада в «ф а к т ы», сразу дав народу обѣщанное и замѣнив «доклад» временщика собственным царским «манифестом».

Я думаю, что знаю, откуда шел совѣт, потому что впослѣдствіи он был дан и мнѣ. Его дал Д. Ф. Трепов. Цѣлых пять дней длилась эта курьезная борьба между осторожностью министра и неосторожностью государя. Наконец царская воля побѣдила, но тут Витте хотѣли обойти, выкинув из манифеста главное обѣщаніе: указаніе на «законодательную» власть Думы. Это и была «конституція». Тут уже Витте окончательно уперся, — хотя не ему принадлежало это формальное обѣщаніе его проекта. Не он сам, а легко воспламеняющійся А. Д. Оболенскій выставил это всеобщее требованіе: он лучше Витте знал настроеніе момента. Итак — или ничего или все: или «диктатор» или «премьер кабинета», т. е. в сущности тоже диктатор. Так представлял себѣ, видимо, Витте собственную роль, добиваясь освобожденія от слишком хорошо извѣстных ему препон с в е р х у. О препонах с н и з у, остававшихся неизвѣстными, он, как мнѣ кажется, в это время совсѣм не думал. «Конституція» оставалась завуалированной в «докладѣ» фразой о «выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества». Конечно, при осуществленіи ея Витте заранѣе разсчитывал на содѣйствіе общественных носителей этой «идеи». Но обращеніе к ним —и их предполагаемая готовность помочь — были для него не новостью. Вѣдь и в упомянутых выше случаях он тоже обращался к общественным дѣятелям. Безполезна оказалась их помощь при осуществленіи преобразованій, намѣченных манифестом 12 декабря, а работа сельско - хозяйственных комитетов, послужившая матеріалом для одного из серьезных изданій земских конституціоналистов, оказалась даже для него опасной, ибо получила политическое значеніе. Но теперь случай был дѣйствительно исключительный: привлеченіе общественных дѣятелей в об'единенный кабинет Витте было поставлено условіем и принято высочайшей властью. Сотрудничество с «общественностью» казалось обезпеченным, а плоды сотрудничества гарантировались единством кабинета, — разумѣется, в предѣлах «доклада» Витте, в указанном там порядкѣ и в опредѣленных царским манифестом размѣ-

рах. «Программы» тут не было, ее должна была замѣнить воля премьера. И тут Витте натолкнулся на ряд неожиданностей, показавших, что он, в сущности, не зналъ, что происходило в Россіи. Обычно мѣткій прицѣл дилетанта в новой для него области — политики — на сей раз попал мимо цѣли.

Витте счел нужным в «Воспоминаніях» подробно разсказать, как он собирал справки о политических настроеніях и требованіях перед 17 октября. Его первыми совѣтниками оказались военный профессор Кузьмин - Караваев, мелкій самолюбец, ознаменовавшій себя в политикѣ интригами в Тверском земствѣ, нововременскій журналист из типа Іудушек, но одаренный большим нюхом, М. О. Меньшиков и вліятельный у прежняго царя, издатель субсидированнаго «Гражданина» реакціонер - педераст кн. Мещерскій, с которым Витте поддерживал дружескія отношенія. Всѣ трое сошлись на одном: Россія требует конституціи. Вѣрный «приказчик» самодержавнаго монарха и новоиспеченный конституціоналист, Витте пошел к указанной ему цѣли весьма обходным путем. Он пригласил в свой кабинет Д. Н. Шипова, про котораго не мог не знать, что он с ноябрьскаго с'ѣзда 1904 г. об'явил себя противником конституціи, и А. И. Гучкова, который только что рѣзко разошелся с большинством Земско - городского с'ѣзда. Но он наткнулся на честнаго человѣка, который напомнил ему, что не представляет большинства с'ѣздов, готовит с Гучковым партію меньшинства и войдет лишь в такое министерство, которое будет дѣйствительно представлять все общественное мнѣніе и получит болѣе отвѣтственный пост, чѣм предложенный ему пост государственнаго контролера: довѣріе общества вѣдь должно быть завоевано не финансовой отчетностью, а политической реформой. Гучков, вступавшій на путь политическаго авантюризма, присоединился к возраженіям Шипова по менѣе идеологическим соображеніям: от сдѣлки запахло скандалом назначенія П. Н. Дурново на роль полицейскаго коллеги в кабинетѣ. Шипов дал Витте настоящій адрес, по которому слѣдовало обратиться: бюро Земско - городских с'ѣздов, и уже намѣтил ему кандидатов на отвѣтственные посты: С. А. Муромцева в министры юстиціи; И. И. Петрункевича и кн. Г. Е. Львова в министры внутренних дѣл и земледѣлія. О первом и третьем — старом другѣ Шипова — справки были хорошія, и Витте послал телеграфный вызов в Москву, гдѣ как раз должно было в эти дни собраться бюро с'ѣздов. Тут начиналась область его невѣдѣнія.

В Москвѣ, получив телеграмму Витте, заспѣшили — с опредѣленной цѣлью — послать таких делегатов, которые не запутали бы новую политическую партію в неосторожно раскинутыя сѣти. Вмѣсто отсутствовавшаго Петрункевича попал князь Львов — представительный делегат без рѣчей и себѣ на умѣ; при нем складно говорящій идеолог партіи Кокошкин и молчаливый, но непреклонный Ф. А. Головин, будущій предсѣдатель второй Думы. Декоративнаго Муромцева обошли намѣренно, боясь не напрасно его податливости. Делегація явилась к Витте и в предварительном и освѣдомительном порядкѣ — на иное она не была уполномочена — твердо отчеканила общепринятыя тогда условія: учредительное собраніе по четырехвосткѣ с цѣлью выработки основного закона. Такого постановленія партіи не было, так как и положеніе послѣ 17 октября создалось новое, и реагировать на него партія еще не успѣла. Но ето было в духѣ партіи — начиная с конституціонной статьи в первом номерѣ «Освобожденія», с поправкой в № 13 на всеобщее избирательное право. Ничего другого партія, как таковая, сказать и не могла в ту минуту, — тѣм болѣе, что ея представители говорили с властью перед лицом всей волнующейся Россіи и заранѣе поставили условіе, чтобы их отвѣт был напечатан: он и появился в «Русских Вѣдомостях». Таким образом то, что партія считала подвохом и чего она боялась, — не удалось. Но и Витте навѣрное вздохнул свободно: таких вещей не значилось ни в докладѣ, ни в манифестѣ. Заявленія бюро развязывали ему руки: они скорѣе переходили в категорію «смуты». Шипова и Гучкова он вызвал вновь, а с земской делегаціей поспѣшил распрощаться: в лучшем случаѣ это были наивные доктринеры, а доктринерство, помимо даже ошибки расчета, претило самой натурѣ Витте. Шипов, однако, в своем окончательном письменном отказѣ, повторившем прежніе аргументы, тоже должен был быть отнесен теперь к категоріи доктринеров. Не соблазненный даже поспѣшным утвержденіем царя в должности контролера, он добился личнаго пріема у Николая и, помимо Витте, об'яснил ему причины своего отказа. Царь признал, что он «прав», но вмѣстѣ с тѣм падала и вся махинація Витте. Запас допустимых министров был исчерпан — и членов «об'единеннаго» кабинета пришлось искать поближе.

Слѣдующая мысль Витте была об использованіи прессы, как он это сдѣлал по поводу японской своей миссіи. Но и тут он на-

толкнулся на неожиданность. Только послѣ аудіенціи, данной представителям петербургских газет, узнал он, что существуют «союзы», что пресса об'единилась и уже практикует тактику безцензурнаго «явочнаго» порядка. При молчаніи всѣх остальных явившихся, говорил почти один хозяин «Биржевки» Проппер и «в развязном тонѣ», сразу возмутившем премьера, вмѣсто того, чтобы его выслушать, сдѣлал «нахальныя не то требованія, не то заявленія». «Мы вообще правительству не вѣрим», — такова была интродукція. А затѣм слѣдовали «требованія»: вывести войска из столицы и замѣнить их милиціей, отставить Трепова («мнѣ пришлось, чтобы не проявить слабости, на двѣ недѣли его оставить», — вспоминает Витте), дать всеобщую амнистію, полную свободу прессы и т. д. Витте рѣшил, что пресса сошла с ума и «деморализована» и «опереться на нее невозможно». Вся пресса была отнынѣ записана в лагерь противников. Оставался еще рессурс: либеральные профессора, с которыми Витте вообще дружил. Тут вышла случайная встрѣча с проф. Петражицким и редактором «Права». І. Гессеном, явившимися послѣ полуночи на 24-ое октября добиваться, чтобы у Технологическаго Института не повторилось кровопролитіе 9 января. Выйдя к ним в ночной рубашкѣ, Витте начал с строгаго выговора за поздній визит, послѣ чего сказал, что уже добился уступки у Трепова (он говорил с полк. Мином), что он взял отвѣтственность на себя, перелагает ее на пришедших и чуть не упал в обморок, когда они ему сказали, что сами крайнія партіи уже отмѣнили демонстрацію. Из послѣдующих разговоров Гессен правильно заключил, что Витте «поглощен злобами дня» и «совершенно не отдает себѣ отчета, что теперь центром борьбы станет вопрос о компетенціи Государственной Думы». На наивный отвѣт Витте, что это дѣло самой Думы, посѣтители об'яснили, что вѣдь «в таком случаѣ Дума превратится в Учредительное Собраніе». Тут Витте встрепенулся, «сразу как бы опомнился» (это было уже п о с л ѣ пріема делегаціи бюро с'ѣздов) «и тут же стал просить составить для него проект основных законов». Этот быстрый переход от фразы к дѣлу освѣщал дѣйствительныя намѣренія Витте, согласныя с его «докладом». 24 октября он уже провидѣл февраль и апрѣль слѣдующаго года: не знал только, что будет отстранен от хозяйскаго распоряженія «основными законами». Петражицкій и Гессен были поставлены неожиданным предложеніем в «деликатное положеніе», ибо знали настроеніе общества, неиз

вѣстное Витте, — и поспѣшили ретироваться. Было бы интересно, если бы они поймали его на словѣ в его политической импровизаціи.

В тѣ дни, когда развертывались всѣ эти событія, принимавшія характер «историческихъ», мы, конечно, не могли знать во всѣх подробностях той закулисной стороны их, которую я сжато старался изобразить на основаніи позднѣйших показаній главных дѣйствующих лиц. Но все же мы стояли достаточно близко к театру дѣйствій в обѣих столицах и были слишком многими нитями связаны со средой, в которой шла борьба, чтобы ошибаться в смыслѣ того, что происходило. Психологія главных dramatis personae была нам ясна из всѣх их предыдущих поступков, и только что случившееся не опровергало, а ярко подтверждало ту же прежнюю, знакомую нам психологію. Мы знали, что Витте не вѣрит царю, а царь не вѣрит Витте; этим об'яснялась неполнота уступок, двусмысленность обѣщаній, когда были нужны факты, — вынужденный, а потому и очевидно временный характер всей комбинаціи. Телеграмма Витте, адресованная бюро с'ѣздов, сама по себѣ доказывала его непониманіе, к кому он обращается, кто нас «рекомендовал» ему, и зачѣм мы были «нужны». Было только ясно, что когда нас спрашивают, мы не можем оказаться в нѣтях, не можем и отказаться от самих себя, выдать себя за других, а должны внести в контекст событій то самое, с чѣм вчера выступали на публичной аренѣ с'ѣздов, только что об'явивших себя политической партіей. Надо было познакомить Витте с нашими послѣдними словами, ничего не запрашивая, но и ничего не уступая: ни на то, ни на другое мы не были никѣм уполномочены. Я еще оставался в Москвѣ, когда все это само собою разумѣющееся и было рѣшено наличными членами бюро с'ѣздов. Я присутствовал в квартирѣ Ф. А. Головина, гдѣ спѣшно был намѣчен состав делегаціи, отправлявшейся в Петербург; понимал, почему состав этот не мог включить Петрункевича, обходил Муромцева, сдѣлал докладчиком Кокошкина; почему делегація отправилась немедленно, не дожидаясь с'ѣзда пленума бюро, а спѣша привезти ему послѣднюю информацію о том,чего собственно хочет Витте и чего он от нас ждет. Все это было настолько естественно, что не возбудило никаких преній в нашем малом составѣ. Делегація не везла «ультиматума» и не считала себя уполномоченной на «торговлю»; дѣло шло о первом контактѣ: обѣ стороны должны были узнать, с кѣм имѣют дѣло.

В ближайшіе дни стало извѣстно, что Витте ищет сотрудников из общественных дѣятелей в свой об'единенный кабинет и что он обращается для этого не к тѣм лицам, которыя представляют с'ѣзд, а к представителям покинувшаго с'ѣзд меньшинства. Это освѣщало его намѣренія — и не могло быть случайно. Я к этому времени уже вернулся в Петербург и принял участіе лишь в одном эпизодѣ этих поисков министров для Витте: в обсужденіи кандидатуры кн. Е. Н. Трубецкого на пост министра народнаго просвѣщенія. Трубецкой, пріѣхав в Петербург, сам обратился к кружку «Права» для обсужденія своей кандидатуры: І. В. Гессен разсказал в своих «Воспоминаніях», что в этом обсужденіи участвовал и я. Могу прибавить, что мое участіе было довольно активно. Е. Н. Трубецкому, видимо, хотѣлось принять предложеніе; участники совѣщанія высказались против. Я особенно настаивал на отказѣ, не считая этой кандидатуры достаточно отвѣтственной, чтобы представлять наше политическое теченіе в кабинетѣ, характер котораго еще не опредѣлился. Сам Витте, поговорив с Трубецким, тоже пришел к отрицательному выводу: «мнѣ нужен министр, а прислали какого то Гамлета».

Нѣсколько времени спустя — вѣроятно, это были послѣдніе дни октября или начало ноября, — когда уже послѣдовали другіе отказы и выяснилось отношеніе «общественности» (в самом широком, отнюдь не «нашем» смыслѣ) к Виттевскому «конституціонализму», я получил лично приглашеніе Витте побесѣдовать с ним — не о кандидатурѣ в министры, а о положеніи вообще — и высказать свое мнѣніе о возможном исходѣ. Не знаю, кто ему на меня указал. Состоялась бесѣда, о которой я подробно разсказал печатно уже в эмиграціи в 1921 г. и которая подверглась придирчивому разбору В. А. Маклакова, в связи с его общим взглядом на роковую роль так наз. «освободительнаго движенія» в цѣлом. Я не буду теперь возвращаться к своей полемикѣ с В. А. Маклаковым в «Современных Записках», но обойти этой бесѣды мнѣ никак не возможно. Я теперь нашел новый способ освѣжить в своей памяти содержаніе бесѣды: мой печатный разсказ о ней не через 15 лѣт, а всего полтора мѣсяца спустя послѣ того, как эта бесѣда происходила. Это — мой отчет о политическом положеніи в концѣ 1905 г., написанный по просьбѣ «Correspondance Russe» и перепечатанный в моем «Годѣ борьбы». Этот отчет для иностранца, конечно, менѣе интимен, нежели позднѣйшій разсказ для эмиграціи;

но он полнѣе и отчетливѣе передает содержаніе бесѣды. Я воспользуюсь здѣсь обоими источниками; между ними нѣт никаких противорѣчій.

Я начал с того же, с чего начал Проппер, — но с доказательством в руках. — «Почему к вам не идут общественные дѣятели? Они не идут, потому что вам не вѣрят». — Я, разумѣется, обошел л и ч н ы й вопрос, почему не вѣрят ни царю, ни Витте. — Что нужно сдѣлать, чтобы повѣрили? Мой отвѣт был: если бы я говорил с вами, как член партіи, я должен был бы повторить то, что сказал вам Кокошкин от имени делегаціи бюро с'ѣздов. Но я понимаю, что указанный им путь слишком сложен и длителен. «При современном состояніи кризиса было бы черезчур рисковано вести Россію к нормальному положенію путем троекратных выборов: 1) в неправильно избранную Думу, которая составит правильный избирательный закон, 2) в учредительное собраніе, собранное на основаніи этого закона и, наконец 3) в нормальное законодательное собраніе, на основаніи хартіи, какую даст учредительное собраніе». Я признавал, что этот путь «чреват боковыми толчками и катастрофами»; что, раз уже правительство рѣшилось дать конституцію, оно «лучше всего поступило бы, если бы прямо и открыто сказало это и немедленно октроировало хартію, достаточно либеральную, чтобы удовлетворить широкіе круги общества». Как на образец такой хартіи, я указывал гр. Витте на болгарскую конституцію или на какую - нибудь другую разновидность бельгійской, но со всеобщим избирательным правом. Впрочем, проект такой конституція уже разработан земским с'ѣздом». — В своем разсказѣ 1921 г. я нѣсколько упростил и драматизировал эту часть разговора. «Позовите кого - нибудь сегодня и велите перевести на русскій язык бельгійскую или, еще лучше, болгарскую конституцію, завтра поднесите ее царю для подписи, а послѣ-завтра опубликуйте». Вѣроятно эти «сегодня», «завтра» и «послѣ-завтра» фигурировали в разговорѣ; но, конечно, Витте понимал смысл этого риторическаго пріема. И он возражал мнѣ — довольно извилистой и противорѣчивой аргументаціей. — Во-первых, «общество уже не удовлетворится конституціей, данной сверху». Оно, конечно, и не удовлетворилось апрѣльскими «основными законами» 1906 г. Но я был уступчивѣе. — «Ну да, отвѣчал я: потому не удовлетворится, что прежде всего не вѣрит в возможность получить от бюрократіи такую либеральную конституцію». Если получит, то пошумит и ус-

покоится. — Во-вторых, — продолжал Витте, и это было еще неожиданнѣе — вообще «народ не хочет конституціи». Это уже было подозрительно, хотя и стояло в связи с тогдашними планами правительства ввести в Думу преобладаніе «народа» — в видѣ послушнаго крестьянства. Из воспоминаній Крыжановскаго мы знаем теперь, что такова была упорная мысль при составленіи всѣх законов о выборах в Гос. Думу. «Я не отвѣчал гр. Витте (пишу я в 1905 году), что этим аргументом он зачеркивает все, им сдѣланное, и заставляет подозрѣвать свои намѣренія. Я только возразил ему, что дѣло не мѣняется от того, что в своем докладѣ царю он назвал конституцію «правовым порядком» и что, если он разумѣл дѣйствительно к о н с т и т у ц і ю и если народ, в самом дѣлѣ, так привык к власти царя, то, очевидно, гораздо скорѣе народ примирится с конституціей, данной властью царя, чѣм с хартіей, какую издаст Дума, — да при том еще неправильно созванная Дума цензоваго состава». Это был неотразимый аргумент — тот же самый, который заставил царя предпочесть свой «манифест» «докладу» Витте. Но я, очевидно, не знал тогда, что Витте тут привел формальный отвод, а на дѣлѣ уже предлагал Гессену и Петражицкому составить спѣшно «основные законы»; очевидно, по его плану, уже тогда именно э т и м путем должно было пойти изданіе, наканунѣ созыва Думы, русской хартіи под этим двусмысленным названіем. Витте, конечно, не предвидѣл, что его руководящей роли при этом уже не понадобится.

Не могу вспомнить, здѣсь ли послѣдовала сцена, которую я разсказал в 1921 году. В порядкѣ разговора о необходимости пріобрѣсти довѣріе общественных дѣятелей спѣшными доказательствами серьезности намѣреній «об'единеннаго» без их участія кабинета, я высказал мысль, уже высказывавшуюся при спѣшном обсужденіи тактики на нашем учредительном с'ѣздѣ: о созданіи переходнаго «дѣлового министерства». Собственно, Витте уже вступил на этот путь, пригласив в товарищи министра земледѣлія Н. Н. Кутлера для составленія «кадетскаго» аграрнаго законопроекта. Но когда я высказал Витте эту, уже не новую и нехитрую мысль, он неожиданно преобразился: «вдруг вскочил, протянул мнѣ свою длинную руку и, потрясая мою, которую я подал ему с нѣкоторым недоумѣніем, воскликнул: «Вот, наконец, я слышу первое здравое слово. Я так и рѣшил сдѣлать».

Собственно говоря, этим эпизодом и исчерпывалось содержа-

ніе свиданія. Но оставалась одна тема, для меня самая важная, а для Витте самая скользкая. Мы ходили кругом да около, но на прощаніе я рѣшился поставить вопрос в упор. От моего стараго пріятеля, Поля Бойэ, потом бывшаго директором парижской «Школы восточных языков», тогда только что посѣтившаго Витте, я знал причину уклончивости Витте в этом главном вопросѣ: тут проявилось всегдашнее, непримиримое сопротивленіе Николая II. Об этом, годом раньше, перед ноябрьским с'ѣздом, Витте опредѣленно заявлял Петрункевичу. Но в дни перед изданіем манифеста положеніе могло перемѣниться. И я хотѣл провѣрить сообщеніе Бойэ. Я спросил: если ваши полномочія достаточны, отчего вы не произнесете это рѣшающее слово: конституція? Витте, уже успокоившійся, мнѣ лаконически и сухо отвѣтил: не могу, потому что царь этого не хочет. Я хорошо запомнил и свою заключительную фразу: «тогда безполезно нам разговаривать: я не могу подать вам никакого дѣльнаго совѣта».

В. А. Маклаков, свидѣтель моей рѣчи на кадетском банкетѣ в Литературном кружкѣ 17 октября, вспоминает, что я закончил свой «разнос» манифеста 17 октября словами: «ничто не измѣнилось; война продолжается». Я не помню слов, но не отрицаю их смысла: я выражал даже не свое, а общее впечатлѣніе. Вопреки теоретическим разсужденіям В. А. Маклакова, лозунг «конституціи» имѣл для нас совершенно опредѣленный практическій смысл — как и отказ «произнести» это слово. Ни 17 октября, ни потом оно произнесено не было, — и борьба за «конституцію» конечно должна была продолжаться не нами одними: в этом был смысл всего предыдущаго и послѣдующаго.

Непосредственно послѣ неудачи переговоров с общественными дѣятелями борьба дѣйствительно продолжалась — и на той же самой аренѣ земско - городских с'ѣздов. Правда, на очередном с'ѣздѣ, собравшемся в годовщину ноябрьскаго — 7 ноября 1905 г., — вскорѣ послѣ «конституціоннаго» манифеста и в связи с ним, — картина борьбы получилась нѣсколько иная, чѣм прежде. Недаром этот с'ѣзд оказался послѣдним: мѣсто с'ѣздов уже начали занимать политическія партіи. Наши к.-д. еще не вполнѣ это понимали, но еще менѣе понимал это и Витте. Продолжая нуждаться в общественной поддержкѣ своей политики и зная от Шипова, что создается конкурирующая с к.-д. партія октябристов, он рѣшил аппелировать от «бюро» к самому с'ѣзду. Он хотѣл, чтобы на этот

раз с'ѣзд собрался в Петербургѣ, и ожидал, что земцы пошлют на с'ѣзд болѣе консервативный состав представительства. Предполагалось вынести на с'ѣздѣ вотум довѣрія Витте и тѣм поставить с'ѣзд в опредѣленное отношеніе к правительству. Газета «Русь» даже высказала желаніе, чтобы сам с'ѣзд превратился во что - то вродѣ временнаго правительства при Витте. Это курьезно совпадало с требованіем с.-д-ков, чтобы «либералы» об'явили себя временным правительством коалиціоннаго состава, — но и показывало, до чего доходила путаница понятій в эти переходные мѣсяцы перед созывом Думы.

Ничего из всѣх этих хлопот и подсказываній не вышло. С'ѣзд 7 - 13 ноября собрался не в Петербургѣ, а в Москвѣ, подчеркнув тѣм свою прежнюю политическую независимость. Немногочисленные новые участники, в том числѣ из Петербурга, не могли поглотить прежній состав с'ѣздов, и собраніе сохранило партійный характер, хотя в правом крылѣ паническія настроенія и продолжали усиливаться. Делегаціи своего «бюро» к Витте с'ѣзд не дезавуировал, но вернул ей, как и слѣдовало, исключительно информаціонное значеніе. Однако-же, с'ѣзд принял нѣсколько рѣшеній, приспособленных к сложившемуся положенію, с очевидной цѣлью облегчить возможность сговора с властью на случай, если бы переговоры продолжались. Сюда относилось, прежде всего, рѣшеніе связать «правильное и послѣдовательное проведеніе конституціонных начал манифеста с 1) немедленным изданіем акта о п р и м ѣ н е н і и к с о з ы в у народнаго представительства всеобщей, прямой, равной и закрытой подачи голосов и 2) с формальной передачей первому собранію народных представителей у ч р е д и т е л ь н ы х ф у н к ц і й для выработки с у т в е р ж д е н і я г о с у д а р я конституціи Россійской Имперіи». Этим снималось с очереди требованіе об о т д ѣ л ь н о м созывѣ учредительнаго собранія и опровергались толки о намѣреніи партіи об'явить Россію демократической республикой; таким образом, с'ѣзд и партія отдѣляли свои стремленія от лѣвых лозунгов. С другой стороны, отмѣнялось и рѣшеніе ограничить компетенцію «перваго собранія» исключительно учредительными функціями: ему поручалось также «установленіе основных начал земельной реформы и принятіе необходимых мѣр в области рабочаго законодательства». Наконец, в «цѣлях успокоенія страны» немедленно, не дожидаясь народнаго представительства, с'ѣзд

рекомендовал правительству Витте заняться «осуществленіем в законодательных нормах (этим признавалось, что законодательная власть вовсе не упразднена в ожиданіи Думы) всѣх основных начал политической свободы», возвѣщенных манифестом, отмѣной всѣх исключительных положеній, амнистіей, отмѣной смертной казни, разслѣдованіем погромов, запятнавших дни народной радости по поводу манифеста 17 октября, смѣной старой администраціи, не проникнутой новыми началами, введеніем отвѣтственности должностных лиц в общем порядкѣ и привлеченіем, в частности, чинов администраціи и полиціи, виновных в погромах. Особая делегація с'ѣзда должна была об'яснить Витте мотивы всѣх этих предложеній. В состав делегаціи выбраны были как раз тѣ лица, которых 18 октября Шипов намѣтил в ея состав — и на министерскіе посты: Муромцев и Петрункевич, а Кокошкин лишь в качествѣ третьяго. В сущности, послѣ всѣх внесенных измѣненій, ближайшим предметом разногласія оставалось лишь примѣненіе всеобщаго избирательнаго права к выборам в Думу. А оно раздѣлялось даже правыми конкурентами к. - д.

Правое меньшинство внесло прямое предложеніе, защищавшееся М. А. Стаховичем, участником бесѣд о министерствѣ с Витте, о выраженіи с'ѣздом довѣрія Витте. Это предложеніе не было отвергнуто, но приняло, послѣ всѣх преній и рѣшеній с'ѣзда, скорѣе форму вотума недовѣрія. «Правительство может разсчитывать на поддержку земских дѣятелей» — заявлял с'ѣзд, — «только постольку, поскольку оно будет проводить конституціонныя начала манифеста правильно и послѣдовательно». Всякое же отступленіе от этих начал встрѣтит в земских и городских сферах рѣшительное противодѣйствіе». Не помогла ни частная телеграмма Витте к Петрункевичу с призывом к «патріотизму» общественных дѣятелей, ни поддержка кн. Павла Д. Долгорукова, находившаго, что «надо подать руку помощи Витте».

Я принимал на этот раз активное участіе в подготовкѣ рѣшеній с'ѣзда. Постановленія об учредительных функціях Думы, об утвержденіи конституціи государем, о планѣ работ в Госуд. Думѣ входили прямо в мою задачу — выравнить тактику партіи в соотвѣтствіи с предстоявшей ей парламентской ролью. Я мог смотрѣть, поэтому, как на своего рода успѣх, что окончательный выбор нашего собственнаго пути был замѣчен — и осужден — со стороны соціал - демократов. Делегація их комитета передала с'ѣзду по-

становленіе, в котором «единственным выходом из положенія» признавалось «низверженіе правительства посредством вооруженнаго возстанія и созыва учредительнаго собранія для установленія демократической республики». Попытка же с'ѣзда вступить в переговоры с правительством, признавалась комитетом за «постыдный шаг и сдѣлку буржуазіи с правительством за счет прав народа». Наше расхожденіе с лѣвыми здѣсь находило впервые точную формулировку в духѣ третьяго большевистскаго с'ѣзда. Но с другой стороны, у меня не могло быть сомнѣнія, что для сговора с Витте наши рѣшенія были недостаточно умѣрены и, во всяком случаѣ, запоздали. Я поэтому рѣшительно возставал против посылки депутаціи к Витте, опасаясь, что прямым отказом Витте она будет поставлена в унизительное положеніе. Вышло даже хуже: Витте просто не принял депутатов. Через совѣт министров он отвѣтил им, что правительство отказывается «сойти с пути», указаннаго манифестом, что до изданія законов теперь возможно лишь изданіе не «законов», а только «временных правил»; а на вопрос об «условіях поддержки той или другой политической партіей правительственной политики» получен был строгій окрик: правительство «в данном случаѣ озабочено лишь тѣм», чтобы само общество «давало себѣ отчет в тѣх послѣдствіях, к которым приводит его нежеланіе содѣйствовать власти в осуществленіи начал манифеста и о х р а н ѣ п о р я д к а». Это был новый тон власти.

Это не значило еще, что Витте отказывался от всякой общественной поддержки. Но он попробовал искать ее в другом мѣстѣ. Он затѣял нѣчто вродѣ контр - с'ѣзда, который бы выразил «истинное» настроеніе земств и городов и дал ему довѣріе. Органы самоуправленія получили от премьера циркулярное приглашеніе — выбрать по четыре представителя и держать их наготовѣ, на случай вызова. Газета «Русь» начинала агитацію за созыв такого с'ѣзда при Витте. И только отказ нѣскольких земств от выбора, вмѣстѣ с приближеніем срока выборов в Думу и с созданіем первой правительственной партіи 17 октября, побудили Витте отказаться от этой затѣи. В ожиданіи, «охрана порядка» и прекращеніе «смуты» выдвинулись на первый план перед «осуществленіем начал манифеста». Начиналась серьезная борьба с революціей.

П. Милюков

Черты соціальной эволюціи совѣтской деревни

В довоенной русской жизни был парадокс совершенно особаго свойства. Россія была и, несмотря на происшедшую огромную индустріализацію, все-таки осталась страной земледѣльцев. Казалось бы, в странѣ, которой благосостояніе в огромной степени зависит от земледѣлія, а расцвѣт послѣдняго от числа, характера и качества хозяйствующих суб'ектов, ея общественному сознанію никоим образом не может быть чужд тип, идеал хорошо хозяйствующаго земледѣльца, старательнаго крестьянина, «хозяйственнаго мужика». А этого и не было. Он нигдѣ не находил себѣ пріема, встрѣчал всюду идеологическую враждебность.

Ему не было мѣста в соціальной и моральной философіи православной церкви, устремлявшейся к монашескому идеалу, к неземному міру, к тѣм, кто, подобно птицам небесным, не сѣет, не жнет, не стяжает. Хозяйственный же мужик хотѣл больше сѣять, больше жать, больше собирать в закрома. К одобренію хозяйственнаго мужика была мало склонна и русская литература. Вслѣд за церковью, она клонилась гораздо больше к толстовскому «дядѣ Акиму», к Марею Достоевскаго, чѣм к старательному мужику; в нем она усматривала проекцію деревенскаго Колупаева-Разуваева. Старательный мужик, конечно, не мог найти себѣ теплаго пріема и в народнических идеологіях. Для них был дорог взгляд стараго крестьянства: земля ничья. Для них была священна уравнительность. На фонѣ «ничьей» земли они хотѣли построить «соціализацію земли», уравнительное общинное землепользованіе, идею постояннаго передѣла земли с цѣлью ровнять уклады крестьянской жизни. Хозяйственный мужик не влѣзал, а вылѣзал из этой схемы. Он на много вершков поднимался над уравнительным ранжиром. Кромѣ того, в глубинѣ души он не совсѣм вѣрил, что полезно, чтобы земля была ничьей, общей, чтобы между «моим» и «нашим» не было никакого различія. Он готов был тянуть из себя жилы, но знать, вѣрить: «То, что накоплено, — мое. Мое не ваше. Хлѣб

мой, лошадь моя, корова моя, баба — моя, тут я весь со всѣми моими потрохами: тут и радость, и горе мое».

Что касается русскаго марксизма, то он просто уже ненавидѣл старательнаго мужика, хотя словесно, в ученых книжках, признавал «прогрессивное значеніе дифференціаціи внутри крестьянства». В хозяйственном мужикѣ он видѣл предтечу, инкубатор, соціальную среду, механикой товарных отношеній порождающую кулака. А кулаки, по Ленину — «кровопійцы, вампиры, грабители народа, самые звѣрскіе, самые грубые, самые дикіе эксплуататоры». Между хозяйственным «средним» мужиком и кулаком — существенной и принципіальной разницы русскій марксизм не устанавливал. «Старательный» крестьянин-середняк — писал тот же Ленин, — это «земледѣлец, довольно *часто* прибѣгающій к найму рабочей сплы и имѣющій нѣкоторые излишки, способные превратиться в капитал». Надавить слегка на кнопку знаменитаго закона діалектики, превращенія количества в качество, и из старательнаго мужика вылетит «вампир кулак».

Специфическій колорит русских идеологій, не с вѣтра взявшихся, а глубоко коренившихся в русской жизни, замѣтно сказался в свое время на характерѣ критики законов Столыпина о выходѣ из общины и, разумѣется, с гигантской силою на всем протяженіи октябрьской и послѣоктябрьской революціи. Борьбу с кулаком и из'ятіе излишков в деревнѣ Ленин, придя к власти, очень скоро сдѣлал центральной проблемой революціи. Не только потому, что городам нужно было продовольствіе. В лицѣ кулаков он хотѣл разрушить послѣднюю, еще не разрушенную цитадель капитализма. «Бой против кулаков мы называем *послѣдним рѣшительным боем.* Смерть им». Извлеченіе у кулаков (и, конечно, у всѣх старательных крестьян) излишков хлѣба есть — «настоящій бой за соціализм, не за догму, не за программу, не за партію, не за фракцію, а за *соціализм живой,* за распредѣленіе хлѣба». Идея о таком «живом соціализмѣ» вѣками жила в странѣ. Ее раздѣляли Стенька Разин, Пугачев, Бакунин, Лев Толстой, всѣх не перечесть. Организованные в 1918 г., по замыслу Ленина, комитеты деревенской бѣдноты должны были быть инструментом этого живого соціализма. А эти комитеты, вооруженные пролетарским государством, в их борьбѣ за уравнительность, против излишков, не дѣлали никаких тонких теоретических различій между середняком, старательным мужиком, хозяйственным кре-

стьянином и кулаком. Бей всѣх; на том свѣтѣ Аллах различит правовѣрных! В нѣкоторых районах Тамбовской губерніи уравнители заставляли обитателей деревни выносить на улицу пред избами весь их скарб: ложки, плошки, ухваты, чугуны, тюфяки, валенки, посуду. На глазок опредѣлялись излишки сверх уравнительной линіи. Владѣльцев излишков, как людей, несправедливо стяжавших, как кулаков и подкулачников, ставили «к стѣнкѣ», а скарб их и скот пускали в дѣлеж. В итогѣ всяких уравнительных операцій деревня к концу 1918 г. поравнялась на самом низком уровнѣ. Исчезли и кулаки, и хозяйственные мужики. Крѣпкія, многодушныя семьи, естественно имѣвшія излишки скота, инвентаря, пашни, уцѣлѣвшія от уравнительнаго натиска, поспѣшили прибѣдниться добровольно, раздѣлиться, раздробиться на отдѣльные и хозяйственно болѣе слабые дворы.

Хотя в 1920 г. Ленин, ошарашенный итогами слишком уже «живого соціализма», хотѣл пойти дальше Столыпина и стал думать, не сдѣлать-ли «старательнаго мужика *центральной фигурой* нашей экономики», участь этого мужика и послѣ того, во время НЭПА, была до крайности жалкой. Мѣста в жизни ему не находилось. Эпигоны не спускали глаз с этой подозрительной, кишащей капиталистическими бациллами, соціальной среды. Из этого тѣста, как на дрожжах, мог, по общему признанію коммунистов, подняться кулак и «сбросить пролетарскую власть». Многіе из эпигонов (вспоминаю одну бесѣду с покойным Каменевым) никогда даже не видѣли в жизни ни одного кулака в натурѣ и деревню никогда не знали. Они судили о ней только по огороднику дачной мѣстности или по картинкам идеологической «Нивы». Это не мѣшало им больше других кричать о кулацкой опасности. Уже через нѣсколько мѣсяцев послѣ смерти Ленина, XIII-ый съѣзд компартіи, собравшись в маѣ 1924 г., погребая идею о старательном мужикѣ, как «центральной фигурѣ нашей экономики», предостерегающе указывал, что «начавшаяся ликвидація дальноземелья, массовый выход крестьян на участки и отруба, *жажда крестьян к улучшенію хозяйства* приводят к тому, что начинают поднимать голову средніе и зажиточные слои деревни». Подумайте, — какое преступленіе: у крестьян жажда к улучшенію хозяйства! Реакціонно - революціонная душа коммунизма такого факта не могла допустить. Старательнаго мужика с его жаждой увеличивать посѣвы хлѣба и стадо скота, расширять избу, обза-

водиться инвентарем, т. е. увеличивать богатство страны, нужно было хлопнуть по головѣ. Не вылѣзай, головы не подымай, держи ее вшивой, покорно склоненной к землѣ! Стилизируя коммунистическую политику этого времени, Пильняк в своей повѣсти «Красное Дерево» снял с нея злую фотографію.

— «Мужики дѣлились на пятьдесят примѣрно процентов и пятьдесят. Пятьдесят процентов мужиков вставали в три часа утра и ложились спать в одиннадцать вечера и работали у них всѣ, от мала до велика, не покладая рук. Ежели они покупали телку, они десять раз примѣривали, прежде чѣм купить; хворостинку с дороги они тащили в дом. Избы у них были исправны, как и телѣги, скотина сыта и в холѣ, как сами сыты и в трудѣ по уши... Продналоги и прочія повинности они платили государству аккуратно, власти боялись и считались — *врагами революціи*, не болѣе, не менѣе того. Другіе же проценты мужиков имѣли по избѣ, подбитой вѣтром, по тощей коровѣ и по паршивой овцѣ — больше ничего не имѣли. Весною им из города от государства давалась сѣмссуда; половину сѣмссуды они поѣдали, ибо своего хлѣба не было, другую половину разсѣивали колос к колосу, как голос от голоса. У них поэтому ничего не родилось. Они об'ясняли властям недород недостатком навоза от тощих коров и паршивых овец; государство снимало с них продналог и сѣмссуду и они считались — *друзьями революціи*. Мужики из «врагов» по поводу «друзей» утверждали, что процентов 35 друзей — пьяницы (и тут, конечно, трудно установить — нищета-ли от пьянства, пьянство-ли от нищеты), процентам 5 — не везет («авось» не только выручаетъ), а пятьдесят процентов — бездѣльники, говоруны, философы, лѣнтяи, недотепы. «Врагов» по деревням всемѣрно жали, чтобы превратить их «в друзей», а тѣм самым лишить их возможности платить продналог, избы их превращая в состояніе подбитое вѣтромъ».

Коммунисты, как им и полагается, об'явили очерк Пильняка гнусным пасквилем. Однако, он соотвѣтствовал дѣйствительности и вѣрно схватил их mentalité. Имѣть крѣпкаго, зажиточнаго, хозяйственнаго мужика, хотя бы от этого город, вся страна только бы выиграли, коммунисты принципіально не хотѣли. «Если бы мужик, этот грач, окрѣп в своем хозяйствѣ-гнѣздѣ, то нам пришлось бы с ним говорить языком пушек, каждое хозяйство довелось бы динамитом взрывать вмѣстѣ с его строителем,

а сейчас оно само рушится и мужика легче повести по тому пути, какой нужен намъ». («Бруски» Панферова). Неистребимое желаніе броситься на мужика (чрез кулака на старательнаго крестьянина), выколотить из него «кулацкую закваску», выбить из него собственность, «как пыль из тюфяка», ни на минуту не оставляло компартію весь період НЭПА. Ея психологія и идеологія не уходила далеко от тамбовских уравнителей 1918 г.

Мы имѣем на этот счет красочное свидѣтельство Сталина на 14 с'ѣздѣ партіи в 1925 г. Плетясь в это время за Рыковым и Бухариным, шедшими против теченія, повторяя вслѣд за ними, что нужно не «разжигать классовую борьбу в деревнѣ», а ее «всячески умѣрять», Сталин говорил:

«Если задать вопрос коммунистам: к чему больше готова партія, к тому, чтобы раздѣть кулака или к тому, чтобы этого не дѣлать, я думаю, что *изъ 100 коммунистов 99* скажут, что партія больше всего подготовлена к лозунгу: бей кулака! Дай только, и *мигом раздѣнут кулака!*. А вот, что касается того, чтобы не раскулачивать, а вести болѣе сложную политику, то это дѣло не так легко переваривается».

В № от 6 ноября 1938 г. «Правды», посвященном 21-лѣтію октябрьской революціи, мы могли читать, что геніальность и новизна «колоссальной исторической заслуги» т. Сталина в том, что «старую установку партіи на ограниченіе и вытѣсненіе кулачества он замѣнил установкой на ликвидацію кулачества, как класса». При сопоставленіи с только что приведенной цитатой, становится ясным, что никакой новизны у Сталина не было. Будучи не в силах переварить болѣе сложную политику, он просто развязал старое, престарое погромное желаніе бить кулака, удовлетворяя этим не только коммунистов, но в какой-то мѣрѣ и их духовных предков. Чѣм была ликвидація кулака, связанная с коллективизаціей деревни, — это достаточно извѣстно. Напомню только, что у коллективизаціи было двѣ цѣли. Одна грубо эксплуататорская: выбить из мужика каждое зернышко, сдѣлать из него, согласно теоріи Преображенскаго, плательщика дани, не оплачиваемаго кормильца и поильца «имѣющей быть» построенной соціалистической индустріи. Такая цѣль в теченіе двух пятилѣток была осуществлена с огромным успѣхом. На костях, трупах, голодѣ, униженіи крестьян дѣйствительно выросла сѣть заводов-гигантов, вооруженных по послѣднему слову американской и ев-

ропейской техники. Но была и другая цѣль — «душевная», «идеальная», к которой, как к «правдѣ - спрдаведливости», тянулась мысль и коммунистов, и всѣх соціалистических предков россійскаго коммунизма, еще до него десятилѣтіями религіозно мечтавших устроить дядю Акима в прочном уравнительном укладѣ жизни на ничьей землѣ. Коммунизм об'явил, что он достиг и этой цѣли. Земля нынѣ стала ничьей, общей, — как мы читаем в сталинской конституціи: она принадлежит всему народу. Во-вторых, и это самое существенное, коллективизація, прибавляясь к націонализаціи земли, уничтожила частную собственность на средства производства. Этим самым, по теоріи, соціалистами раздѣляемой, уничтожалась эксплуатація человѣка человѣком, гнет, нищета, *самая возможность неравенства.* Коллективизація уничтожила капиталистическія условія въ сельском хозяйствѣ. Значит, в деревнѣ нынѣ не может появиться одіозная фигура кулака, олицетворяющая собою неравенство. В коллективизированной деревнѣ не может быть разслоенія. «Коллективизація раз навсегда положила конец *разслоенію* крестьянства и закрыла путь для возрожденія кулацкаго хозяйства» (акад. Варга).

Вѣрно-ли это? На двадцатом году революціи и десятом году «ликвидаціи кулачества, как класса» обнаруживается кричащее, разительное противорѣчіе между цѣлями, словами, теоріями, торжественными заявленіями и фактами, жизнью. Сталинская дирекція не останавливалась пред расходами на то, чтобы кулака, в образѣ хозяйственаго мужика, «уволить от жизни». Послѣ долгой работы топором Сталин, наконец, заявил, что соціализм построен, и от кулака и неравенства в деревнѣ и слѣда не осталось. И вот, оказывается, «слѣд Тараса» снова отыскался. Хозяйственный мужик, с его излишками, сирѣчь, тот же кулак, то же неравенство, снова появились. Гоните природу в дверь, она влетит в окно! Но различіе обстановки, начинающей окружать воскресшаго Лазаря, бьет в глаза. Еще совсѣм недавно хозяйственный мужик представлялся «контрой», врагом пролетарскаго народа, охвостьем буржуазіи, позорным остатком, как Атлантида, исчезнувшаго міра. Сейчас «Правда» взяла почти за правило величать кулачков то почтительно, то одобрительно, по имени и отчеству. Она обнаруживает небывалое вниманіе к их жизни. Она, например, сочувственно описывает недѣлю пиршеств, которыми чествовал «Данила Дмитріевич Филоненко» из колхоза «Червонный Степ» пріѣхав-

ших к нему сыновей: старшаго — командира красной арміи и двух младших — народных учителей. «Зарѣзали кабана в 9 пудов вѣсом. На столѣ не переводились куры, мясо, яйца, молоко, варенье, наливки, фрукты, виноградное вино». В какіе тар-тарары был бы ввергнут Данила Дмитріевич, сдѣлай он такой лукулловскій пріем нѣсколько лѣт тому назад! Вампир, враг народа! А теперь Данила Дмитріевич, тѣм болѣе, что сын — командир красной арміи, ни от кого не скрывается. Играй музыка! Запасы и излишки сверх *уравнительной линіи* у Данилы Дмитріевича, очевидно, столь велики, что даже «богатый пріем *нисколько* не отразился на хозяйствѣ Филоненко; на дворѣ еще два кабанчика ходят; есть корова, полный двор птицы». («Правда», 3 сентября 1937 г.).

Запасов и излишков у «Ивана Федоровича Калиты» (фамилія знатная!) из колхоза имени Сталина в Маріупольском уѣздѣ, повидимому, еще больше, чѣм у Филоненко. Иван Федорович только за 8 мѣсяцев записал на приход: «пшеницы 220 пудов, денег 3060 рублей, сушеных фруктов — 4,5 пудов, меду 6 пуд. 20 фунт., овощей — 45 пудов, кукурузы и подсолнуха по 23 пуда, соломы и т д. Да с пріусадебнаго сада получил я за продажу фруктов 1500 рублей и около 2000 рублей от продажи молока, масла, яиц. Вѣдь корова, куры есть. Сами всего не съѣдаем». По запасам и богатству Иван Паумович Котенко (Харьковской области) не уступает ни Данилѣ Дмитріевичу, ни Ивану Федоровичу. Из колхоза «имени Косіор» (вывѣска, за ликвидаціей Косіора, теперь, очевидно, измѣнена) он авансом взял «только 140 пудов зерна». Зерна на его долю приходится столько, что некуда складывать, новый сарай еще не готов. «Вот закончу сарайчик, тогда уж все заберу». Хозяйство Ивана Наумовича во всѣх признаках подобно тѣм, что прежде подходили под ранжир зажиточно-кулацких. У Ивана Наумовича «есть корова, теленок, пара свиней, двадцать гусей, нѣсколько десятков кур, — не считал сколько их бѣгает». У него есть «восемь рамочных пчелиных ульев, садик, огород. Овощами на зиму он запасся вдоволь: и буряк, и картофель, и капуста, и огурцы, и соленія, и варенья. В молочных продуктах недостатка нѣт. Мясо? Есть *вѣдь* птица и свиньи. Сладости? Мнѣ должны были выдать с колхозной пасѣки 8 килограммов меду, да я уступил его своей родственницѣ: у меня вѣдь своя пасѣка есть». Не спѣшит Иван Наумович получить и деньги из колхоза.

На «мелочи разныя хватает и из подсобнаго хозяйства». «Всѣхъ покупок, сдѣланных в нынѣшнем году, Иван Наумович не припомнит. Пріобрѣл для дочери пальто за 200 рублей, себѣ полупубок, меньшему сыну — пиджак, старшему — велосипед, туфли, ботинки. Школьника тоже одѣл, обул, книгами снабдил; мануфактуры рублей на двѣсти пріебрѣл; купил теплый шерстяной платок для дочери, нѣсколько маленьких платочков. Дуб купил для сарая. На-днях заказал кооперації сапоги и валенки под проданный хлѣб. А там еще куплю, что хорошаго кооперація завезет». («Правда», 6 окт. 1937 г.). Словом, если послушать Ивана Наумовича, Данилу Дмитріевича, Ивана Федоровича, то — «хлѣба у насъ *(у них)* вволю, *но хочется чего то, как говорят, и для души*» (ibid). Чего хочет их душа — ни Иван Наумович, ни Иван Федорович корреспондентам «Правды» не повѣдуют, — думаю, что о том можно догадаться, даже не изучив оккультных наук.

Много-ли теперь по СССР таких Иван Наумовичей? Большевики считали, что в 1913 г. на 16 милліонов дворов было около 2 милліонов, т. е. 12% — типа зажиточно - кулацкаго. В 1928 г., хотя дворов, занимающихся сельским хозяйством, было уже 22.984.000, зажиточных дворов насчитывалось лишь 896.000, т. е. всего только 3,9%. Уменьшеніе огромное и понятное, вѣдь зажиточныя хозяйства приносились в жертву неудержимому, как рок, желанію насильственно водрузить уравнительность, пароксизм которой достиг послѣдняго мыслимаго градуса в 1929-1932 г. Сколько нынѣ хозяйств зажиточнаго типа — на этот счет не располагаю никакими цифрами, но суть сейчас *не в числѣ*, а *в обстановкѣ*, начинающей окружать болѣе или менѣе зажиточныя хозяйства. Новизна *нынѣшней соціальной ситуаціи* в том, что, в отличіе от прошлаго, пред Иванами Наумовичами открывается или, выражаясь болѣе осторожно, пріоткрывается перспектива упрочиться и умножиться по той простой причинѣ, что «уравниловка» и в городѣ, и в деревнѣ — признана «глупой и вредной лѣвацкой мелкобуржуазной выдумкой». Покорнѣйше благодарим! — может сказать на это зарождающаяся в Россіи, в новых условіях, мелкая буржуазія, хотя этим мы не хотим сказать, что исключены припадки delirium tremens уравнительности.

Будем-ли мы по этому поводу проливать, вмѣстѣ с Андрэ Жидом и К-о, крупныя, как бѣлая смородина, слезы, предаваясь горе-

стным думам о крушеніи «debordant amour des hommes», — крушеніи равенства, обуржуазиваніи Россіи? Я не буду. Экономическое равенство не достигается простым раздѣваніем кулака и хозяйственнаго мужика. Тогда пришлось бы смотрѣть на пожар, как на «величайшій революціонный акт, нивелирующій собственность*). Политическое равенство, сюфраж юниверсель, можно получить и послѣ стрѣльбы из пулеметов. Но экономическое равенство — нѣчто безконечно болѣе сложное и трудное. Оно не падает в руки, как спѣлая груша, когда хорошенько потрясут дерево за ствол. Полное экономическое равенство — далекій, пока туманный, финал долгаго историческаго, культурнаго развитія, в условіях роста производительных сил міра, непрекращающагося прогресса техники, роста производительности общественнаго труда, на фонѣ лучшей организаціи общества и постепеннаго, лучшаго распредѣленія увеличивающагося народнаго дохода. Экономическое равенство к тому же может быть лишь оріентировкой на достигнутый высшій уровень жизни. Тогда как в Россіи уравниловка вѣками мистически тянула *как раз к обратному,* к равненію на низшій уровень. На монаха, божьяго человѣка, голаго человѣка на голой землѣ, на бѣдняка, на владѣльца паршивой овцы и подбитой вѣтром избы. Присутствіе этой исторической черты в русской жизни и позволило Петру Никитычу Ткачеву свысока поучать в 1874 г. Ф. Энгельса, что русскій народ «если можно так выразиться, *коммунист по инстинкту, по традиціи»,* что он «стоит гораздо ближе к соціализму, чѣм народы Запада» и потому «осуществленіе соціальной революціи не встрѣчает в Россіи *никаких* препятствій».

Мы указали на повышенное благосостояніе Ивана Наумовича и Ивана Федоровича. Да правда-ли это? Совѣтская пресса, конечно, лжива до мозга костей, но в данном случаѣ не вижу основаній ей особенно не довѣрять. В потребительских бюджетах Иван Наумовичей ничего сверх-ординарнаго нѣт. В большинствѣ своем это только бюджеты, у иных даже сниженные, небольших кулачков довоеннаго времени и времени НЭПА. Уровень и уклад жизни таких крестьян неизмѣримо ниже средняго уровня крестьянства Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Швеціи, Голландіи, Германіи, не говоря уже о фермерах Канады или Соединенных Штатов. Признаков «догона и перегона» здѣсь не замѣчается. Но

*) Слова Герцена.

(и это уже важно) Иван Наумовичи по своему потреблению, покупкам, накопленным запасам, на цѣлую голову, если только не на нѣсколько голов, стоят выше средняго жизненнаго уровня совѣтскаго крестьянства, и средняго уровня рабочих и мелких служащих. Нельзя при том не отмѣтить, что доход нѣкоторых деревенских нуворишей достигает даже весьма почтенных цифр. Средній заработок рабочих и служащих нѣсколько выше 3000 руб. в год, а вот в «Ак-Алтын», в одном из колхозов - милліонщиков Средней Азіи, Измаил Русалев заработал в год 35.000 рубл., а бригадир Абдугани Джалилов — 42.000 руб. («Правда», 1/1 1938 г.). Считая совѣтскій рубль за довоенный пятак — это 2100 золотых рублей. Заработок уже не довоеннаго кулака, а сверхкулацкій; по исчисленію податных инспекторов и казенных палат, в 1910 г. на всю страну с 160 милліонным населеніем было тогда всего-навсего 299.200 челов. с доходом свыше 2.000 рубл. в год. Тут совѣтская дѣйствительность большущим и тяжеловѣсным молотком стукает по головѣ тѣх, кто вѣрил и по сей день проповѣдует, что организація коллективнаго хозяйства, уничтоженіе частной собственности на средства производства обладает способностью *немедленно* уничтожить неравенство, разслоеніе общества на различныя классовыя группы с различным уровнем жизни и потребленія. Появленіе Абдугани Джалилова — внушительное опроверженіе. Но вдаваться в размышленіе по этому поводу даже в хорошем интернаціональном обществѣ и по сей день не принято.

Причины неминуемаго возникновенія новаго неравенства и, несмотря на коллективную собственность, развивающагося новаго разслоенія — ясны как Божій день. Несмотря на поравненіе, двести сорок тысяч колхозов не находятся и не могут находиться в равных экономических условіях. Климатическія, географическія, геологическія «несправедливости» неисправимы. У одних колхозов земли больше, у других меньше. Качество земли различно. Урожайность различна. Посѣвныя культуры различны. Количество скота различно. Количество рабочих рук различно. Разстояніе от городов и крупных рынков сбыта различно. Энергія хозяйствующих суб'ектов различна. «Ударники» - крестьяне (вопрос воли, силы, здоровья, терпѣнья, ловкости, потребностей, самолюбія, большей интеллигентности, всяких других условій) имѣют в два-три раза больше выработанных трудодней и получают в три и

больше раз больше других матеріальных благ. Такой результат неизбѣжен послѣ того, как из колхозов изгнана «лѣвацкая» — а на самом дѣлѣ наша старорусская общинная уравниловка, предлагавшая продукцію дѣлить не по количеству и качеству вложеннаго в нее труда, а независимо от того, по «ѣдоцкому принципу» — по ѣдокам.

К неравенству жизни и разных условій 240 тысяч колхозов прибавляется, во много раз его увеличивающее, неравенство от различнаго веденія 18 милліонов огородов и пріусадебных участков, находящихся в личном пользованіи крестьян. А как ни работал топор Сталина, этот отрастающій хвост исчезнувшей крестьянской собственности он отрубить все же не смог. Мы видѣли, что у Данилы Дмитріевича Филоненко, даже послѣ того, как он скушал, вкупѣ со своими сыновьями, «9-ти пудоваго кабана», «на дворѣ еще два кабанчика ходят». А вот в других хозяйствах кабанчиков нѣт. Перепись скота в январѣ 1938 г. обнаружила, что 30% колхозных дворов ни кабана, ни свиньи не имѣет. Иван Федорович Калита получил 1500 рублей от продажи фруктов из сада. Другіе крестьяне фруктовых деревьев не имѣют. От своей коровы и кур он смог продать на 2000 рублей молока, масла, яиц. Корова Ивана Федоровича по величинѣ удоя, надо полагать, в 2½-3 раза превышает «средній удой» совѣтских коров. Иначе, не лишая себя молока, — а Иван Федорович говорит «сами всего не с'ѣдаем» — он такую выручку за молоко имѣть бы не мог. Но, вѣдь—опять ссылаюсь на перепись скота 1938 г.,—29% колхозных дворов не только коровы с «средним удоем», но вообще коровы не имѣют. (В 1927 г. по РСФСР и Украинѣ было только 19% безкоровных дворов, в Бѣлоруссіи 6%). Возможно, что через нѣсколько лѣт у всѣх будет корова, но за эти годы, тѣ, кто ее уже имѣют, будут жить зажиточнѣе и уйдут вперед. Наконец, мало еще имѣть скот, огород, пріусадебный участок. Их цѣнность зависит от качества хозяина. Хозяйственный мужик во-время отдаст замуж свою телку. У «недотепы» и «философа» она ходит безплодной, непорочной невѣстой. У хозяйственной бабы куры начинают нестись раньше и больше; она вычистила, освѣтила и отеплила курятник. У небрежной хозяйки онѣ дохнут от дезинтеріи. Хозяйственный мужик, когда поросится свинья, ночь проводит в хлѣвѣ — свинья-матка не давит у него новорожденных. Лѣнивый хозяин в это время спит, а утром видит, что из 10 новорож-

денных поросят живых осталось 4. Сельское хозяйство — не монотонная механическая работа на конвейэрѣ завода. Его веденіе въ громаднѣйшей степени зависит от ухватки, расторопности, предпріимчивости хозяйствующаго суб'екта, хотя это и противорѣчит матеріалистической теоріи тургеневскаго Базарова, по которому различій вообще нѣт у людей: всѣ одинаковы — «достаточно одного человѣческаго экземпляра, чтобы судить о всѣх других — у каждаго мозг, селезенка, сердце, легкія одинаково устроены».

Нам не нужно вдаваться в дальнѣйшія доказательства — почему появленіе в коллективизированной деревнѣ новаго «кулака» оказалось неизбѣжным и почему самый образ «кулака», преданный вѣковому позору и поношенію, оказался в концѣ коммунистическаго эксперимента, въ сущности говоря, *реабилитированным*. Когда, послѣ долгаго ношенія запыленных «идеологических» очков, удается от них избавиться, окружающее становится намного болѣе ясным. Необходимо все же отвѣтить тѣм, кто будут протестовать против наименованія Ивана Наумовича и Ивана Федоровича новыми кулаками: «Это не кулаки. Кулак жил, как паук, эксплуатаціей других. Нынѣшній же зажиточный крестьянин никого не эксплуатирует. Его зажиточность, как и городского стахановца, не от эксплуатаціи других, а от собственаго усердія, так сказать, *самоэксплуатаціи*». Возраженіе плохо стоит на ногах. Наивно представлять себѣ довоеннаго, нэповскаго и вообще всякаго кулака только каким-то пауком, питающимся кровью эксплуатируемых. Это агитка для самых темных слоев. Секрет кулацкаго уровня жизни (рекомендую перечитать неумирающій труд «Мужики» польскаго романиста Рэймонта) заключался в том, что он был результатом непрерывной, тяжелой работы, с ранняго утра до поздняго вечера, и подбиранія в хозяйство малѣйшей хворостинки, лежащей на дорогѣ. Кулак — тот-же ударник. Только без стахановскаго блеффа и без фиміама соціалистической прессы. Он начинал с труда, а «эксплуататором», присвоителем «прибавочной стоимости», становился позднѣе, когда, кое-что накопив и расширив хозяйство, убѣждался, что своими силами и силами своей семьи он с ним справиться не может. Нынѣшніе Иван-Наумовичи до этого пункта еще не дошли, но отсюда не слѣдует, что им чужда идея и практика эксплуатаціи чужой рабочей силы. В постановленіи Совѣта Народных Комиссаров от 19

апрѣля 1938 г. черным по бѣлому написано, что *«правленія колхозов затрачиеают значительныя средства деньгами и натурой на наем рабочей силы извнѣ»*. Послѣ этого излишне говорить, что на непорочном заработкѣ нынѣшних замѣстителей кулачков и кулаков нѣт ни пятнышка, ни крупинки от эксплуатаціи чужой рабочей силы. Рабочую силу нанимают (по марксизму — эксплуатируют) и плохо работающіе колхозы и, кажется еще больше, хорошо ведущіеся колхозы. Имѣя большое поле, разнообразныя культуры, они для своевременнаго сбора урожая не останавливаются пред значительным привлеченіем к себѣ на работу бѣдных сосѣдей. Экономически они поступают неоспоримо правильно, только гдѣ тогда принципіальное отличіе от прежних кулацких хозяйств? Вдобавок, какой смысл в совѣтском постоянном повтореніи, что нынѣшніе Иваны Наумовичи не эксплуатируют Петров и Спиридонов. Это только дымовая завѣса. Декларація имѣла бы смысл, если бы можно было одновременно констатировать, что, вмѣстѣ с колхозным устройством Иван-Наумовичей, исчезла вообще послѣдняя область, гдѣ имѣла мѣсто эксплоатація человѣка человѣком. Фактически-же перемѣстился лишь рычаг эксплуатаціи и там, гдѣ прежде на него нажимал кулак, нынѣ еще сильнѣе на всѣх крестьянских Иванов, Петров и Спиридонов нажимает Молох — тоталитарное государство. Кто же не знает, что сталинизированный представитель государства

Брут или Фабрицій
Мужиков под пресс кладет
Вмѣстѣ с свекловицей.

Второе указаніе. Фигура кулака, зажиточнаго мужика, была ненавистна и одіозна для русскаго общественнаго и особенно революціоннаго сознанія больше всего и прежде всего тѣм, что он, с его домом, хозяйством, запасами, одеждой, потребленіем, покупками, олицетворял собою *явное неравенство* на фонѣ *поравненной* в бѣдности *деревни*. В этом смыслѣ Иван Наумович, тѣм болѣе Джалилов с его 42 тысячным заработком, ровно ничѣм не отличается от прежняго кулака. Можно сколько угодно заниматься казуистикой на тему «почему и отчего», этим не устраняется тот факт, что на одном флангѣ стоят «колхозы - милліонщики» с большими доходами, а на другом флангѣ — колхозы, гдѣ, как в Ивановской области, выдают на трудодень канареечный паек в 0,2 килограмма зерна и 29 копеек - совѣтских денег. От этого не

исчезает тот факт, что Иван Наумович имѣет на своем столѣ мясо, масло, молоко, соленья и варенья, тогда как другіе крестьяне, милліоны рабочих, мелких служащих этого не имѣют.

«Правда» (6 ноября 1938 г.) пишет, что «за послѣднее время шампанскія вина (Абрау-Дюрсо) получили распространеніе не только в городах, но и сслах»! Не знаю, сколько сейчас стоит бутылка Абрау-Дюрсо*), однако, допускаю, что, когда к Данилѣ Дмитріевичу Филоненко пріѣзжают в гости сыновья, он, пожертвовав курицей или двумя и нѣсколькими десятками лиц, — может для дорогих гостей купить бутылку шампанскаго. У него «полный двор птицы», но у других-то куринаго, гусинаго и утинаго царства нѣт. «Стахановец - забойщик мастер угля Иван Яковлевич Новиков, выполнившій заданіе на 436% и заработавшій в мѣсяц 2474 рубля» («Правда», 6 ноября), тоже, как и Данила Дмитріевич, может доставить себѣ полное удовольствіе и раскупорить бутылку шампанскаго. Но вѣдь заработок Новикова в 8 раз превышает средній заработок рабочих тяжелой индустріи и в 12 раз средній заработок в лѣсной, пищевой, легкой индустріи, в первом кварталѣ 1938 г. соотвѣтственно равнявшіеся только 207, 213, 210 рублям. Та же «Правда» (11 ноября) сообщает, что в Ташкентѣ в магазинѣ «Ювелирторга» появились колхозники, «пріобрѣтающіе часы, золотыя серьги, кольца, разсыпной жемчуг для вышивки». Не знаю, сколько стоят пара золотых серег, но опять-таки могу допустить, что живущій *как раз в этом районѣ* колхозник Джалилов из своего дохода в 12 т. рубл. может выдѣлить тысячи двѣ, а, может, быть, и три, на золотыя серьги женѣ. Заключать отсюда, что Россія стала так богата, что деревня скупает золото и пьет шампанское, могут или стопроцентные, мягко выражаясь, слѣпцы или международные жуликоватые стрюцкіе, которые, посидѣв недѣльку в «Метрополѣ» в Москвѣ, оттуда пріѣзжают в Париж, произносят рѣчи о неслыханном благоденствіи под Сталиным совѣтскаго народа.

Если покупка шампанскаго и золотых серег в деревнѣ имѣет мѣсто, то это говорит больше всего о том, что деревня опять и ускоренно *разливается*. На новой базѣ вырастает новое и огромное неравенство. Оно ползет плѣшью по россійскому пространству вслѣд за колхозами - милліонщиками, а внутри плѣши распро-

*) Она стоит 35 рублей, как сообщают недавно пріѣхавшіе из СССР французы.

страняется в видѣ шахматной доски. Попытки запорошить, запудрить явное неравенство разными маленькими истасканными словечками могут вызвать только усмѣшку. Посмотрите в лицо цифр. Годовая заработная плата всего персонала государственнаго хозяйства была в 1937 г., как уже сказано, в среднем немногим больше 3000 рублей. У 26 милліонов рабочих и служащих заработная плата, в совокупности, составляла 82 милліарда рублей. Заработок Ивана Яковлевича Новикова среди 160 милліоннаго населенія могут имѣть вряд-ли больше, чѣм полтора процента. Заработок колхозника Джалилова, разумѣется, гораздо меньшее число. Из нынѣшняго національнаго дохода, національнаго продукта, такой заработок для всѣх выкроить физически невозможно. В національном продуктѣ для него нѣт покрытія. Чтобы всѣ служащіе и рабочіе могли приблизиться к заработку Новикова (2.471 рублей в мѣсяц), было бы нужно подлежащую им к выдачѣ заработную плату с 82 милліардов поднять до 668 милліардов рублей. А чтобы им дойти до годового заработка Джалилова (42 тысячи рублей), общую заработную плату нужно было бы повысить до 1.092 милліардов рубл. что, вѣроятно, могло бы имѣть мѣсто при условіи, что народный доход СССР увеличится минимум на 1000%. Чрез сколько десятков и десятков лѣт — эта цѣль будет, если только будет, достигнута? Слѣдовательно, пока этого не будет, останется и неизбѣжно *разовъется неравенство.* Долго сдерживаемое искусственными поравнительными операціями, оно прорывается наружу, как бы стремясь наверстать потерянное время. Квалифицированные и особо преуспѣвающіе верхи рабочих, высшая гражданская, хозяйственная, военная администрація, Иван-Наумовичи, явственно образуют уже нынѣ корпус из «знатных людей», «орденоносцев», «соли земли», как стала именовать «Правда» совѣтскую интеллигенцію. И это ядро будет расширяться и существовать в «соціалистической природѣ» рядом с десятками милліонов людей с низким и, во всяком случаѣ, с доходом неизмѣримо болѣе низким, чѣм у Джалилова. По этой причинѣ нужно перестать, как попугаи, твердить о безклассовом обществѣ, об уничтоженіи признаков экономическаго неравенства в том религіозно принятом, но совершенно непродуманном смыслѣ, какой обычно придается данной формулѣ не только в Россіи, но и в Европѣ. Политическое равенство не дает еще экономическаго равенства; но экономическаго поравненія, вопреки

заученным лозунгам, не могут принести ни «реформы структуры», ни экспропріаціи капиталистов, ни самыя широкія соціализаціи и коллективизаціи. Равенство экономическое, повторяю, — достижимо лишь на каком-то весьма от нас далеком «конечном пунктѣ» долгаго развитія общества и при очень высоком уровнѣ его производительных сил. «Конечная цѣль — ничто, движеніе же к ней — все». (Э. Бернштейн). Если-же люди, как Хохол в «Матери» Горькаго, все-таки хотят немедленно «всѣх поравнять в ряд» и ввести полное экономическое равенство, им нужно снова и снова — в Россіи в который раз! — взяться за расширенную «уравниловку» и, разрушая, дѣлая невозможным хозяйство, сажая всѣх на уравнительный паек по карточкам, ликвидировать «как класс» народившихся Новиковых, Джалиловых и т. д.

Мыслим-ли такой рецидив? Припадки уравнительности не только не исключены, а теоретически говоря, даже обязательны, пока идеологія правящаго ядра словесно все еще сидит на лозунгах, с которыми когда-то коммунизм родился и вел низы на штурм верхов: «вставай, подымайся рабочій народ», «класс против класса», «на бой кровавый» и т. д. Как раз сейчас Сталин, почва под которым шатается и колеблется, стремится изо всѣх сил оживить опавшіе листья Октября, собрав их в Коран в видѣ только что изданной и грубо фальсифицированной «Исторіи ВКП(б)». Она, однако, звучит как акафист. Штурмовые лозунги не по политическому климату страны и не по нарождающемуся климату соціальному. Они могут лишь быть предметом коминтерновскаго экспорта за-границу. В самом дѣлѣ, что может сейчас означать: вставай, подымайся рабочій народ? Против кого? Грабь награбленное! У кого? На бой кровавый! С кѣм? Слова, слова, слова! Они дѣйствуют на нервы Сталина, грозят властям предержащим и установленному строю. Такіе лозунги непріемлемы для власти ни сейчас, ни в послѣсталинское время. А это свидѣтельствуст, что коммунистическая идеологія с ея основными идеями-силами выродилась, вывѣтрилась и испепелилась, превращаясь лишь в своеобразный продукт моральнаго гніенія диктатуры. Она не ко двору. Истребленіе Сталиным старых коммунистов — оборотная сторона ускоряющагося процесса исторической ликвидаціи и самоликвидаціи коммунизма.

Густая фата из лживых слов, мертвых формул, отцвѣтших лозунгов не может скрыть трансформирующагося подлиннаго лица

страны. Глядя на него без идеологических очков, не трудно усмотрѣть, что верхи рабочих, с их очень дѣляческой или дѣловой и прозаической психологіей, не хотят никакой коммунистической уравниловки. Еще менѣе она по душѣ «соли совѣтской земли» — нынѣшней интеллигенціи, высшим служащим, бюрократіи. Абсолютно мертво требованіе Ленина в 1917 году, чтобы никто не имѣл заработка выше средней платы рабочих. Мертв и другой его принцип, чтобы государством и хозяйством на всѣх постах по очереди управляли простые рабочіе и «каждая кухарка». Не на низы, не на милліоны плохооплачиваемых рабочих и служащих, а на верхи квалифицированных рабочих, на высших служащих, на спеціалистов хочет, может, принуждена нынѣ опираться власть — сегодняшняя, как и завтрашняя. Уравниловки совсѣм не хотят Иваны Федоровичи и Иваны Наумовичи. А на них, но не на бѣднаго колхозника из подбитой вѣтром избы, хочет, может и принуждена опираться и нынѣшняя власть, и та, что смѣнит Сталина. Сквозь экран всю страну заслонившей тоталитарной диктатуры начинают проступать — не смутное, туманное поравненіе, о котором мечтали встарь, не бакунинско - толстовско - ленинская безгосударственность в условіях коллективизированной собственности, а нѣкоторыя черты государства, управляемаго приведшими на смѣну капиталистов и помѣщиков новыми соціальными слоями в лицѣ «знатных людей», верхов рабочих, соли-земли — интеллигенціи, новых администраторов, командиров арміи и зажиточных групп крестьянства. Как бы ее ни подправляли, офиціальная идеологія диктатуры вступила в тягчайшее противорѣчіе с «рѣкой жизни», с экономикой, интересами и психологіей, выпестованными в лонѣ коллективизаціи и соціализаціи, на базѣ этой экономики постепенно консолидирующимися соціальными группами. Среди послѣдних удѣльный вѣс зажиточных крестьян будет непрестанно увеличиваться и наступит момент, когда они открыто скажут, чего-же им хочется «и для души». Не слѣдует упускать из виду, что нынѣшніе замѣстители кулаков (употребляю термин отнюдь не в уничижительном смыслѣ) совсѣм не так просты, как довоенные. Корни и вѣтви от них начинают ползти во всѣ стороны. У них сыновья — командиры красной арміи, инженеры, агрономы, администраторы, учителя. И не потому сын его командир красной арміи или агроном, что у Иван Наумовича двор «полон всякой птицы», а часто как раз наоборот. На дворѣ

появляются кабанчики, корова, овцы, птица, заводится одежда, обувь, кое-какое накопленіе потому, что у Иван Наумовича сын — агроном, доктор, или командир красной арміи. Здѣсь несомнѣнно есть нѣкая соціальная взаимозависимость...

Общественное и экономическое развитіе работает на то, чтобы, послѣ устраненія Сталина или его однотипнаго преемника, опереть государственную власть на коалицію, на комплекс соціальных групп, выше очерченных, среди которых особенно будет слышен голос крестьянства. Не вижу других возможных политических комбинацій. В послѣсталинское время будет не «приход пролетаріата к власти», а именно это. И эта власть обязательно и в значительной пропорціи перестроит, передѣлает воздвигнутое тюремное зданіе тоталитарнаго соціализма, оставляя, однако, обобществленными важнѣйшія отрасли хозяйства. Власть, не имѣющая ничего общаго с принципом «господства» и власти пролетаріата, — не скрутит ли она трудовые низы, не будет ли она открыто фашистской? Странный вопрос. Как будто строй Сталина не есть фашистскій? Как будто можно скручивать низы больнѣе, тѣм сейчас? Вмѣстѣ с тѣм не подлежит сомнѣнію, что, если бы при новой власти низы захотѣли еще и еще раз повторить, соціальную поравнительную революцію, они будут раздавлены тягчайшим образом. Второго Октября в Россіи больше уже не будет, хотя временная и крайне опасная для цѣлости всего государства анархія не исключена. Впрочем, зачѣм сосредоточивать вниманіе только на такой перспективѣ? Есть и другая. Страна освобождается от міазмов коммунистическаго гніенія, начинает потихоньку выздоравливать, демократизироваться, и при новом составѣ власти, в ней, на базѣ роста народнаго дохода, совершается увѣренное, но постепенное, растянутое на многія десятилѣтія, движеніе к болѣе полному экономическому равенству не путем россійской уравниловки, экономическаго реакціоннаго поравненія *вниз,* а прогрессивнаго подтягиванія жизни всѣх слоев *вверх.* Не под этим-ли знаком, при всем различіи форм и скорости, идет соціально - экономическій процесс в передовых странах Европы и Америки?

Е. Юрьевскій

Дальневосточная трагедія

Дальневосточныя событія не перестают поражать нас своими неожиданностями и опрокидывать всѣ предсказанія и разсчеты. Неожиданным явилось сопротивленіе китайских армій, неожиданной оказалась способность Китая вести один-на-один в теченіе 18 мѣсяцев борьбу с первоклассной военно - морской державой, неожиданной является и рѣшимость его продолжать эту борьбу, несмотря на неисчислимыя жертвы людскія и матеріальныя, и — не капитулировать.

Но столь же неожиданной является упорная настойчивость Японіи, выступившей в расчетѣ на легкую побѣду без сопротивленія, втянувшейся в большую и длительную войну, и, вмѣсто того, чтобы удовольствоваться частичным успѣхом, как это было не раз в ея прошлой исторіи, продолжающей вести изнурительную борьбу.

Повидимому, причины, превратившія первоначальный «инцидент» в ожесточенную схватку цѣлых націй, слѣдует искать не на поверхности внѣшних событій, а там, гдѣ происходят процессы болѣе скрытые, но тѣм болѣе устойчивые, чѣм центр тяжести их ниже.

Еще на вашингтонской конференціи Китай разсматривался как об'ект для полу - колоніальной эксплоатаціи держав. Если конференція декларировала территоріальную и административную цѣлостность Китая, то не столько в интересах самого Китая, сколько в цѣлях устраненія соперничества держав между собою. Политическія условія вашингтонскаго договора были предпосылками, долженствовавшими обезпечить согласованный и совмѣстный экономическій контроль держав над Китаем. Новый международный консорціум, созданный на смѣну консорціума 1911 года, из котораго, с войною, вышали Германія и Россія, должен был дѣйствовать на тѣх же началах, которыя доставили державам контроль над та-

можнями, соляной монополіей и жел. дорогами Китая, с той лишь разницей, что вмѣсто раздѣла Китая на «сферы вліянія», об'ектом эксплоатаціи становился весь «недѣлимый Китай».

Но первая из неожиданностей, серія которых докатилась до нынѣшних дней, заключалась в том, что созданный державами консорціум оказался мертворожденным. Жизни его помѣшали не раздоры и соперничество участников, а совершенно новый фактор — сам Китай, мнѣніем котораго никто не интересовался и который тѣм не менѣе отказался предоставить себя в качествѣ об'екта для колоніальной эксплоатаціи. Пекинское правительство приняло политическія условія вашингтонскаго договора, но отказалось признать консорціум. И несмотря на то, что правительство это было только тѣнью, что власть его едва-ли распространялась за предѣлы древней столицы, великія державы оказались не в состояніи провести свое рѣшеніе в жизнь. Консорціум формально продолжает существовать до сих пор, но за 16 лѣт со дня его основанія ему рѣшительно ни в чем не удалось проявить свою дѣятельность.

Неудача с консорціумом явилась чрезвычайно важным симптомом. Она должна была показать участникам конференціи, что за время міровой войны и в первые послѣвоенные годы в Китаѣ произошли глубокія внутреннія перемѣны. Однако, за внѣшними неурядицами гражданской войны, эти перемѣны не могли проявить себя с достаточной убѣдительностью, и державы еще ряд лѣт послѣ конференціи могли их игнорировать. Между тѣм, перемѣны эти свидѣтельствовали о процессѣ чрезвычайной важности и значенія, имя которому — рожденіе китайскаго капитализма.

Китай переставал быть полу - колоніальной страной, в нем нарождалась самостоятельная хозяйственная дѣятельность, стремившаяся освободиться от опеки иностраннаго капитала, в первую голову капитала финансоваго. Протест против международнаго консорціума вызвал к жизни модернизацію китайских банков, быстро развившихся и усвоивших западные методы работы. Созданный ими китайскій консорціум, в противовѣс иностранному, в короткій срок вытѣснил иностранный капитал из облюбованной им сферы займов китайскому правительству, займов, служивших закрѣпленію колоніальнаго положенія Китая.

К моменту образованія нанкинскаго правительства, китайскій финансовый капитал, сыгравшій рѣшающую роль в разрывѣ Гоминдана с коммунистами, был уже крупной силой, давшей возмож-

ность правительству в теченіе десяти дальнѣйших лѣт проводить реконструкцію государственнаго хозяйства исключительно за счет внутренних рессурсов страны.

В отличіе от японскаго капитализма, насаждавшагося сверху, плановым способом, в цѣлях національной обороны, китайскій капитализм, запоздавшій на 60 лѣт, выростал органически снизу, быстро ассимилируя навыки старой культуры с современными техническими методами, заимствуемыми с иностранных концессій. Свою исключительную жизнеспособность он показал не только тѣм, что ему удалось преодолѣть трудности политическаго развала и гражданской войны, но и тѣм, что за годы войны и революціи он создал цѣлую «колоніальную имперію», на южных островах, гдѣ вырос так называемый «Заморскій Китай», сосредоточившій в своих руках всю промышленную и торговую жизнь иностранных колоній и играющій до сих пор значительную роль в экономикѣ «метрополіи».

Но самым важным было то, что стремленіе к хозяйственной независимости развивавшагося капитализма встрѣтилось с національными устремленіями китайской интеллигенціи. Впервые со времени боксерскаго возстанія націоналистическое движеніе в Китаѣ обрѣло устойчивую опору в органических потребностях хозяйственной жизни. Поддержка прогрессивной и предпріимчивой буржуазіи создала неожиданный успѣх Гоминдану, этой старой партіи интеллигентов, долгое время умѣщавшейся «на одном диванѣ». Оставшіеся же не у дѣл коммунисты получили право иронизировать, изображая гоминдановское движеніе, как «бунт компрадоров»*), как борьбу китайскаго капитализма «за самостоятельную эксплоатацію китайских масс».

Не сразу иностранныя державы разглядѣли смысл и значеніе происходивших в Китаѣ глубоких процессов. Но и разглядѣвши, не всѣ отнеслись к ним одинаково. В то время, как большинство держав, в том числѣ и Германія, вынуждены были постепенно признать неотвратимость происшедшей эволюціи, измѣнить свои методы экономической работы и перейти на путь содѣйствія развитію китайскаго капитализма, стараясь извлечь возможныя для

*) «Компрадоры» — главные приказчики иностранных предпріятій в Китаѣ, ведущіе всѣ дѣла с китайской кліентурой.

себя выгоды, — Японія, разглядѣвшая китайскую эволюцію позже других, вступила с ней в ожесточенную борьбу. В сущности, нынѣшній спор между державами и Японіей сводится к различію их отношенія к китайскому капитализму. Различіе это, разумѣется, не случайно. Оно вызывается рядом серьезных экономических и политических причин. Державы давно уже потеряли свои рынки в Китаѣ для предметов широкаго потребленія, вынужденныя уступить их Японіи. Англія до войны ввозила в Китай свыше 700 милліонов ярдов хлопчатобумажных тканей, в 1930 году эта цифра сократилась в д е с я т ь раз. Японія побивает англійскую хлопчатобумажную промышленность не только в Китаѣ, но даже в британских владѣніях. Напротив, китайская индустріализація открывает огромный рынок для металлургіи, машиностроенія и тяжелой промышленности, в которых Японія, едва способная обслуживать свои внутреннія потребности, особенно возросшія с вооруженіями, серьезным конкурренгом явиться не может. К тому же, независимый и индустріализованный Китай представляет менѣе непосредственную угрозу для держав, чѣм для Японіи, и укрѣпленіе его является для ближайшаго времени фактором скорѣе даже благопріятным, создающим противовѣс японской экспансіи.

Во всяком случаѣ, как в свое время правильно указал Хирота, китайскій вопрос — только один из вопросов колоніально-экономической политики для Европы и Америки, в то время как для Японіи он — жизненный вопрос ея дальнѣйшаго существованія и развитія. Эксплоатація китайских естественных богатств, китайское сырье и еще больше китайскій рынок, как главный потребитель дешевых японских товаров, представляют основные устои японской экономики, одновременно лишенной и собственнаго сырья и достаточнаго внутренняго рынка. И когда перед Японіей вырисовывается угроза независимаго Китая, разбуженнаго расово, политически и экономически, начавшаго создавать собственную индустрію на собственной сырьевой базѣ, при еще болѣе дешевом, чѣм в Японіи, трудѣ, индустрію, для которой имѣется необ'ятный внутренній рынок, способный уже в ближайшее время отгородить себя от японских товаров таможенной стѣной, — угроза эта является чрезвычайно значительной.

Японской агрессіи можно придавать какіе угодно идеологическіе, расовые, даже мистическіе лозунги, по существу своему

она является грандіозной попыткой насильственно задержать процесс развитія капитализма в Китаѣ, повернуть вспять экономическую эволюцію, вновь превратить Китай в полу - колоніальную страну.

Попытка эта была подготовлена всѣми прошлым развитіем японскаго «безфундаментнаго» имперіализма, в послѣдніе годы зашедшаго в тупик. Чрезвычайная слабость аграрной базы, неспособной пропитать населеніе, требует все большаго развитія промышленности, «голодный экспорт» требует новых рынков, порождает агрессію и усиленное вооруженіе. Но агрессія нарушает международное равновѣсіе и вызывает все большее вооруженіе сосѣдей.Это. в свою очередь, ведет к еще большой милитаризаціи хозяйства, к его большим затратам на непроизводительныя цѣли, в результатѣ чего — дальнѣйшее с'уженіе внутренняго рынка, дальнѣйшее ослабленіе аграрной базы. Круг почти замкнут, и необходимость вырваться из него, разбить его любой цѣной создает психологическую основу для самых отчаянных экспериментов.

Когда и чѣм этот эксперимент закончится, судить, конечно, преждевременно. Но уже в нынѣшней его фазѣ обнаруживаются такія трудности, каких еще, пожалуй, не приходилось испытывать Японіи на всем протяженіи ея исторіи. Опыт с Манчжуріей не может идти ни в какое сравненіе. Там — страна переселенцев, сама колонизація которой была вызвана иностранным строительством. Там — Японія уже десятки лѣт держала под своим контролем наиболѣе важныя отросли хозяйственной жизни, а завладѣвши кит. - вост. жел. дорогой, она без труда монополизировала всѣ «командныя высоты» манчжурской экономики. Всѣ измѣненія произошли лишь на поверхности, почти не задѣв положенія основных хозяйствующих груш, а сразу же произведенная реформа в конец подорванных финансов края могла лишь вызвать сочувствіе населенія.

Совершенно иное положеніе в Китаѣ. Здѣсь никаких «командных высот» хозяйственной жизни Японія до своего выступленія не занимала. В результатѣ 18-ти мѣсяцев военных дѣйствій, потребовавших огромных затрат и мобилизаціи полуторамилліонной арміи, ей удалось занять почти всѣ главныя желѣзнодорожныя линіи, рѣчные пути, порты, верфи, а в оккупированных городах захватить большинство фабрик и заводов (в том числѣ и принад-

лежащіе иностранцам). Это дало возможность парализовать экономическую жизнь цѣлых областей, в частности, блокировать торговую дѣятельность иностранцев. Но от этого до созданія экономики на новых началах — разстояніе еще чрезвычайно велико. Когда Японія обращается к державам с приглашеніем считаться с новым созданным ею «реальным положеніем» на Д. Востокѣ, слабость ея позиціи заключается вовсе не в том, что «новое положеніе» противорѣчит существующим договорам (об этом, вѣроятно, не трудно было бы сговориться), а в том, что никакого «новаго положенія» ей создать еще не удалось. Существующее положеніе, основанное исключительно на военной оккупаціи, по самым размѣрам своим не могущей быть длительной, никак не может быть названо устойчивым. Это сознают и тѣ «многомилліонныя» компаніи, которыя созданы Японіей для монопольнаго «развитія» сѣвернаго и центральнаго Китая и которыя дальше широковѣщательных деклараціи о своих планах не идут. Повидимому, и общаго плана до сих пор еще не выработано, т. к. вопрос о центральном «бюро по китайским дѣлам» до сих пор является предметом споров и причиной отставок министров в Токіо. Экономическая работа, ведущаяся в оккупированных зонах, сводится пока исключительно к удовлетворенію текущих потребностей арміи и находится всецѣло под военным контролем. А «дѣловые» элементы, привлеченные к этой работѣ, покамѣст принадлежат к обычному в этих случаях типу любителей легкой наживы, против наводненія которыми оккупированных зон протестуют сами японскіе торговопромышленные круги.

Отсутствіе болѣе устойчивой базы, чѣм штык, не дает возможности произвести основныя капитальныя вложенія, необходимыя для исправленія огромных разрушеній захваченнаго имущества. В результатѣ — большинство жел. дорог до сих пор бездѣйствует, равно как стоят и фабрики и заводы. Самая торговля с Японіей, для которой созданы монопольныя условія, попадает в тупик из-за невозможности разрѣшить денежную проблему. Экспорт китайскаго сырья, покупаемаго на выпущенные оккупантами бумажные (ничѣм не обезпеченные) знаки, мог бы оказаться чрезвычайно дѣйствительным средством для пониженія стоимости содержанія войск. Но для этого необходимо, чтобы крестьяне возили сырье и принимали в обмѣн на него «кукольные» банкноты. Между тѣм, огромныя производительныя области, даже

внутри оккупаціонной зоны, находятся внѣ контроля японских властей, и крестьяне, опасаясь репрессій со стороны партизан, предпочитают не продавать и даже не производить избытков сырья. Даже в городах, гдѣ японскій контроль болѣе дѣйствителен, новые банкноты не в состояніи вытѣснить денежных знаков Гоминдановскаго правительства, да это и не в интересах оккупантов. Как это ни кажется парадоксальным, японцы заинтересованы не только в свободном хожденіи гоминдановских знаков, но и в поддержаніи их курса, так как только на эти знаки, свободно обмѣниваемые на валюту, имѣет смысл продавать японскіе товары. Получается заколдованный круг, из котораго нелегко найти выход...

Совершенно очевидно, что одного механическаго завладѣнія жизненными артеріями и «командными высотами» при помощи военной силы, недостаточно для того, чтобы дѣйствительно командовать в хозяйственной жизни. Мертвый инвентарь захваченнаго имущества необходимо превратить в живые органы экономической дѣятельности. А для этого необходимо, прежде всего, сотрудничество хозяйствующих классов страны, необходима опора на них...

Созданіе «новаго положенія на Д. Востокѣ» требует, прежде всего, преодолѣнія пассивнаго сопротивленія населенія, а технику такого сопротивленія никто не постиг лучше китайцев. Задача эта требует и больших усилій, и огромных средств, но главное — времени. Между тѣм, никто не знает, сколько времени на это отпущено Японіи исторіей.

Вести военное и экономическое наступленіе против китайскаго капитализма явно невозможно под лозунгом «анти - коммунизма». Найти же другіе лозунги, способные привлечь на сторону завоевателя болѣе или менѣе широкіе слои населенія в разоренной и истекающей кровью странѣ, — нелегко.

Мы так привыкли разсматривать дальневосточные вопросы под угломъ зрѣнія взаимоотношеній бѣлой и желтой расы, что и в развитіи нынѣшняго конфликта склонны переоцѣнивать значеніе этого фактора. Между тѣм, пора понять, что вопрос о бѣлых расах давно является вопросом второстепенным и для Китая, и для Японіи. Призыв Японіи к об'единенію «азіатских рас против

бѣлой эксплоатаціи» уже потому не может встрѣтить серьезнаго отклика в Китаѣ, что бѣлыя расы уже много лѣт для него опасности не представляют. Остатки привиллегій «бѣлых» и «неравные договоры» уже давно обречены на исчезновеніе, и если бы не выступленіе Японіи в 1931 году, то, вѣроятно, процесс сдачи «бѣлыми» своих позицій был бы уже доведен до конца. Китай отлично сознает, что и экстерриторіальность, и даже концессіи, и другія преимущества «бѣлых» существуют до тѣх пор, пока он считает для себя выгодным их терпѣть, и уж, во всяком случаѣ, для их уничтоженія он не нуждается в помощи Японіи.

Для Китая — главная угроза не со стороны «бѣлых» держав, а со стороны «желтой» Японіи, как и для самой Японіи главную угрозу представляет независимый и сильный Китай.

Пора понять, что на Д. Востокѣ бѣлый имперіализм уже отошел на вторыя позиціи. Авансцену занимают новыя, порожденныя им, силы, — японскій имперіализм и китайскій капитализм.

Чѣм бы ни закончился нынѣшній конфликт, антагонизм этих сил будет окрашивать ближайшія десятилѣтія исторіи Тихаго Океана.

Л. О.

Современная воздушная угроза тылам и населенію и борьба с нею

(Окончаніе).

Химическая опасность. — Чего боялись больше всего в тревожные сентябрьскіе дни кризиса, — и в Парижѣ, и в Лондонѣ, и в Прагѣ, и, надо думать, в Берлинѣ? Боялись внезапных воздушных налетов и ...«газов». И боязнь эта не была безпочвенной. Что при грядущих воздушных нападеніях на тыловые города и их населеніе будут примѣняться, как и на фронтах, химическія средства борьбы, — т. е. О. В. (отравляющія вещества), — не подлежит никакому сомнѣнію. Послѣ разрушеній и пожарищ — это будет естественным третьим звеном в цѣпи тотолитарнаго воздушнаго террора. Означенное положеніе нужно установить, — отбросив всякіе сентименты и разсужденія о гуманности, — твердо и раз навсегда.

В прошлую войну О. В. примѣнялись исключительно на фронтѣ; глубокіе тылы воюющих не были задѣты этим злом. Милліон жизней был вырван тогда на разных участках общаго фронта и отравлен газами; из милліона — 30.000 умерло, а половина стала полукалѣками на всю жизнь.

В итало - абиссинской кампаніи, — гдѣ вся новѣйшая военная техника первокласснаго европейскаго государства была сконцентрирована и пущена в ход против почти безоружных, босоногих воинов «царя царей» и его чернокожих подданных, — из общих потерь в 50.000 чел. на газовыя аэро-ипритныя отравленія падает, примѣрно, 1/3, — около 15.000 чел., из коих — 10.000 солдат и 5.000 мирнаго населенія. Об этом можно прочесть во многих нѣмецких журналах и газетах, как-то: «Gasschutz und Luftschutz» (1936 г., кн. V), «Феькишер Беобахтер» и других. По заявленію абиссинскаго представителя в Лигѣ Націй от 12 апрѣля 1936 г. — итальянцы, за время послѣдняго своего на-

ступленія на Адисс - Абебу (період с 12-XII-35 г. по 7-IV-36 г.), произвели 19 аэрохимических нападеній. Не подлежит сомнѣнію, что итальянскій воздушно - химическій террор достиг своей цѣли. — в большой мѣрѣ способствовав паденію эфіопской столицы и приблизив столь желанный конец затянувшейся кампаніи, когда Италія, в тенетах санкцій, напрягала свои послѣдніе финансовые, экономическіе и военные рессурсы.

В текущих «малых репетиціях» войны, — в Испаніи и Китаѣ, — можно с сердечным облегченіем констатировать, что в междуусобной испанской трагедіи «газы» не примѣнялись совершенно; в Китаѣ же, который тоталитарная Японія все пытается поставить «на колѣни», химія была, повидимому, использована неоднократно, быть может, в видѣ боевого опыта лишь против войсковых китайских единиц (по заявленію китайскаго представителя в Лигѣ Націй, зарегистрировано 11 таких нападеній).

Спрашивается, — с какой цѣлью будут примѣняться О. В в грядущих европейских столкновеніях против тылов и населенія? Прежде всего — для дезорганизаціи населенія, стѣсненія всего его жизненнаго уклада, внесенія полной растерянности и паники, граничащей с прострацією, дабы добиться пониженія работоспособности (военно - оборонная промышленность), а, главное, о б о р о н о с п о с о б н о с т и — возможности защищаться и вести дальнѣйшую борьбу. Это — важнѣйшая цѣль, и она будет ставиться атакующим воздушным противником на самый первый план. Нанесеніе населенію газовых пораженій и потерь как таковых, — это цѣль второстепенная.

Нынѣ установлен самый тѣсный союз аэроплана и боевой химіи, и многогранное аэрохимическое оружіе отточено, выражаясь фигурально, до умопомрачительнаго блеска. Но о «боевых газах» и «химической опасности», как о жупелѣ нашей современности, писалось уже так много и так распространенно, что здѣсь, — отбросив многочисленные апокрифы, — можно ограничиться слѣдующим.

Какія О. В. будут примѣняться, вѣроятнѣе всего, против городов и их населенія? — Из всѣх извѣстных пока О. В. можно с увѣренностью указать на широко испытанные боевые газы великой войны: удушающіе, дѣйствующіе на дыхательные пути и легкія, — фосген и ему подобные, — бывшій «зеленый крест» германцев; раздражающіе, вызывающіе неудержимое чиханіе или

рвоту, — адамсит, дефинил-хлорарсин и т. п., — «синій крест»; и раз'ѣдающіе — нарывные, вызывающіе на кожѣ нарывы, язвы и отравляющіе мѣстность, — иприт, люисит и др., «красный крест» германцев. Первыя двѣ категоріи газов являются нестойкими, быстро - разсѣивающимися в воздухѣ (от нѣсколькихъ минут до получаса); третья категорія, — наоборот, — чрезвычайно стойкими, длительно (до нѣскольких дней, недѣль и даже мѣсяцев) задерживающимися на мѣстности газами, вѣрнѣе, отравами - жидкостями. Располагая перечисленные выше газы в порядкѣ их абсолютной боевой цѣнности, — как на полях будущих сраженій, так и при отравленіи тылов и их населенія, — нужно установить градацію: иприт - фосген - адамсит. Иприт, как был в великую войну «королем» боевых газов, — так остался таковым и доселѣ. И так как основой иприта является сѣра, то этим сильнѣйшим газом будут особенно широко располагать: С. Ш. А., Италія и Японія — страны, гдѣ имѣются самыя крупнѣйшія сѣрныя мѣсторожденія. Конкурент иприта — «роса смерти» — американскій льюисит, — еще не имѣл боевого крещенія, и полигонныя испытанія обнаружили значительные его боевые недостатки.

Итак, на первом мѣстѣ при воздушных атаках городов, надо думать, будут стойкія раз'ѣдающе - нарывныя О. В., затѣм — нестойкія, удушающія, и, наконец, как «подсобныя» к ним, — раздражающія. Эта послѣдняя категорія боевых газов наименѣе извѣстна, и о ней слѣдует сказать нѣсколько слов.

Раздражающія О. В., — арсины, основой которых является мышьяк, представляют собою, в большинствѣ случаев, твердыя химическія тѣла, которыя впрессовываются в какую-либо взрывчатую массу, напр., пороховую мякоть, и при взрывѣ образуют в воздухѣ чрезвычайно ядовитый и опасный а р с и н н ы й д ы м Мельчайшія гвердыя частицы этой мышьяковистой отравы, находящіяся во взвѣшенном состояніи в воздухѣ, имѣют свойство при достаточной концентраціи проникать сквозь поглотительную коробку противогаза (т. е. через его угольную и химическую набивку) и «проскакивать» под маску, — нестерпимо и болѣзненно раздражая, как бы царапая, носоглотку и дыхательный тракт и тѣм вызывая безостановочное, неудержимое чиханье или рвоту. Маску, — чтобы не задохнуться, — приходится срывать, и невольно усиленно вдыхать затѣм отраву в чистом, так сказать, видѣ. Задерживать арсинный дым могут только спеціальные фильт-

ры - поглотители, как, напримѣр, плотный войлок (фильц), мелко прессованная бумага, и т. п. Но эти добавочные поглотители сильно утяжеляют дыханіе, т. е. «просасываніе» воздуха в противогаз и значительно сокращают время пребыванія в нем, — что весьма нежелательно. Извѣстен чрезвычайно показательный факт, — иллюстрація к вышесказанному, — обошедшій почти всѣ газеты. 40 милліонов англійских противогазов, заготовленных для раздачи населенію, были удовлетворительны против иприта и фосгена, но при испытаніи их на арсины были немедленно забракованы, — признаны негодными и требующими самаго срочнаго и радикальнаго исправленія. Это было как раз перед сентябрьским кризисом.

Какими способами будут примѣнять фосген, арсины и иприт при воздушных тыловых атаках? Газообразный, пріятно пахнущій фосген будет заключаться в аэрохимическія бомбы средняго калибра (от 50 до 150 кил.) и, главным образом, ударнаго дѣйствія. Образующіяся фосгенныя облака, сливаясь между собою и достигая высокой концентраціи, могут при подходящей погодѣ (сырость, безвѣтріе) канализоваться современными улицами - колодцами и медленно плыть по ним, затекая и длительно застаиваясь во дворах, погребах, в тупиках, садах, парках и т. д. При вѣтрѣ же и на сравнительно продуваемых пространствах (площади, широкія авеню, водныя поверхности) — фосгенная отрава разсѣивается в воздухѣ через какія - нибудь 10-15 минут. Пирамидальные дома будущаго, проектируемые к постройкѣ строительным отдѣлом парижскаго муниципалитета, которые должны соприкасаться между собою лишь нижними частями (до высоты, примѣрно, в 25 метр.) и расходиться крышами, — будут, несомнѣнно, способствовать значительной продуваемости улиц и скорѣйшему разсѣиванію газов. Особенную же цѣнность пріобрѣтут пирамидальные дома в отношеніи уменьшенія воздушно - пожарной опасности, о которой мы подробно говорили в предыдущей книжкѣ журнала.

Раздражающіе арсины будут примѣняться, главным образом, в небольших ядовито - курящихся аэробомбах ударнаго дѣйствія; ядовитый дым их, примѣшиваясь в теченіе 5-10 минут к нормальному воздуху уже в самых минимальных концентраціях, порядка 0,001 миллигр. на 1 литр воздуха, — создает неперено-

симое состояніе и вызывает обязательное надѣваніе противогаза или укрытіе в газоубѣжищах.

Интересным является прослѣдить и аэро - работу с ипритом. Стойкій, раз'ѣдающе - нарывной иприт, — темно - бурая жидкость, пахнущая горчицей, — который может одновременно отравлять человѣка, животных и длительно заражать почву, растительность, воду, жилища, одежду, продукты питанія и т. д., — это наиболѣе цѣнное О. В. будет примѣняться двойным способом: в аэробомбах и при помощи особых аэроприборов. Бомбы для пораженія людей ипритным дождем и туманностью (мельчайшее распыленіе иприта в воздухѣ силою взрыва) являются самым опасным видом химических бомб. Онѣ бывают всегда большого калибра (100 кил. и болѣе) и дистанціоннаго дѣйствія (разрывы над поверхностью земли в 150-300 метр.). Падающія на землю крупныя и мелкія ипритныя капли покрывают дома, площади, цѣлыя улицы длительной отравой, — стѣсняющей и даже останавливающей нормальную жизнь в пораженном районѣ на много часов и дней, — вплоть до періода ея полной дегазаціи. Бомбы, предназначенныя исключительно для ипритнаго заражснія построек и мѣстности, имѣют небольшой калибр (10-50 кил.) и бывают только ударнаго дѣйствія. Каждая такая бомба дѣлает небольшую воронку, гдѣ образуется центральная ипритная лужа, а вокруг воронки — площадь ипритнаго зараженія разлетающимися каплями, радіусом в 10-15 метров. Но главную роль в будущих воздушных атаках промышленных центров и тыловых городов, нам кажется, будут играть стойкія зараженія путем непосредственнаго выливанія иприта из особых ящиков - резервуаров, подвѣшиваемых под фюзеляжем, или крыльями аэроплана. Простым нажатіем рычага - привода летчик, снизившись насколько возможно над заражаемым пунктом, открывает резервуары, и ипритный дождь падает с неба на землю; при этом в воздухѣ образуются туман и пары О. В. Ипритные резервуары бывают емкостью от 100 до нѣскольких сот литров. В среднем, один самолет может заразить с большою плотностью участок в 5-6 гектаров, и мѣстность (без дегазаціи ея) становится непроходимой на много дней, недѣль и даже мѣсяцев. Фактически, подобное ипритное зараженіе, сдѣланное глубокою осенью или зимою, с особой силой вновь возрождается весною, и ипритныя излученія из почвы порождают новыя отравленія людей. Вот ка-

кова сила и живучесть иприта. Подобныя ипритныя зараженія будут производиться в глубоких тылах, главным образом, против: желѣзнодорожных узлов, промышленных комбинатов, оборонных заводов, центральных складов и городов. Такова, в кратких словах, сущность вѣроятной химической опасности в глубоких тылах. При этом мы умышленно умалчиваем о проблематической возможности появленія при тыловых воздушных атаках новѣйших, еще неиспытанных О. В., которыя, несомнѣнно, имѣются в разных государствах, а равно и о бактеріологических пріемах веденія воздушных нападеній. Но можно с положительною увѣренностью констатировать факт возможнаго существованія и взаимодѣйствія грознаго воздушнаго союза: авіація - химія - бактеріологія.

Таким образом, перед читателем прошла картина дѣйствія трех отдѣльных главнѣйших элементов будущих воздушных атак на тыловые города: опасности разрушеній, пожарной опасности и опасности химической. Эти элементы в суммѣ, и, особенно, когда они примѣнены комбинированно (напр., — ипритный дождь по большому пожару, гдѣ происходит напряженное тушеніе; или зараженіе уже разрушенных вокзалов, мостов, электростанцій, — гдѣ идет возстановительная работа и т. д.), в неподготовленном, неорганизованном тыловом населеніи способны вызвать четвертый, чрезвычайно опасный и глубоко морально разлагающій элемент — безоглядную стадную панику. Разложеніе это и наростаніе массоваго надлома народной психики при повторных и все усиливающихся массовых воздушных налетах с непрерывно возрастающим терроpом, химическим и бактеріологическим, может пройти, в конечном счетѣ, crescendo по слѣдующим постепенным этапам: безотвязныя бомбардировки и появленіе какой - либо эпидеміи в нѣскольких тыловых центрах — массовыя заболѣванія и смертность — неминуемая паника — повальное бѣгство и разнесеніе заразы по новым центрам (районам) страны — волненія и анархія — выступленіе крайних элементов — соціальное разложеніе — требованіе прекращенія войны. На подобную «гамму» чувств и массовый пораженческій психоз населенія может расчитывать страна, рискнувшая первой, и ни перед чѣм не останавливаясь, примѣнить всѣ способы безпощаднаго варваризма и террора.

Всѣ перечисленные элементы воздушных комбинированных

атак, оставляют послѣ себя не только глубокій моральный психическій слѣд, но и слѣд матеріальный: разрушенія, дымящіяся развалины и многочисленныя потери человѣческих жизней. Над этим послѣдним явленіем нужно глубоко задуматься, ибо человѣческій матеріал нынѣ вздорожал вообще и особенно сильно — в нѣкоторых европейских странах. Добрая половина потерь падает на женщин и дѣтей. Нынѣ, как уже говорилось, воздушныя атаки в Испаніи и Китаѣ сводятся лишь к двум элементам: разрушеніям и пожарам, без примѣненія химіи и бактеріологіи. И тѣм не менѣе, вот что показывают сравнительныя циры: за всю истекшую войну на Англію было совершено 53 налета цеппелинов и 63 налета самолетов, убито — 1.450 чел. и ранено — 3.500 чел.; на Францію (Париж) 2 налета цеппелинов и 28 — самолетов, что дало 260 убитых и 580 раненых, а, в суммѣ, — 1.700 убитых и 4.000 раненых; на многострадальный Денкерк было совершено 175 нѣмецких налетов, при чем было 248 чел. убито и 613 ранено. За одну недѣлю (1-8 іюня 1938 г.) на Кантон было совершено 13 японских налетов, что дало 15.000 убитых и раненых; а за 53 налета на Барселону было убито — 2.116 чел. и ранено 5.830 (офиціальныя цифры, опубликованныя мэром). Это маленькое сравненіе показывает, насколько возросла сила современных террористических воздушных атак и во сколько раз выросли при этом размѣры людских потерь. Но если прибавить сюда потери от газов и весьма возможных эпидемій, — то сравнительный масштаб будущих людских потерь, несомнѣнно, возрастет во много раз. Отсюда ясна и повелительна необходимость неотложных и чрезвычайных мѣр массовой подготовки врачебно - санитарнаго персонала, густой сѣти медицинских пунктов, заготовленія соотвѣтствующих медикаментов, перевязочнаго матеріала и транспортных средств.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, — глубокіе тылы и населеніе должны быть готовы (и готовы в самое ближайшее время) к отраженію и борьбѣ: 1) с опасностью разрушеній, 2) с опасностью пожарной, 3) с опасностью химико-бактеріологической и, наконец, 4) к ликвидаціи массовых потерь людьми и животными. В чем же должна выражаться готовность такого, напр., большого тылового города, как любая европейская столица?

Схема такой готовности, в общих чертах, болѣе или менѣе извѣстна, конечно, всѣм. Она распадается на двѣ главных самостоятельных, но дѣйствующих в общем контактѣ, вѣтви обороны: *1) а к т и в н у ю,* подчиненную военным властям, и *2) п а с с и в н у ю,* подчиненную гражданским властям, но получающую руководящія дерективы из войскового центра. Активныя мѣры служат для разгрома и отраженія налетающаго врага и состоят: 1) из средств в о з д у ш н ы х (эскадрильи истребителей самых высоких качеств, при чем на первом планѣ должна быть предѣльная, почти рекордная скорость) и 2) из средств н а з е м н ы х (новѣйшая зенитная артиллерія, зенитные пулеметы, звукоулавливатели, прожекторы и фартуки воздушных заграждeній). Не вдаваясь в разсмотрѣніе этих (активных) средств обороны, как выходящих из рамок настоящей статьи, — слѣдует лишь указать на недостаточность и сравнительную малонадежность современных средств и способов активной обороны, что дѣлает возможной почти постоянную успѣшность при воздушных маневрах, несмотря на значительныя потери, прорывов масс противника к намѣченному об'екту и бомбардированіе его. Поэтому проблема пассивной обороны тыловых городов и их населенія пріобрѣтает нынѣ особо - острую актуальность и выдвигается на самый первый план. Нужно сказать, что проблема эта весьма сложна и многогранна, ибо сложным и многосторонним стало современное воздушное нападеніе, особенно же в тоталитарных условіях грядущей войны. Вся пассивная борьба должна быть продумана, построена и разработана до послѣдних мелочей уже сейчас, во время предгрозового затишья. Нужно помнить, что аппарат пассивной обороны не может быть импровизирован и создан в нѣсколько дней, — на это нужны: время, знаніе, упорное и, если нужно, принудительное проведеніе кропотливых подготовительных работ и деньги. Мѣры пассивной гражданской обороны должны быть проводимы не только сверху вниз, т. е. от правительственных верхов к населенію, но онѣ должны всемѣрно поддерживаться сознательными и жертвенными усиліями самих граждан и восходить, так сказать, обратными токами снизу вверх, и тогда, и только тогда, может создаться дѣйствительно единый, мощный и надежный аппарат пассивной обороны.

Главнѣйшими мѣрами такой обороны являются мѣры коллективныя, а затѣм, как необходимое дополненіе к ним, — мѣры

индивидуальныя. Коллективныя мѣры гораздо обширнѣе и сложнѣе, нежели мѣры защиты индивидуальной; онѣ покоятся на золотом, особенно цѣнном здѣсь правилѣ: «всѣ за одного, и один за всѣх». Эти мѣры должны проводиться по единому, заранѣе выработанному конкретному «плану П. В. Х. О.» (противо - воздушно - химической обороны). Такой план должен быть выработан для каждаго отдѣльнаго тылового центра, подлежащаго оборонѣ, особым Комитетом П.В.Х.О., состоящим из инженеров, химиков, врачей, представителей органов внутренних дѣл, путей сообщенія и т. д. План, составленный примѣнительно к условіям именно своего пункта, должен предусматривать оборону граждан от всѣх тѣх видов воздушнаго оружія, которыми снабжены современные голіафы - бомбовозы и с которыми читатель познакомился выше. Чѣм больше и населеннѣе данный центр страны, тѣм, естественно, сложнѣе вся его П.В.Х.О и обширнѣе план ея, достигающій своего максимума при разработкѣ всѣх оборонных мѣропріятій мозга и сердца страны, — столицы. Главное достоинство такого плана заключается в его реальности и жизненности, т. е. в полном соотвѣтствіи с тѣми возможностями и рессурсами, кои имѣются в данном центрѣ в данное время.

Для осуществленія пассивной обороны главных тыловых центров и их населенія должна быть создана особая с п е ц і а л ь н а я т ы л о в а я а р м і я П.В.Х.О г р а ж д а н. В каждом таком центрѣ должен быть свой корпус (отряд) обороны, всесторонняя организація котораго должна предусматриваться мѣстным планом П. В. Х. О. Цѣлью такой арміи и ея отрядов должна быть планомѣрно - организованная борьба с опасностью разрушеній и завалов, с пожарной и химической опасностью. Борьба эта, — хотя по названію и пассивная, — должна вестись а к т и в н о, т. е. с полным напряженіем всѣх сил и имѣющихся в распоряженіи средств, с каждым видом воздушной опасности, внезапно появляющимся во время воздушнаго налета, отдѣльно, или с комбинированным сочетаніем их. Поэтому вся тыловая гражданская армія П.В.Х.О должна быть построена по военному образцу, и строгая военная дисциплина должна сковывать ее сверху до самаго низа. Боевым оборонительным фронтом каждаго мѣстнаго отряда такой арміи будет свой город, свой район, свой домашній очаг и имущество, свои близкіе и родные, и на этом фронтѣ может и должно быть проявлено геройство

и самопожертвованіе не меньше, чѣм на боевом фронтѣ и полѣ чести.

Из кого-же будет состоять такая армія пассивной обороны? Она будет, как тыловая, состоять из тѣх граждан обоего пола, кои останутся послѣ: 1) призванных и ушедших в арміи фронта, 2) состоящих на военно - оборонном производствѣ и, наконец, 3) эвакуированных и разселенных в другіе районы страны. Такая тыловая армія будет включать в себѣ и стариков, и женщин, и подростков, — в борьбѣ с воздушным врагом каждому найдется работа по его силам и способностям. Девизом такой арміи, каждаго ея мѣстнаго отряда, должно быть: «разсредоточив и укрыв все слабое, с помощью сильных бороться с воздушной опасностью до конца». В этих немногих словах будет заключаться вся общая боевая задача тыловой арміи граждан П.В.Х.О.

Каким образом должна быть организована мѣстная П. В. Х. О. большого тылового города? Как мы уже говорили, оборона эта должна отвѣчать не только духу, но и формѣ армій фронта, т. е. должна имѣть: линіи своих передовых бойцов, их непосредственныя поддержки, частные резервы и, наконец, общій резерв. Расшифруем это положеніе хотя бы для примѣрной П.В.Х.О. Парижа.

Здѣсь, прежде всего, мы видим раздѣленіе громадной европейской столицы, — площадью до 400 кв. кил., с населеніем в 5 милл. чел., — на аррондисманы и болѣе мелкіе районы — картьэ и «островки обороны». Каждый аррондисман представляет собою в отношеніи П.В.Х.О. — как бы отдѣльный город. Всѣ средства полицейской, противопожарной, медико - санитарной, дезинфекціонной и других служб мирнаго времени; транспортныя средства; отряды технической помощи; пиротехническіе отряды; городскія массовыя газоубѣжища (метро, каменноломни и т. д.); наземные и подземные пункты медицинской помощи; госпиталя; стаціонарные обмывочные пункты — являются «общим резервом» начальника П.В.Х.О. аррондисмана. В картьэ и «островках пассивной обороны» созданы как бы «частные резервы» — летучіе отряды П.В.Х.О., санитарныя дружины, перевозочный транспорт, летучіе обмывочные пункты и т. д., — которые могут быть перебрасываемы в угрожаемые пункты аррондисмана. Но вот «передовых линій» и их «ближайших поддержек» в общей орга-

низаціи столичной пассивной обороны — мы не видим. Нѣт передовых бойцов арміи, которые должны первыми обнаруживать врага и немедленно вступать с ним в бой. Нѣт д о м о в о й о б о р о н ы, — т. е.конечных развѣтвленій и, так сказать, наблюдающих глаз и щупалец всей городской системы П.В.Х.О. Между тѣм, домовая оборона играет громадную роль, что признано и проведено в жизнь в Германіи, Италіи и Сов. Россіи. И так как в журнальной статьѣ не представляется возможным полностью охватить всю сложную современную П. В. Х. О. большого города, то все дальнѣйшее вниманіе мы сосредоточим лишь на этом сравнительно новом отвѣтвленіи городской обороны, взяв за основаніе систему, принятую в Сов. Россіи.

Домовая П.В.Х.О. может быть организована как в отдѣльном большом домѣ или жилом массивѣ, так и в различных учрежденіях, заводах, промышленных комбинатах и т. д. 3-4 малых сосѣдних дома могут имѣть один общій аппарат своей самозащиты. Аппарат этот состоит из: 1) начальника домовой обороны, 2) группы самозащиты (центральный орган всей обороны) и 3) домового резерва этой группы. Начальник домовой обороны и начальник группы самозащиты должны пройти соотвѣтствующіе курсы П.В.Х.О., дабы имѣть нужныя знанія и практическіе навыки для подготовки и твердаго авторитетнаго веденія важнаго и отвѣтственнаго дѣла домовой обороны в условіях воздушнаго налета.

Вся подготовка аппарата П.В.Х.О. ведется начальником ея, согласно разработаннаго им конкретнаго плана. На начальникѣ домовой обороны лежит: 1) забота об устройствѣ общаго домового газоубѣжища и защитных комнат, 2) организація группы домовой самозащиты, 3) заготовленіе всѣх необходимых средств для противопожарной, противохимической и санитарной обороны, 4) забота о проведеніи всѣх мѣр домовой свѣтомаскировки, 5) общая противогазовая тренировка, 6) производство учебных тревог и 7) составленіе табели домовых наблюдательных постов.

Группа домовой самозащиты состоит из ея начальника и пяти звеньев, — каждое звено из 3-4 человѣк, из коих один назначается начальником звена. Звенья эти слѣдующія: 1) для связи, 2) по охранѣ порядка и наблюденія за выполненіем свѣтомаскировки, 3) противопожарное, 4) противохимическое и 5) санитарное. Всего в группѣ — 21 человѣк. Начальник группы самозащи-

ты, прошедшій оборонные курсы, — практически подготовляет и тренирует каждое звено по своей спеціальности, давая надлежащія инструкціи и указанія на различные конкретные случаи по активной борьбѣ с главными элементами воздушной опасности. Вот эти обученные люди звеньев, — наполовину женщины, инвалиды, старики и подростки, — ставшіе по сигналу воздушной тревоги немедленно на назначенные им в домѣ и на его территоріи посты (согласно выработанной заранѣе табели), как часовые, — и будут тѣми п е р е д о в ы м и б о й ц а м и и «глазами» арміи пассивной обороны, о которых трактовалось выше.

Кто-же составит «б л и ж н і я п о д д е р ж к и» этих бойцов, — т. е. резерв группы домовой самозащиты? Это будут остальные жильцы дома обоего пола, способные носить противогаз и работать в нем, и люди, которые при угрозѣ воздушной атаки (рев сирен) укроются в данном домѣ с улицы. Домовой резерв будет вызываться начальником домовой обороны для авральной работы исключительно в тяжелыя минуты ликвидаціи того или другого большого очага пораженія во время налета и непосредственно послѣ него, — напр., для спѣшной разборки завала дома и извлеченія жертв; тушенія домового пожара; оцѣпленія зараженной ипритом территоріи и т. д. Руководить такими авральными работами будет или начальник обороны дома, или начальник группы самозащиты. Если силами дома и даже сосѣдних групп самозащиты справиться с очагом пораженія не удается и он все разростается (напр., пожар), то по телефону вызываются частные резервы — пожарныя команды и отряды «островка обороны», к которому приписан данный дом. Общій резерв может быть тронут только в крайних случаях, по распоряженію начальника всей П.В.Х.О. даннаго района (аррондисмана). В такой послѣдовательности должны быть использованы при вражеском налетѣ силы П.В.Х.О. большого тылового города.

Интересным является вкратцѣ прослѣдить работу звеньев группы домовой самозащиты при нападеніи воздушнаго противника. Общая картина будет, примѣрно, такова.

Страна напряженно переживает новый, предѣльно - обостренный «сентябрьскій» кризис. Уже об'явлена частичная мобилизація. Из столицы и главных тыловых центров эвакуированы излишніе элементы обывателей. Оставшіеся готовятся к первому, самому страшному по своей неизвѣстности внезапному воздуш-

ному налету врага. Приведен в готовность весь аппарат П.В.Х.О. Наблюдатели «за небом» и день и ночь дежурят на постах по всей территоріи страны, ибо неизвѣстно, откуда появится воздушная угроза. И вот в один непрекрасный вечер мрак надвинувшейся темноты раздирается ревом тревожных сирен... Их наростающій зловѣщій металлическій крик возвѣщает грозную опасность, надвигающуюся со скоростью 6-7 кил. в минуту... В распоряженіи всей активной и пассивной обороны города всего лишь 10-15 минут. В эти неудержимо бѣгущія и незримо тающія во мракѣ минуты должен быть автоматически приведен в движеніе весь сложный аппарат городской пассивной обороны. Каждый отряд и каждый боец тыловой арміи должен быть во всеоружіи, на своей позиціи, на своем посту. Всѣ обще - городскія, участковыя и домовыя организаціи П.В.Х.О. немедленно занимают заранѣе назначенные им сборные, медицинскіе и прочіе пункты и наблюдательные посты. На домовых постах подготовляются к дѣйствію всѣ заблаговременно заготовленныя противопожарныя, противохимическія и санитарныя средства; в домовыя газоубѣжища и защитныя комнаты переходят приписанные к ним больные, дѣти, старики; принимаются мѣры полной маскировки свѣта, которыя повѣряются бойцами звена свѣтомаскировки. Минуты бѣгут, и каждая неиспользованная всѣми, повсюду и до предѣла минута уменьшает шансы обороны и грозит населенію весьма серьезными послѣдствіями.

Но вот самолеты противника над городом... С немолчным грохотом и отблесками разрывов зенитных орудій сливаются первые разрывы вражеских аэробомб. Наблюдательные посты и звенья домовой охраны напрягают все свое вниманіе. Оглушающій удар по крышѣ, и на полу чердака, покрытаго слоем песка, пылает расплавленная масса, — свѣтло - голубое пламя, бѣлый дым... Электронная бомба. Песок не даст возможности прожечь настил и потолочныя перекрытія. Женщина - часовой, какая-нибудь домашняя хозяйка, бросается к ящику с заготовленным песком и, не приближаясь к страшному раскаленному очагу, начинает изо всѣх сил забрасывать его полными лопатами песка. На помощь ей бѣгут люди группы самозащиты. Со всѣх сторон летят мѣшочки с песком, и через нѣсколько минут очаг огня потушен — опасность домового пожара миновала. Минут через десять послѣ затуханія расплавленной массы, песок должно осто-

рожно разгрести и тлѣющія мѣста деревянной настилки и окружающих предметов полить водой. Затѣм бойцы пожарнаго звена в теченіе нѣскольких часов, время от времени, будут производить осмотр этого мѣста из цѣлей предосторожности. Таким образом, от бдительности, умѣнія и энергіи какой-либо «домработницы» или инвалида, стоявших на чердачном посту, может зависѣть судьба цѣлаго дома, а, возможно, и нѣскольких сосѣдних обитаемых домов. Начало, источник любого чердачнаго пожара, — момент паденія самой бомбы, — ускользает от взоров и вниманія «островков обороны», сколь они ни многочисленны, и роль столь, казалось бы, незначительных пожарных постов домовой обороны выступает на самый первый план, ибо: «упустишь огонь — не потушишь». Роль и значеніе песка, как первѣйшаго и самаго цѣннаго матеріала при тушеніи зажигательных аэробомб, становится вполнѣ ясной.

В глубоком дворѣ - колодцѣ дома разрывается бомба, образующая большое, плотное, все расширяющееся сѣроватое облако. К мѣсту паденія быстро подходит стоявшій на дворовом посту боец химическаго звена. Осторожно втягивает воздух. Рѣзкій приторно - сладковатый запах прѣлаго сѣна... Фосген. Боец надѣвает маску и немедленно начинает учащенно бить в заранѣе подвѣшенный лист желѣза, подавая тѣм установленный и извѣстный всѣм жильцам сигнал химической тревоги. Через бойца звено связи передает о паденіи химической бомбы начальнику домовой обороны. Всѣ лица, имѣющія противогазы, немедленно надѣвают их. Двери в домовое газоубѣжище и защитных комнатах тщательно закрываются и завѣшиваются мокрыми одѣялами, плотными занавѣсями или спеціально - заготовленными (промасленными) полотнищами. Если имѣется, пускается в ход фильтровентиляціонная установка. Принимаются усиленныя мѣры к поддержанію полнаго порядка и недопущенію паники. По разсѣиваніи облака и исчезновеніи подозрительнаго запаха, для полнаго очищенія воздуха, на дворѣ разводится костер; в погребах, подвалах, коридорах и других низко - расположенных помѣщеніях производится усиленная вентиляція и устраиваются сквозняки. Начальник обороны дома разрѣшает населенію дома снять маски и открыть газоубѣжище и защитныя комнаты лишь тогда, когда минует всякая опасность. Так, благодаря бдительности и своевременной распорядительности химическаго поста домовой обо-

роны, будет избѣгнуто возможное отравленіе жильцов дома весьма сильным и опасным, удушающим газом — фосгеном. Спрашивается: могут-ли увидѣть подобные разрывы и химическія облака и «затеканіе» их, или падающій ипритный дождь в аналогичных «каменных мѣшках» города наблюдатели «островков обороны»? При всем, самом искреннем желаніи, это физически невозможно.

На улицѣ, возлѣ самаго дома, падает большая аэробомба. Это замѣтил боец связного звена. Он бѣжит извѣстить об этом начальника группы самозащиты. Послѣдній осторожно, не прикасаясь к бомбѣ, осматривает ее. Возможно, что это бомба - мина с спеціально замедленным фугасно - осколочным дѣйствіем. Малѣйшій толчек или сотрясеніе может повлечь взрыв мины. Разрыив-же ея так близко от дома и удар взрывной волны могут вот-вот разрушить дом и вызвать опаснѣйшій завал с человѣческими жертвами. Необходимо сейчас же выставить оцѣпленіе: спокойно и планомѣрно вывести все населеніе дома и укрыть на территоріи сосѣдних домов. Нужно настойчиво телефонировать в управленіе своего «островка», чтобы оттуда немедленно прибыли чины участковаго пиротехническаго отряда и безболѣзненно ликвидировали возможно - близкую фугасно - разрушительную опасность. Время не ждет; нужно, не теряя ни минуты, привести все это в исполненіе. Серьезная угроза разрушенія всѣм сказанным может быть предотвращена, и главным дѣйствующим лицом в предотвращеніи подобнаго бѣдствія является маленькій незамѣтный боец звена связи домовой обороны, во-время замѣтившій паденіе этой воздушной бомбы - мины...

Нам кажется, что приведенных примѣров достаточно, чтобы для читателя стала ясна и понятна необходимость и важность аппарата домовой самозащиты, как передовых часовых и бойцов всей тыловой арміи П.В.Х.О. Нужно твердо усвоить новое положеніе, что основной ячейкой и, так сказать ,«молекулой» всей пассивной обороны является самозащита и активная оборона отдѣльнаго дома.

Таковы, в общих чертах, картина предстоящей воздушной опасности тылам и населенію больших городов и схема устройства тыловой арміи граждан по борьбѣ с различными элементами этой опасности.

Полк. **Н. Иванов**

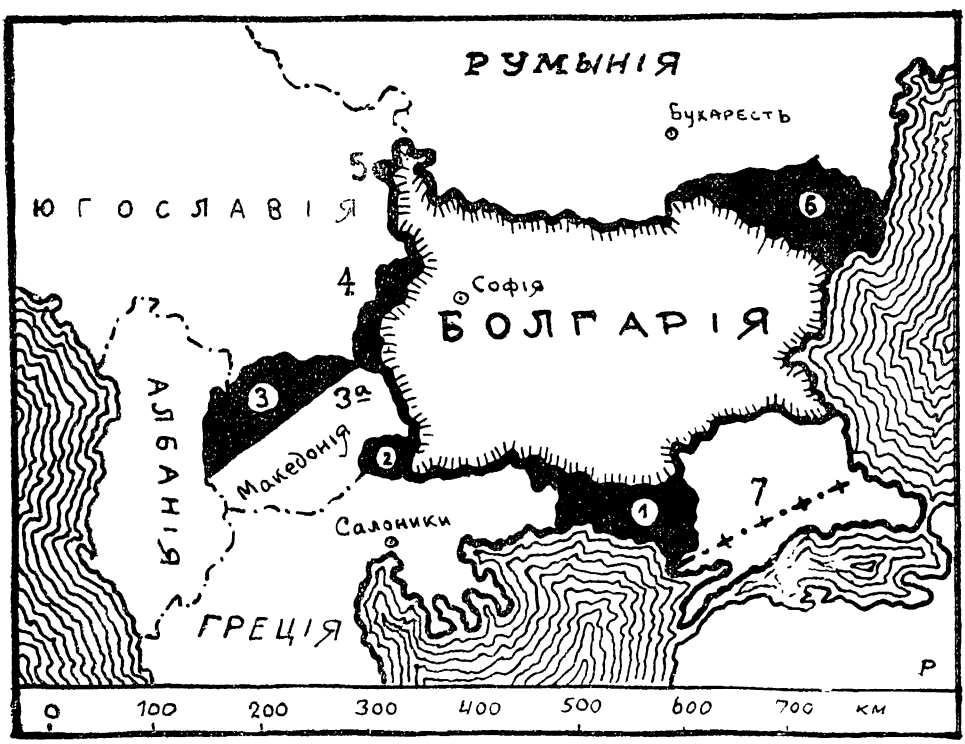
БАЛКАНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Послѣ того, как обрушились два существенных устоя новой Европы — Австрія и Чехословакія — и по сосѣдним стѣнам пошли глубокія трещины, возникло естественное желаніе провѣрить и закрѣпить и другія, недостаточно прочныя части зданія. Этим надо, очевидно, об'яснить нѣкоторый интерес, проявленный на западѣ за послѣдніе мѣсяцы к балканским вопросам. Интерес этот, пока что, довольно поверхностен и мало активен; но раз поставленныя задачи вряд-ли смогут быть просто сняты с очереди: слишком явна необходимость консолидаціи Балкан в теперешнее тревожное время.

Столѣтній процесс распаденія Оттоманской имперіи в первой своей стадіи привел к образованію, по окраинам Балканскаго полуострова, государств-очагов, нац. плацдармов, смыслом существованія которых была подготовка грядущаго расширенія и племенного об'единенія. Естественно, что каждая національная идеологія вдохновлялась воспоминаніями о моментах наибольшаго могущества в прошлом, соотвѣтственно распространяя виды на будущее. Общность экономической жизни и свобода передвиженія под властью султанов привела к языковой черезполосицѣ, которая позволяла подкрѣплять государственно - идеологическія мечты этнографическими аргументами. Так образовывались нагромождения безвыходных противорѣчій.

Правда, теперь цѣлый ряд претензій скинут со счетов. Затихли сербо - румынскія распри в Банатѣ: с исчезновеніем Черногоріи, нѣт больше опасной двойственности в сербском племени; нѣт спора о границах между Югославіей и Грецієй; изжиты византійскіе мечты, и даже многовѣковая греко - турецкая вражда закончилась послѣ смирненской катастрофы искусственным переселеніем соотвѣтственных народностей.

В результатѣ Балканы получили конфигурацію, очень легко



Территоріи, утраченныя Болгаріей по мирному договору 1919 года: западная Фракія, отошедшая к Греціи (1), и «западныя окраины», отошедшія к Югославіи, Македонія (3-а, 2, 4, 5). — **Территоріи, утраченныя Болгаріей по мирному договору 1913 года:** южная Добруджа, отошедшая к Румыніи (6). — **Спорная зона в Македоніи** (3): по сербо - болгарскому договору 1912 г. вся Македонія к юго-востоку (3-а) от этой зоны должна была «безспорно» отойти к Болгаріи, так же как и части Македоніи до Салоник, отошедшія к Греціи. — **Линія Мидія - Энос** (7); болгаро - турецкая граница по лондонскому мирному договору 1913 года, оставшаяся неосуществленной вслѣдствіе возникновенія второй Балканской войны.

поддающуюся схематическому изображенію: в центрѣ Болгарія, и по четыре стороны: Румынія, Югославія, Греція, Турція. Между четырьмя государствами, образующими внѣшнее кольцо, нѣт болѣе старых счетов, но у каждаго из них есть счеты с Болгаріей; точнѣе: у Болгаріи есть притязанія к каждому из 4-х сосѣдей*). Эти притязанія лишь в небольшой части и изрѣдка выдвигаются правительством; но они входят, как неот'емлемая часть, в болгарское національное сознаніе.

Неизбѣжный компромисс между балканскими народностями в результатѣ ряда послѣдних войн (1912-13; 1913; 1914-18; 1922-23) выразился в соглашеніи четырех государств за счет пятаго, при чем в страдательной роли оказалось именно центральное государство, как единственное, имѣющее границы со всѣми остальными. Естественно, что, несмотря на всѣ стремленія Болгаріи к сближенію с сосѣдями, оказывается невозможным измѣнить ту пассивную, но упорную враждебность, с какой болгарскій народ относится к нынѣшнему порядку вещей на Балканах.

Послѣ первой стадіи — образованія національных государств — и второй — компромисса 4-х государств за счет пятаго — удастся-ли перейти теперь к третьей стадіи; т. е. найти способ частично удовлетворить обездоленное государство и привлечь его к соглашенію с остальными? В этом заключается в наше время весь балканскій вопрос: вопрос осуществленія прочной балканской «антанты». В чем же состоят болгарскіе національные идеалы? В чем смысл историческаго спора между Болгаріей и каждым из 4-х ея сосѣдей?

Постараемся, по необходимости кратко, отвѣтить на этот важный, но слишком мало извѣстный широкой публикѣ вопрос.

1. Счеты между Болгаріей и Турціей сравнительно просты и сводятся преимущественно к вопросу о правах фракійских бѣженцев.

В предѣлах Восточной Фракіи — между нынѣшней болгаро-турецкой границей и Константинополем — проживало четверть вѣка назад около 250 тыс. болгар. Они пользовались в Оттоманской имперіи всѣми правами и, благодаря своему трудолюбію и

*) В этой схемѣ не упоминается об Албаніи; но албанская проблема стоит совершенно особняком от других балканских вопросов, точно так же как сама Албанія географически рѣзко отдѣлена от остального полуострова.

упорству, достигли завиднаго экономическаго положенія. Самыя благоустроенныя сельскія хозяйства в Вост. Фракіи принадлежали болгарам. У них было около 200 церквей, болѣе 200 училищ. Около 10.000 болгар проникло на азіатское побережье Мраморнаго моря и там основало 17 колоній.

В 1913 г., во время второй Балканской войны, когда болгарская армія отступила из-под Константинополя, турки стали громить болгарское населеніе Фракіи и принудили его к почти поголовному бѣгству. Заключенный послѣ этого в Константинополѣ мир предусматривал право фракійцев вернуться на свои земли, но в дѣйствительности турецкія власти никого не впустили обратно. Напротив, послѣ великой войны произошло новое изгнаніе болгар, так что теперь их во всей Восточной Фракіи насчитывается всего около тысячи человѣк. Всѣ земли и имущество (по болгарскому счету, около ¼ милліарда золотых франков) конфискованы были без всякаго вознагражденія.

Среди фракійских бѣженцев в Болгаріи, чрезвычайно привязанных к своей землѣ, до сих пор господствует неискоренимая увѣренность, что они вернутся в свои родныя мѣста.

2. В Румыніи существует довольно обширное болгарское меньшинство, распадающееся на три группы.

а). В южных уѣздах Бессарабіи имѣется компактное болгарское населеніе, насчитывающее около 300.000 душ. Все это — потомки многочисленных бѣженцев, уходивших за русскими войсками послѣ каждой турецкой войны, начиная с 1769 года и вплоть до Крымской кампаніи.

В Россіи болгарскаго національнаго вопроса не было, но под нынѣшней властью бессарабскіе болгары подвергаются искусственной румынизаціи, несмотря на то, что права меньшинств оговорены и в договорѣ 1919 г. между Румыніей и союзными державами, и в актѣ аннексіи Бессарабіи. В училищах и в церквах употребляется исключительно румынскій язык.

б). Сѣверная Добруджа. Географически Добруджа представляет единую и рѣзко ограниченную область — полосу земли между Дунаем и Черным морем; но по своей исторической судьбѣ она дѣлится на двѣ части. Сѣверная Добруджа, по 46 ст. Берлинскаго трактата, уступлена была Турціей Россіи, а Россія ее «обмѣняла», отдав Румыніи и получив взамѣн южную Бессарабію (в 1856-78 г.г. бывшую под властью Румыніи).

В сѣверной Добруджѣ болгары составляют меньшинство, в настоящее время их там до 100.000 чел. Но, в отличіе от Бессарабіи, это не пришельцы, а коренные жители. Тульча в гирлах Дуная еще сто лѣт назад была одной из исходных точек болгарскаго національнаго движенія. При турецкой власти здѣсь был болгарскій епископ, ряд училищ. В настоящее время на всю сѣв. Добруджу одно болгарское училище, одна читальня и одна церковь; все это на частныя средства.

Впрочем, болгары из сѣв. Добруджи, живущіе под румынской властью уже 60 лѣт, не особенно ратуют за свои національныя права, опасаясь, что такая борьба может отразиться на их довольно прочном экономическом положеніи. Насколько основательны такія опасенія, видно по судьбѣ болгар в южной Добруджѣ.

в). Ю ж н а я Д о б р у д ж а («Квадрилатер») отошла от Болгаріи к Румыніи по Бухарестскому миру 1913 г. В это время населеніе области (всего около 300 тыс. чел.) состояло, почти поровну, из болгар и турок (нѣкогда заселенных на нижнем Дунаѣ для обороны имперіи); румын было ничтожное меньшинство, оно пользовалось при болгарской власти національными правами, в Тутракани существовало румынское училище.

Новые хозяева энергично принялись за румынизацію края. Когда-то в нем было 276 болгарских училищ, 66 церквей. Теперь все это в руках румын. Правительство очень заботится о школьной сѣти — больше, чѣм в коренной Румыніи, — но училища являются преимущественно орудіем денаціонализаціи населенія.

Болгарскіх училищ в краѣ всего 4, и тѣ не пользуются правами. В Силистрѣ и в Добричѣ имѣются болгарскія газетки, существованіе которых, впрочем, весьма неопредѣленно: то онѣ вынуждены закрыться, то опять выходят под другим именем; время от времени редакціи подвергаются разгрому со стороны воинствующих румынских націоналистов под благосклонным покровительством мѣстной администраціи.

Однако, острѣе всего стоит в южной Добруджѣ вопрос о земельных правах мѣстнаго населенія. Почти сейчас-же послѣ аннексіи, весной 1914 г., румынскія власти об'явили общую провѣрку всѣх земельных собственников. До вступленія Румыніи в великую войну болѣе половины землевладѣльцев успѣли собрать документы и представить их властям. В 1916 г. бумаги были эвакуированы в Россію и там погибли. В 1921 г. вновь началась про-

вѣрка. При этом 1/3 всѣх земель подлежала конфискаціи: на них селили колонистов, преимущественно из куцовлахов*).

«Провѣрка» прав собственности и конфискаціи поставили населеніе в совершенную зависимость от произвола администраціи. Колонисты до постройки собственных жилищ насильственно вселялись к болгарам и туркам и годами проживали в их домах. На этой почвѣ происходили безчисленныя столкновенія, убійства, захваты урожая, и т. п. Вмѣсто укрѣпленія права собственности, создалось положеніе, при котором записки мелкаго чиновника было достаточно, чтобы земельное владѣніе (нерѣдко наканунѣ урожая) перешло из однѣх рук в другія.

Степень нажима на мѣстное населеніе неоднократно мѣнялась, в зависимости от смѣны кабинетов в Бухарестѣ, но общая тенденція оставалась все та же. Наконец, турки не выдержали. С 1934 г. началась массовая их эмиграція; цѣлые пароходы с человѣческим грузом отплывали из Констанцы в Анатолію. Распродав за гроши свое имущество, темные турецкіе крестьяне втискивались с женами и дѣтьми в трюмы пароходов и плыли к невѣдомому будущему.

Болгары, болѣе культурные и сознательные, лучше организованные и потому легче сопротивляющіеся административным безчинствам, пока еще держатся. Добруджа, по природным условіям очень похожая на Новороссію, есть, прежде всего, страна хлѣбопашцев; это, может быть, наиболѣе богатая из всѣх областей, заселенных болгарами. Они до послѣдней возможности цѣпляются за землю, на которой живут вѣками.

Эмиграція турок могла облегчить положеніе болгар: для них открывалась возможность купить турецкія земли, и тѣм восполнить ущерб, нанесенный конфискаціями. Но закон 18 дек. 1934 года пресѣк и этот выход: он предоставил государству право преимущественной покупки недвижимости; используя в нужных случаях это право, власти зорко слѣдят, чтобы продаваемыя земли

---

*) Куцовлахи, или «каракачане» — остатки римско - фракійскаго населенія полуострова, оттѣсненные нѣкогда в глухія горныя области напором славян, а позже турок. Встрѣчаются в Македоніи, в Родопах, в Пиндѣ, и т. д. Говорят на нарѣчіи, довольно близком к румынскому языку. До послѣдняго времени значительная часть их вела кочевой образ жизни. Послѣ войны среди них наблюдается тяга в Румынію, гдѣ их принимают, как своих.

попадали только в руки румынских колонистов, а очень часто и в руки самих администраторов.

Національная борьба в южной Добруджѣ есть, таким образом, прежде всего, борьба за землю.

3. Національныя притязанія Болгаріи к Ю г о с л а в і и рѣзко распадаются на двѣ части.

а). Во-первых, идет рѣчь о «западных окраинах», т. е. о трех клочках земли, отнятых у Болгаріи в 1920 г., в результатѣ Великой войны.

По об'ему, проблема сравнительно незначительна: «западныя окраины» представляют собой всего 1.545 кв. клм., с населеніем в 70 тыс. чел. Если, тѣм не менѣе, для болгарскаго національнаго сознанія вопрос этот ставится очень остро, то прежде всего потому, что тут чисто-болгарскій характер населенія внѣ всяких сомнѣній: сербы потребовали и добились в Парижѣ измѣненія границы только по стратегическим основаніям (что не помѣшало, впрочем, тотчас послѣ аннексіи об'явить все присоединенное населеніе сербами); кромѣ того, граница проведена самым нелѣпым образом: на протяженіи 150 клм. она разсѣкает надвое 16 сел.

Ежегодно, в день Кирилла и Мефодія, из Софіи совершаются массовыя паломничества в большое село Стразимировцы (километров 60 от столицы), гдѣ посреди села проходит граница. До послѣдних лѣт члены одной и той-же семьи, оказавшіеся в разных государствах, имѣли право лишь издали привѣтствовать друг друга; теперь, когда болгаро - югославянскія отношенія улучшились, им в праздник разрѣшают встрѣтиться под наблюденіем начальства.

В Болгаріи весьма распространено убѣжденіе, что Югославія «в знак дружбы» вернет западныя окраины.

б). Второй вопрос безмѣрно сложнѣе и значительнѣе: это вопрос о М а к е д о н і и.

О македонской проблемѣ существует на десяткѣ языков обширная литература страстно - полемическаго характера. Она наполнена взаимными обвиненіями и опроверженіями, в которых тонут и историческіе факты, и данныя статистики и этнографіи. Естественно, что в настоящей статьѣ вопрос можно затронуть лишь самым общим образом.

По Сан - Стефанскому миру почти вся Македонія должна бы-

ла отойти к Болгаріи. Берлинскій конгресс оставил ее за Турціей, несмотря на бурные протесты и бунты населенія. Так родился, 60 лѣт назад, македонскій вопрос.

С тѣх пор революціонное движеніе в краѣ не прекращалось. Первыя 15 лѣт оно носило неорганизованный характер. В 1893 году возникла «В.М.Р.О.» (Внутр. Македонская Революціонная организація), героическая и кровавая слава которой вышла далеко за предѣлы Балканскаго полуострова. Цѣли ея неоднократно мѣнялись: то она требовала автономіи Македоніи под властью султанов, то образованія независимаго государства; но, в сущности, на протяженіи четырех десятилѣтій задача ея оставалась все та же: осуществить единеніе с Болгаріей, так грубо разрушенное берлинским трактатом.

Вряд-ли нужно напоминать, что именно на македонском вопросѣ распалась в 1913 г. побѣдоносная коалиція христіанских балканских держав. Сербо - болгарскій союзный договор сложно и недостаточно опредѣленно предрѣшал судьбу Македоніи: в случаѣ «невозможности» образовать из нея «автономную область» (?) большая часть отходила к Болгаріи; сѣверный же край образовывал «спорную зону», участь которой должен был рѣшить верховный арбитр — русскій император. В дѣйствительности, как извѣстно, пока болгары гнали турок к Константинополю и осаждали Чаталджу, сербы и греки очистили от турецких войск и оккупировали Македонію; царь Фердинанд предпочел, не дожидаясь русскаго арбитража, атаковать вчерашних союзников — и был жестоко разбит. Эта трехнедѣльная междусоюзническая война опредѣлила всѣ дальнѣйшія взаимоотношенія балканских государств вплоть до наших дней.

В результатѣ, всего лишь около 1/10 всей Македоніи попало под власть Болгаріи; весь остальной край подѣлен почти поровну между Сербіей и Греціей.

По составу населенія: из 2½ милліонов почти половина — славяне; остальные — турки, греки, куцовлахи, евреи, цыгане.

Но кто эти славяне, составляющіе основную группу населенія? В Греціи их считают «славяногласными эллинами»; в Югославіи иногда говорят, что это сербы, испорченные болгарской пропагандой; но чаще утверждают, что славянское населеніе Македоніи еще не успѣло національно оформиться в Оттоманской имперіи: из него можно сдѣлать и болгар, и сербов.

По болгарским же данным, подтвержденным многочисленными научными изысканіями, в Македоніи нѣт и не было сербов: славянское населеніе ея — чистые болгары. Именно Македонія была одним из главным очагов, откуда пошло, с начала XIX в., національное возрожденіе болгарскаго народа.

Послѣ войн 1913 и 1918 г.г., около полумилліона душ, т. е. примѣрно 20% населенія, бѣжало из Македоніи в Болгарію: естественно, что это были наиболѣе активные элементы: вся мѣстная болгарская интеллигенція, всѣ лица, в прошлом так или иначе причастныя к революціонному движенію, покинули свои мѣста. Новые хозяева пріобрѣли страну очищенной от всего того слоя, который мог бы оказать им организованное, активное сопротивленіе.

С тѣх пор прошло двадцать лѣт их непрерывнаго господства и очень крутой національной обработки. И в Югославіи, и в Греціи категорически отрицается самое существованіе болгар. В Югославіи искореняется историческое имя Македоніи: край называется Южной Сербіей. О болгарских училищах, конечно, не может быть и рѣчи*), а в 1912 г. их было около тысячи. Строжайшим образом запрещены также болгарскія газеты и книги. — До послѣдних лѣт доступ болгарам в Македонію был совершенно закрыт; в настоящее время они допускаются, но с большими затрудненіями, и теперь еще тысячи и тысячи людей отдѣлены от своих семей, которых они не видѣли двадцать лѣт.

Этот исключительный режим является одним из основных (в сущности, основным) препятствіем к окончательному замиренію на Балканах. В Болгаріи говорят: если дѣйствительно Македонія была населена какими-то національно неоформленными людьми, то неужели двух десятков лѣт — при полном отсутствіи конкуррирующих вліяній — было недостаточно для их пріобщенія к господствующей національности? Если-же, вопреки всему, там сохранилось и послѣ 20-ти лѣт населеніе, продолжающее считать себя болгарами и говорить на болгарском языкѣ, то неужели можно сомнѣваться в его національной принадлежности?

Отсюда вывод: свобода сношеній и признаніе національных

*) В греческой Македоніи, гдѣ разница между государственным языком и языком мѣстнаго населенія слишком велика, дѣлаются попытки ввести спеціальные учебники для «славяногласных», но с примѣненіем греческаго алфавита.

прав болгарскаго меньшинства в Югославіи и в Греціи являются необходимой предпосылкой нормализаціи отношеній.

4. Однако, между Болгаріей и Г р е ц і е й, кромѣ вопроса о южной Македоніи, есть еще вопрос о западной Фракіи.

При первом взглядѣ на карту Европы бросается в глаза узкая полоса греческой территоріи, тянущаяся по сѣверному берегу Эгейскаго моря и отрѣзающая от него Болгарію. Эта полоса, длиной болѣе 400 клм., в ширину имѣет всего 30-40 клм., в нѣкоторых мѣстах около 20-ти, так что с пограничных болгарских постов мѣстами видно море: но чтобы попасть в него, надо ѣхать километров за 500 в Бургас и оттуда плыть через Босфор и Дарданеллы.

Такое очертаніе границы — один из нелѣпѣйших продуктов мирных договоров — возникло в результатѣ ряда недоразумѣній. В 1919 г. предполагалось, что Греція получит всю территорію до Константинополя, а впослѣдствіи, может быть, самый Константинополь и часть Малой Азіи; в этом случаѣ сѣверный берег Эгейскаго моря был бы необходимым связующим звеном между вост. и зап. частью новой Византіи. Все-же, в Парижѣ понимали, что нельзя лишить Болгарію естественных выходов к морю; поэтому создан был компромисс: западная Фракія уступлена была не Греціи, а великим державам, которыя брались обезпечить Болгаріи доступ к морю. Можно было думать, что в этой области установят международный режим, как в Данцигѣ или Мемелѣ. Но уже в 1920 г., послѣ того, как Соед. Штаты (отстаивавшіе права Болгаріи) отвернулись от Европы, — Англія, Франція и Италія отдали западную Фракію Грепіи.

Сохранилась, правда, статья 48 мирнаго договора, говорящая о правѣ выхода к морю, однако, Греція и до сих пор предлагает только экономическій выход (порто - франко), а не територіальный; болгары же упорно отказываются от такого рѣшенія, считая, что оно было возможно при международном режимѣ, но что тратить деньги на постройку желѣзной дороги и порта на чужой территоріи и направить к этому порту большую часть своей торговли — слишком рискованно.

Что касается болгарскаго населенія западной Фракіи (до 1913 г. довольно многочисленнаго), оно почти поголовно выселено; его земли заняты малоазіатскими бѣженцами - греками.

В сущности, Болгарія почти наглухо замкнута в своих гра-

ницах и отрѣзана от сосѣдей; все движеніе — пассажирское и торговое — идет по Черному морю и по Дунаю, а на сушѣ — только по большому международному пути Бѣлград - Софія - Константинополь, пересѣкающему юго - западный угол страны; кромѣ этой дороги существует еще одно совсѣм второстепенное желѣзнодорожное соединеніе на румынской границѣ (в Добруджѣ). да в послѣдніе годы стало чуть-чуть развиваться автомобильное сообщеніе по прескверному шоссе Софія - Салоники. На всей же остальной сухопутной болгарской границѣ, на протяженіи многих сотен километров, нѣт никакого движенія: пути — желѣзнодорожные и шоссейные — с обѣих сторон подходят к границѣ, но нигдѣ не смыкаются. Ненормальная политическая ситуація приводит к рѣзким ненормальностям в области торговли и транспорта.

Из государств, побѣжденных в Великой войнѣ, Болгарія единственная терпѣливо несет бремя мирнаго договора; но это терпѣніе не означает пріятія нынѣшней ситуаціи. Напротив, оно скорѣе об'ясняется непоколебимой увѣренностью в том, что рано или поздно права болгарскаго народа будут признаны.

Как видно из настоящаго очерка, среди болгарских національных притязаній только одно носит чисто территоріальный характер: это требованіе выхода к Эгейскому морю. И в этом случаѣ, рѣчь идет о территоріи ничтожной по размѣрам. Всѣ остальные вопросы сводятся преимущественно к правам болгарскаго населенія, живущаго внѣ нынѣшних границ государства.

Всѣ четыре сосѣда Болгаріи обязались международными договорами обезпечить національныя права меньшинств. Они различными способами ликвидировали эти обязательства: Турція — и в значительной мѣрѣ Греція — выселили болгар из своих предѣлов; Югославія об'явила их сербами; Румынія удовлетворила в самой микроскопической дозѣ их національныя права и в то же время подкосила экономическія основы их существованія.

Совершенно очевидно, что до тѣх пор, пока эти сотни тысяч людей будут лишены своих прав, не может быть окончательнаго успокоенія и замиренія на Балканах.

Ю. К. Рапопорт

ХРОНИКА

Положеніе проясняется

Положеніе за истекшій первый мѣсяц новаго года значительно прояснилось. Но — увы — оно прояснилось далеко не к добру. Из-за пущенной из Берлина дымовой завѣсы, под громкой вывѣской освобожденія «Великой Украины», взбудоражившей все украинское разсѣяніе, проглянула настоящая цѣль Гитлера, которая и ставится, согласно с планами «Моей борьбы», на ближайшую очередь. Гитлер торопится. Ему некогда ждать. Демократіи Запада, наконец, проснулись и спѣшно вооружаются. Надо предупредить их и в спѣшном порядкѣ разбить или поставить на колѣни. Для этой цѣли необходимо, прежде всего, обезпечить хотя бы временный мир на востокѣ Европы. Польшѣ, которая только-что продемонстрировала свою независимость, сговорившись на мелочах с СССР, дѣлаются поблажки. Бек в началѣ мѣсяца продолжительно бесѣдует с Гитлером в Берхтесгаденѣ; Риббентроп в концѣ мѣсяца ѣдет в Варшаву. Очевидная цѣль — обезпечить нейтралитет Польши на случай западных осложненій, успокоив ее насчет восточных. С СССР отношенія смягчаются заключеніем торговаго договора с цѣлью обмѣна русскаго сырья на германскіе фабрикаты (может быть, и военные). Донскіе атаманы, наперерыв поспѣшившіе в Берлин — прислонить свою ладью к великоукраинскому кораблю, немного опоздали, так как самая затѣя отложена. Не отмѣнена, конечно, — ея очередь наступит, — а только отложена... Сам Данило Скоропадскій ѣдет из Нью - Іорка на мѣсто дѣйствія.

Гитлер очень спѣшит. Помимо усиленных вооруженій мюнхенских «друзей», у него есть и другая причина торопиться: денежныя средства и иностранные кредиты на исходѣ, всѣ свободныя средства частных предпріятій поглощены налогами; внѣшняя торговля падает; приходится грабить евреев (а за ними «наступит

очередь других категорій»). Шахт, уже лишенный общаго надзора за народным хозяйством, пытается убѣдить фюрера, что так дальше идти нельзя, необходимо сократить бюджет и пріостановить вооруженія. Оказывается — остановиться нельзя: этого не позволяет «динамизм» тоталитарнаго государства и репутація Гитлера. Куда он дѣнет новых безработных, освобожденных от труда на военныя приготовленія? Шахт отставлен от директорства в рейхсбанкѣ. Его мѣсто занимает Функ, у котораго нѣт сомнѣній. Это тот самый Функ, который об'ѣздил дунайскія государства, чтобы намѣтить способ захвата сырья с наименьшими расходами для Германіи. Он даст фюреру все, что потребуется, цѣной какой угодно инфляціи. Но — нужно спѣшить. Иначе вода подойдет к горлу: финансовая катастрофа, все равно, неизбѣжна. Но раз выбор между дальнѣйшим развертываніем «динамизма» и разумной финансовой политикой уже рѣшен, надо ускорить развязку...

Ускорить развязку, послѣ Мюнхена, уже нетрудно. Для этого нужно только обострить всѣ и без того плохо замаскированныя противорѣчія, чтобы привести их к открытому конфликту, при котором станут возможны новые ультиматумы и новые Мюнхены, — или же риск вооруженнаго столкновенія при наиболѣе благопріятных условіях для побѣды.

На глазах у всѣх, элементы конфликта переносятся из «успокоенной» Мюнхеном Средней Европы на Средиземное море — узел всѣх интересов: англійских, французских, итальянских. Германія, толкающая на конфликт, остается сама на втором планѣ, но сохраняет позу угрозы врагам и эвентуальной поддержки союзников. Три укрѣпленныя линіи, построенныя, хотя и наскоро, против линіи Мажино, дают возможность маневрированія — и в буквальном, и в переносном смыслѣ. А помимо того, возможны и обходныя движенія — на том же Западѣ.

Подготовку конфликта можно, счастливым образом, соединить с уплатой долга союзной Италіи, которая чувствует себя обдѣленной и требует своей доли в мюнхенской добычѣ. Ей давно указан ея путь: Африка и Средиземное море. Теперь, видимо, обѣщана и болѣе опредѣленная поддержка. И вслѣд за отмѣченными в прошлом обзорѣ депутатскими криками: Тунис, Джибути, Корсика — развертывается программа «минимальных» уступок от Франціи, по обычаю находящая себѣ осторожную поддерж-

ку в лондонском «Таймсѣ» и выше. Всѣ взоры снова устремлены на Чемберлэна. Чемберлэн ѣдет с визитом в Рим: чью сторону он поддержит? Положеніе стало, однако, настолько серьезно, что первоначальный смысл визита, при котором ему можно было ставить такой вопрос, утерян. Приходится уточнять. Франція демонстрирует твердость и непримиримость. Даладье спѣшит предупредить англійскій визит тріумфальной поѣздкой на Корсику и в Тунис. Пріѣхав в Рим, три дня спустя по возвращеніи Даладье во Францію, Чемберлэн вынужден заявить Муссолини, что от всякаго посредничества между Италіей и Франціей он отказывается. Публика удовлетворена и печать спѣшить заявить, что визит ни к чему не привел и что Италія страшно разочарована. Муссолини даже демонстративно отворачивался от Чемберлэна, сидя рядом в театральной ложѣ. Это — не совсѣм так. Чемберлэн «удовлетворен» результатами поѣздки, хотя упорно отказывает рабочей оппозиціи в требованіи — обсудить вопрос о результатах визита в палатѣ. Италія — в сущности — тоже может быть довольна. Иной раз и отрицательный результат может получить очень положительное значеніе. Два таких положительных для Италіи вывода из визита скоро становятся ясны. Во-первых, Муссолини обѣщал (опять «обѣщал») вывести свои войска из Испаніи п о с л ѣ т о г о, как Франко сдѣлается хозяином Испаніи. Как это «обѣщаніе» согласовать с условіями англо-итальянскаго соглашенія, заключеннаго Англіей в кредит и «на-вѣру», — это, так сказать, секрет Чемберлэна. Может быть, он разрѣшается захватом Барселоны при усиленной поддержкѣ Италіи и десятикратном перевѣсѣ сил. Но теперь открывается значеніе второго выиграннаго вывода: Италія будет вести о т д ѣ л ь н ы е переговоры с Франціей лишь п о с л ѣ того, как завоеваніе Испаніи совершится. Переговоры какого содержанія? Вѣроятно, с возросшими требованіями об уступках, и в какой формѣ? Может быть, в формѣ, близкой к ультиматуму? Итальянская печать усиленно готовит к концу мѣсяца именно к такой постановкѣ вопроса. «Италія удвоит свою непримиримость и на уступки не пойдет, Европейская (именно: е в р о п е й с к а я) дипломатія имѣет теперь только одну задачу: осуществить итальянскія притязанія. В противном случаѣ участь Франціи, ея имперіи, да и всей Европы — рѣшена... Достаточно отклонить итальянскія требованія в Средиземном морѣ и в Африкѣ... Фашист-

ская Италія никакого конфликта не боится, ни краткаго, ни длительнаго, ни локализованнаго, ни всеобщаго»... Эти строки мы читаем в «Реляціони Интернаціонали», сугубо инспирированном органѣ. Фашисткая Германія не столь откровенна — или не столь темпераментна — и слегка одергивает зарапортовавшихся.

Гдѣ, однако, санкціи этих открытых угроз? Онѣ близко: на Пиринейской («третьей») границѣ, на Балеарах, в Средиземном морѣ. Если конфликт будет рѣшен в Берлинѣ, он откроется немедленно послѣ побѣды Франко, по всѣм правилам искусства, сперва дипломатическаго, а потом и военнаго. На своем флангѣ Германія принимает послѣднія предосторожности. Венгрія окончательно примыкает к «оси» и к ея символу, антисовѣтскому пакту. Из Чехо-Словакіи вызывают в Берлин Хвалковскаго, чтобы внушить ему: от Чехо-Словакіи ждут не благожелательнаго нейтралитета, а активнаго сотрудничества и только тогда ей будут гарантированы ея теперешнія границы. Иначе, если вѣрить слухам, вновь поднимется вопрос о Карпатских границах: т е п е р ь Германія может и сдѣлать тут уступки польско - венгерским требованіям общей границы. Внутри Германіи вся молодежь отдается в выучку «ударным отрядам» (S. A.). Кажется, в февралѣ начнутся и «маневры», хотя этот слух и опровергается покуда. Что касается Италіи, она уже мобилизовала 60-тысячный корпус, а по адресу Франціи бросается угроза войной — в случаѣ, если она вздумает занять Балеары и испанское Марокко...

Конечно, во Франціи, главной странѣ, над которой сгущаются эти тучи, прекрасно понимают положеніе. Об этом свидѣтельствуют продолжительныя пренія по внѣшней политикѣ в сессіи палаты, открывшейся в срединѣ января. В оцѣнкѣ серьезности положенія, в сущности, сходятся как тѣ, которые настаивают на принятіи вызовов, так и тѣ немногіе, кто ищет, уже сейчас, загодя, путей отступленія. Всѣ понимают такжe, что развязка не за горами. В послѣдній час все чаще раздается даже требованіе о прекращеніи политики невмѣшательства в Испаніи. Но противники спѣшат, и этого рода разговоры, очевидно, запоздали. Спѣшит, конечно, и Муссолини — и по той же причинѣ, как Гитлер. Противорѣчіе между грандіозностью задачи и истощеніем средств, грозящее подкопать авторитетность режима, конечно, чувствуется и здѣсь, как бы ни было велико желаніе скрыть

внутреннія затрудненія. Диктатуры обязаны быть «динамичными».

Спѣшит, наконец, и третій участник «оси» — Японія. В истекшем мѣсяцѣ в Токіо совершилось событіе, которое проясняет положеніе и па Дальнем Востокѣ. В началѣ мѣсяца глава кабинета принц Конойе принужден был оставить премьерство и уступить мѣсто барону Хиранума. Смысл перемѣны подчеркнут самим правительством, об'явившим, что огромныя затрудненія, продлившія китайскую войну, требуют от націи новых жертв. Отставка Конойе, отставка Шахта — явленія одного и того же порядка. Японскій «динамизм» тоже не может отступить от начатой агрессіи — и вынужден расширить ее для новых задач. Одна из них имѣет непосредственное значеніе для Японіи и в то же время держит про запас конфликт, параллельный тому, который совсѣм готов в Европѣ. Это вопрос о рыбных ловлях у Охотских берегов и в Беринговом проливѣ. Обѣ стороны, СССР и Японія, отказались рѣшить спор компромиссом, и Японія повторно грозит открытіем военных дѣйствій — очевидно, ожидая, что СССР вынужден будет бороться на два фронта (что теперь, видимо, отмѣняется). Другой спор, болѣе сложный и длительный, ведется с представителями держав, подписавших договор девяти, который теперь Японія отмѣнила собственной волей. Англія, Франція и Соединенные Штаты одинаково протестовали против этого правонарушенія, отказываясь признать все сдѣланное вопреки договору. С своей стороны, Японія отказывается вести переговоры на почвѣ признанія стараго договора и предлагает прямые переговоры с отдѣльными державами, намекая на возможность уступок, но настаивая на ограниченіях прежних прав европейцев.

Интересно отмѣтить, что Соединенные Штаты заняли в этом случаѣ позицію в общем фронтѣ против Японіи. В связи с этим необходимо упомянуть о новогоднем обращеніи президента Рузвельта к конгрессу, в котором давалось опредѣленное предупрежденіе о напряженности международнаго положенія, напоминалось о необходимости усиливать вооруженія «заблаговременно», подчеркивалась необходимость бороться с «агрессорами» и даже упоминалось о том, что это есть общая задача демократій. «Мы знаем, что ждет нас, если новыя доктрины насилія утвердятся на других континентах», заявил президент. «Міровыя демократіи не

могут оставаться равнодушными к попранію права, гдѣ бы оно ни происходило. Не могут оставаться без энергичнаго протеста агрессивныя мѣры против других государств». Как на своего рода «поощреніе» агрессоров, Рузвельт указал прямо на американскій закон о нейтралитетѣ. Нельзя, конечно, придавать преувеличенное значеніе этим заявленіям; но они все же характерны для настроенія значительной части американскаго общественнаго мнѣнія в данную минуту.

Позиція Англіи, в виду всего происходящаго кругом, остается нѣсколько загадочной. Вынужденный считаться с мѣняющимся общественным настроеніем, Чемберлэн все же продолжает оттягивать свои рѣшенія до измѣненія общаго положенія в Европѣ, хотя бы это измѣненіе и совершилось в ущерб союзнику, с которым его связывает «тѣсная дружба». Такой опытный и блестящій оратор, как Ллойд-Джордж, нашел в этих колебаніях, умолчаніях и недоговоренностях достаточно красок, чтобы наполнить ими полную сарказмом рѣчь в Хландидно. Но однѣми рѣчами нельзя разогнать мрака грядущих событій.

Эта статья была написана когда рѣчи Гитлера, Чемберлэна и заявленіе Рузвельта внесли в описанное положеніе новыя ноты. Гитлер видимо пробует отступить от ускореннаго темпа, взятаго Италіей, и два офиціальных текста его рѣчи подчеркивают его колебаніе. Не то он будет на сторонѣ Италіи, «каков бы ни был мотив войны», которая начнется, не то ограничивает свою помощь только случаем «легкомысленнаго» нападенія на Италію по «идеологическим» причинами. С другой стороны, он впервые признал публично трудность экономическаго и финансоваго положенія Германіи и вообще взял тон самооправданія, обращеннаго во внутрь. Чемберлэн остался в сферѣ двусмысленности, но должен был подчеркнуть опасность для Европы в случаѣ попытки вмѣшательства в испанскій вопрос. Наконец, Рузвельт в военной комиссіи сената сдѣлал заявленія, произведшія сенсацію, хотя и не вполнѣ извѣстныя; яснѣе чѣм в прежних своих заявленіях он подчеркнул, что в грозящей Европѣ войнѣ Америка станет на сторону демократій.

Переход демократій к болѣе рѣшительному тону, может быть, заставит тоталитарную ось нѣсколько умѣрить свое безуміе.

Важнѣйшія событія

ЗА ЯНВАРЬ.

1. Новогодній приказ по арміи Ворошилова гласит, что «внѣшнее положеніе очень серьезно», и что «на красной арміи лежит долг защитить страну от нападенія, откуда бы оно не произошло».

— Даладье выѣхал на Корсику и в сѣверную Африку.

— Америка заявила энергичный протест против односторонняго нарушенія Японіей принципа открытых дверей в Китаѣ.

2. Населеніе Корсики оказало Даладье восторженный пріем.

— В СССР об'явлен «врагом народа» бывшій нарком почт и телеграфа Берман. Отстранен от газетной работы Кольцов.

3. Тираспольскій трибунал приговорил к разстрѣлу пять отвѣтственных работников молдавской автономной республики. Приговор приведен в исполненіе.

— В Тунисѣ Даладье встрѣтил у туземнаго населенія восторженный пріем.

4. Рузвельт произнес на открытіи конгресса рѣчь, в которой заявил, что Соед. Штаты не допустят попиранія права, гдѣ бы оно ни происходило, и потому вынуждены вооружаться.

— Подал в отставку кабинет Коноѣе. Премьером назначен бар. Хиранума.

5. Бек был принят Гитлером, с которым бесѣдовал 3 часа кряду. Обсуждалось будущее польско - германских отношеній, вопрос о «Великой Украинѣ» судьбѣ «коридора» и т. д.

6. На новой венг.-чешской границѣ «Украинскіе вольные стрѣлки» пытались захватить Мукачево, отошедшее к Венгріи по вѣнскому соглашенію.

— Чемберлэн в официальном сообщеніи по поводу рѣчи Рузвельта привѣтствовал президента за его «мужественныя слова».

7. Итальянская печать усилила, наканунѣ пріѣзда Чемберлэна и Галифакса, нападки на Францію.

— Наступленіе націоналистов на Каталонію ведется при поддержкѣ 100 тысяч добровольцев. Позиціи республиканцев засыпаются тоннами металла.

8. Произошло новое столкновеніе между венграми, с одной стороны, и чехами и украинцами, с другой, в районѣ Ужгорода. Венгерская печать обвиняет Германію в организаціи этих инцидентов.

— Полк. японскаго ген. штаба Такашима заявил в статьѣ, напечатанной в нѣсколькихъ токійских газетах, что «Японія начала в Китаѣ столѣтнюю войну», цѣлью которой является об'единеніе и возрожденіе Азіи под эгидой Японіи .

10. Чемберлэн и Галифакс, по пути в Рим, встрѣтились в Парижѣ с Даладье.

11. Состоялось первое свиданіе между Чемберлэном и Муссолини. Чемберлэн отвел вопрос о посредничествѣ Англіи в итало - французском спорѣ.

— Кеннеди и Буллит сдѣлали в об'единенном засѣданіи военных комиссій палаты и сената Соедин. Штатов доклад о положеніи в Европѣ. Оба посла настроены пессимистически и полагают, что война неизбѣжна весной 1939 года.

12. Продолжались переговоры между англійскими министрами и Муссолини. Выясняется, что поѣзд-

ка не даст практических результатов.

— На новогоднем пріемѣ дипломатическаго корпуса Гитлер долго бесѣдовал с полпредом Мерекаловым.

— Рузвельт предложил конгрессу немедленно ассигновать 552 милл. долл. на новыя вооруженія. Конгресс находится под впечатлѣніем доклада Кеннеди и Буллита.

13. Чемберлэн и Галифакс были приняты папой, который разспрашивал министров о судьбѣ бѣженцев вообще и еврейских — в частности.
никогда не добивалась посредниче-

— Итальянская печать, рѣзко перемѣнив тон, заявляет, что Италія ства Англіи в итало - французском спорѣ.

— Венгрія присоединилась к антикоммунистическому пакту.

14. Французская эскадра вышла в шестинедѣльное плаваніе вдоль африканских берегов. В Средиземное море прибыл британскій «хом флит».

15. Націоналисты одержали на каталонском фронтѣ ряд новых успѣхов. Занята Таррагона.

16. На Украинѣ, в Донецком бассейнѣ и в Петербургѣ произошли безпорядки, вызванные новыми декретами о трудовой дисциплинѣ.

— Итальянцы стягивают значительныя силы к границам французскаго Сомали.

— В Англіи продолжаются взрывы на электрических станціях, в общественных зданіях и т. д., приписываемые «ирландской республиканской арміи».

17. Націоналисты, продолжая наступленіе на Барселону, заняли позиціи республиканцев к западу от Таррагоны.

19. Ирландскіе террористы произвели покушеніе на сына Чемберлэна, оставшагося невредимым.

— Итальянскій министр ин. дѣл Чіано выѣхал в Югославію.

20. Уволен в отставку директор рейхсбанка Шахт. Германскіе финансы подчинены партіи, в лицѣ ея ставленника Функа.

21. Гитлер принял чехо - словацкаго министра ин. дѣл Хвалковскаго. Чіано имѣл продолжительную бесѣду с Стояниновичем. Риббентроп выѣхал в Варшаву.

22. Декретом Гитлера возстановлена организація «коричневых рубашек», потерявшая свое значеніе послѣ расправы с Ремом.

— Испанскіе націоналисты подошли на 25 кл. к Барселонѣ. Столица Каталоніи эвакуируется.

23. В нѣсколькихъ германских газетах напечатаны статьи, рекомендующія Италіи умѣренность в отношеніи пред'являемых к Франціи требованій.

24. В Германіи подготовляются «весенніе маневры», для которых предусмотрѣна мобилизація нѣкоторых категорій запасных.

25. Италія мобилизовала 60 тысяч человѣк. В Германіи происходят передвиженія войск из Австріи и судетских областей к французской границѣ.

— В Чили произошло страшное землетрясеніе. Погибло 30 тыс. человѣк.

26. Націоналисты вступили в Барселону.

— Боннэ и Даладье произнесли в палатѣ депутатов твердыя рѣчи, в которых заявили, что Франція не уступит «ни пяди земли, ни одной частицы своих прав». Палата выразила правительству по этим пунктам довѣріе единогласно (609 голосов).

28. Чемберлэн заявил в бирмин-

гамской рѣчи, что главная цѣль Великобританіи — мир. Тѣм не менѣе, Англія готова всѣми средствами защищать свою территорію, свой народ и свободу.

— Германія добилась от Чехо - Словакіи права транзита войск и военных грузов через чехо - словацкую территорію.

29. В Парижѣ началось совѣщаніе шести японских послов в Европѣ. Обсуждается проект военнаго союза между Японіей, Италіей и Германіей.

— В рѣчи к молодежи премьер Чехо - Словакіи заявил: «Мы не должны и не будем больше ни на кого расчитывать. Мы не вѣрим больше в коллективную безопасность... Особенно нам необходима дружба с Германіей».

30. В день шестилѣтія прихода к власти наци открылся рейхстаг «великой Германіи» с участіем 73 австрійских и 41 судетскаго депутата. Полномочія Гитлера продлены до 10 мая 1943 г. Гитлер в 2¼ часовой рѣчи заявил: Германія будет на сторонѣ Италіи в случаѣ нападенія на нее; он не потерпит вмѣшательства Запада в дѣла, которыя его не касаются; Германіи необходимы колоніи; в войнѣ заинтересованы только «іудео - капиталисты» и «іудео - коммунисты»; сам Гитлер вѣрит в длительный мир.

31. Муссолини обмѣнялся с Гитлером телеграммами с выраженіем товарищеских чувств.

— Чемберлэн в палатѣ общин сообщил, что его свиданіе с Муссолини в Римѣ упрочило - дружественныя отношенія между Англіей и Италіей и не ослабило связи Англіи с Франціей.

Из міра науки

Полюс холода — мѣсто на землѣ, обладающее самой низкой средней температурой, — находился, как полагали до сих пор, в восточной Сибири, в окрестностях города Верхоянска: средняя температура января составляет здѣсь 50,4 град. ниже нуля, в наиболѣе же холодные періоды ртуть падает до 70 град. ниже нуля.

Проф. Обручев опубликовал недавно результаты наблюденій, сдѣланных в теченіе послѣдних трех лѣт на метеорологической станціи Оймекона, в восточной Сибири. Оймекон — небольшое селеніе, расположенное на рѣкѣ Индигиркѣ; в виду того, что мѣстность эта извѣстна исключительно рѣзкими холодами, московскій метеорологическій институт рѣшил учредить здѣсь, в 1935 году, наблюдательную станцію. Оказалось, что в наиболѣе холодные мѣсяцы температура падает в Оймеконѣ до минус 78 град., средняя же температура января составляет минус 56 град. Таким образом, «полюс холода» находится не в Верхоянскѣ, а здѣсь.

В Оймеконѣ живет около 1.000 человѣк. Люди, а также животныя (собаки и олени) хорошо переносят температуру «полюса холода».

Магнитный полюс, по любопытному совпаденію, стал научной злобой дня одновременно с полюсом холода. Рѣчь идет о сѣверном магнитном полюсѣ, т. е., о той точкѣ земного шара, к которой обращается одна из оконечностей магнитной стрѣлки (условно помѣченная буквой N).

Вашингтонскій институт Карнеги опубликовал труды геологической миссіи, проведшей нѣсколько лѣт на сѣверѣ Канады и в Гренландіи, — труды, относящіеся преимущественно к опредѣленію мѣстонахожденія сѣвернаго магнитнаго полюса. Американскіе геологи установили с безспорной очевидностью, что полюс этот за послѣдніе годы очень быстро передвигается к югу, — точнѣе, по направленію к средней Африкѣ. Само по себѣ смѣщеніе магнитнаго полюса не представляет ничего из ряда вон выходящаго: о том, что эта точка не связана неразрывно с опредѣленным участком земной поверхности, а описывает болѣе или менѣе сложную кривую, мѣняя с каждым годом свое мѣстоположеніе, — извѣстно чуть ли не с самаго открытія существованія магнитных полюсов, с середины XIX вѣка. Однако, такія періодическія смѣщенія, в результатѣ которых магнитный полюс, рано или поздно, возвращается на прежнее мѣсто, не имѣют ничего общаго с передвиженіем полюса в одном опредѣленном направленіи, отмѣченным американскими геологами. Это явленіе не имѣет прецедентов, и ученые, комментирующіе опубликованныя институтом Карнеги данныя, склонны об'яснить его дѣйствіем сил космических, т. е. лежащих внѣ сферы земных феноменов. Можно предположить, в частности, что какое-то небесное тѣло, обладающее мощным магнитным полем, передвигается в сравнительной близости к Землѣ, и что это передвиженіе влечет за собой смѣщеніе нашего магнитнаго полюса.

Сдѣланное американскими геологами открытіе приводится, не без основанія, в связь с другим явленіем, отмѣченным еще в 1930 году: «шапка льдов», покрывающая сѣверный полюс и приполярныя области, медленно, но непрерывно тает. Повидимому, Земля переживает климатологическій процесс, о котором мы, располагая лишь фрагментарными наблюденіями, судить в полной

степени не можем, но который способен оказать огромное вліяніе на всю жизнь земного шара.

Ископаемые микроорганизмы, недавно обнаруженные французскими геологами, Жоржем Дефландром и Луи Данкаром в известковых породах Нормандіи, привлекли к себѣ вниманіе палеонтологов. В сообщеніи, сдѣланном на одном из послѣдних засѣданій академіи наук, оба ученых подробно описали найденный ими микроорганизм.

Под микроскопом он представляется в видѣ двустворчатаго известковаго шарика, діаметром в 12-30 микронов (микрон — одна милліонная часть метра). Створки — неодинаковых размѣров; большая створка снабжена, по внѣшнему краю, выемкой, в которую входит окружность меньшей створки. Поверхность шарика покрыта многочисленными точками.

Этот микроорганизм — которому Дефландр и Данкар дали названіе schizosphaerella punctulata — встрѣчается, преимущественно, в отложеніях юрскаго періода. Он жил, повидимому, в эпоху появленія на землѣ первых млекопитающих и составлял «планктон» (животное населеніе) тогдашних морей.

Воздух содержит водяные пары даже в самых сухих мѣстах земли — над пустынями, обширными равнинами, лишенными растительности и т. д. Так, напримѣр, в Хоггарѣ, в сердцѣ Сахары, 1 куб. метр воздуха заключает от 1 до 5 граммов воды. Если бы эти пары можно было сгустить и превратить в осадки — вопрос орошенія безводных пространств, а также земель, страдающих от періодической засухи, был бы разрѣшен.

Французскій инженер Бернар Дюбо разработал план т. н. «воздушных колодцев», при помощи которых можно вызывать искусственный дождь, путем конденсаціи содержащихся в воздухѣ водяных паров. Установка эта сводится к слѣдующему.

В подлежащей орошенію мѣстности сооружаются, на извѣстном разстояніи одна от другой, башни вышиной в 300 метров. Каждая башня имѣет конусообразную форму: діаметр ея, составляющій у основанія 30 м., постепенно суживается и у верхняго, выходного отверстія равняется всего 5 метрам. Другими словами, по внѣшней формѣ эти сооруженія напоминают гигантскія фабричныя трубы, вышиной с Эйфелеву башню.

Такой «воздушный колодец» должен функціонировать, по мысли изобрѣтателя, автоматически, без какого бы то ни было внутренняго механизма. Горячій воздух, поднимающійся с нагрѣтой земли, втягивается в нижнее отверстіе, подымается вверх по трубѣ в силу меньшей своей плотности и, выходя наружу, попадает сразу в слой атмосферы, болѣе разрѣженный чѣм внизу, и болѣе холодный. Результатом является постоянное вихревое движеніе вокруг выходного отверстія колодца, перманентная конденсація водяных паров, образованіе облаков и выпаденіе дождя.

Небезынтересно отмѣтить, что изобрѣтатель скопировал, в данном случаѣ, природу, и что система инж. Дюбо заслуживает скорѣе названія искусственнаго смерча, чѣм воздушнаго колодца. Смерчи образуются точно таким образом — быстрое восхожденіе горячаго воздуха, конденсація водяных паров в верхних слоях атмосферы. Как извѣстно, они всегда сопровождаются густыми облаками и проливным дождем. Башня инж. Дюбо играет роль канала, создающаго искусственный смерч в интересах человѣка.

Искусственная радіоактивность одерживает побѣду за побѣдой. Список элементов, в которых физики возбуждают несвойственную им в нормальном состоянін радіоактивность, растет с каждым мѣсяцем; способом наведенія искусственной радіоактивности остается, попрежнему, бомбардировка даннаго элемента потоками быстро мчащихся частиц (нейтронов, электронов и т. д.).

Англійскіе экспериментаторы Пуль, Корк и Торнтон, бомбардируя сѣру потоком нейтронов, превратили ее в радіо-фосфор (т. е., в фосфор, обладающій радіоактивностью). Сохраняется эта индуцированная радіоактивность в теченіе 26 минут.

Цихоцкій и Солтан (сообщеніе во французской академіи наук) бомбардировали ту же сѣру нейтронами, обладающими меньшей скоростью — и получили в результатѣ радіо - силицій, с продолжительностью радіоактивности в 15 дней.

Эти опыты ведутся, в значительной степени, ощупью, и «Колумбы атома» открывают новые искусственные радіо-элементы, приблизительно так, как настоящій Колумб открыл Америку, — не зная заранѣе, что их ждет впереди.

В. Ин.

БИБЛІОГРАФІЯ

А. Н. и **И. И. Серебренниковы.** Цвѣты Китайской Поэзіи. — Изданіе автора. Тяньцзин 1938 г.

Переводы стихотвореній с одного языка на другой — почти всегда обречены на неудачу. Стихотвореніе связано с языком, на котором оно написано, связано кровно, нерушимо: при передачѣ сохраняется смысл, но уничтожается звук, или, что еще хуже, создается новый звук, не соотвѣтствующій звуку подлинника. На русском языкѣ есть всего нѣсколько стихотвореній, цѣнность которых не потеряла (а, может быть, и выиграла), от перевода — это переводы Лермонтова «Горныя вершины», «На сѣверѣ диком», «Они любили друг друга», «Воздушный корабль». По существу, это уже не переводы: и Гете, и Гейне, и Зейдлиц создали свои стихотворенія, Лермонтов — свои, не подражая нѣмецким поэтам, а скорѣе отталкиваясь от них. как отталкиваются для прыжка от трамплина, и создал новые, никогда до него не существовавшіе стихи. Главный недостаток Жуковскаго в том и состоит, что он подражал подлинникам тѣх стихотвореній, которыя он переводил.

Конечно, в задачу Серебренниковых не входило создавать новыя стихотворенія на русском языкѣ и, поэтому, всячески слѣдует привѣтствовать то обстоятельство, что произведенія китайских поэтов переданы бѣлым стихом, при котором подлинный звук слов меньше всего ломается звуком чужой поэтической рѣчи. Правда, бѣлый стих имѣет другую опасность: почти всѣ стихи, переведенные Серебренниковыми, похожи друг на друга: и Ши-Дзуи, шестой император династіи Хань, умершій во втором вѣкѣ до Р. Х. и Гань Джу Ю, жившій во времена послѣдней императорской династіи Цин, свергнутой в 1911 г., — пишут почти одним и тѣм же языком. почти тѣми же словами.

Послѣ всѣх этих оговорок, надо, тѣм не менѣе, сказать, что русскіе переводчики сдѣлали чрезвычайно полезную и нужную работу — перед нами встает новый, незнакомый, прекрасный поэтическій мір. И хотя тѣнь человѣка почти никогда не сможет дать нам живой образ человѣка, мы все же по плоской, скользящей тѣни можем судить о том, как безконечно богата, разнообразна двухтысячелѣтняя китайская поэзія, как вѣчны вѣчныя темы любви и смерти. как дол-

жен быть мудр и прекрасен народ, который смог создать подобные поэтическіе образы.

Книга Серебренниковых издана очень оригинально, с большой любовью и вниманіем — лишнее свидѣтельство тому, что авторы отнеслись с должной заботливостью к поставленной перед ними чрезвычайно трудной задачѣ.

Сергѣй Осокин

Г. Газданов. Исторія одного путешествія. — «Дом книги». Париж.

О писателѣ можно и должно судить по качеству его письма и языка. В огромном большинствѣ случаев достаточно внимательнаго чтенія двух-трех страниц, чтобы рѣшить (если вкус не обманывает нас), относится-ли произведеніе, содержащее эти страницы, к разряду литературнаго искусства или неудачных поползновеній на него, — или его слѣдует причислить к тѣм отдѣлам письменности, к которым приложимы интеллектуальныя, моральныя, но не художественныя оцѣнки. Вѣрно, однако, и то, что внутри литературы (как искусства) одним этим стилистическим критеріем довольствоваться нельзя. От романа, драмы, разсказа, и даже от лирическаго стихотворенія мы требуем не только того, чтобы они были «хорошо», т. е. творчески своеобразно и с неповторимо - личной выразительностью написаны; мы ищем в них еще и других, частью эстетических, а частью и выходящих за предѣлы всякой эстетики качеств. Почти всегда дар «хорошо» писать бывает связан — хотя и в разной степени — с другими творческими дарами; тѣ рѣдкіе случаи, когда равновѣсіе тут оказывается рѣзко нарушенным, наблюдать бывает странно и грустно. Случай Газданова, как мнѣ кажется, именно таков.

Стилистическое дарованіе его так велико, что уже и в первой его книгѣ оно заставляло забыть языковыя погрѣшности (которых с тѣх пор стало гораздо меньше) и даже нѣкоторый общій не-идіоматизм его рѣчи. «Исторія одного путешествія» написана прекрасно. Ея автор обладает совершенно исключительным чувством прозаическаго ритма, а также не столько выразительности отдѣльнаго слова, сколько его вѣса и вкуса по сравненію со всѣми другими словами той-же фразы и того же абзаца. Когда его читаешь, становится очевидным, что девяносто девять сотых совѣтских прозаиков и девять десятых эмигрантских о словесном искусствѣ вообще понятія не имѣют, что слова у пих не услышаны, не произнесены, а просыпаны кое-как, точно шрифт из газетнаго набора. Но столь же очевидным становится и другое: что разсказанное этими словами не стоит самих слов, что образы, непосредственно возникающіе из них, лучше тѣх других образов, болѣе сложных и обширных, которые рождаются книгой в цѣлом или ея отдѣльными частями и главами. Повѣствованіе никуда не ведет; у дѣйствующих лиц нѣт никакой судьбы; их жизни могут быть продолжены в любом направленіи и на любой срок; у книги нѣт другого единства, кромѣ тона, вкуса, стиля ея автора.

Конечно, слов от смысла не оторвать. Письму Газданова отвѣ-

чает особое чувство жизни, и я думаю, что оно-то именно и об'ясняет ту (относительную) пустоту, что открывается у него позади слов. В жизни он ощущает с большою силой ея чувственную радость и чувственную грусть; острота этого ощущенія как раз и пронизывает его рѣчь, дает ей похожій на кровообращеніе или дыханіе ритм, опредѣляет собой ея чувственную прелесть. Однако, этим дѣло и кончается: ничего другого ему прощупать в жизни не дано. Он видит чувствами, но совѣсть у него подслѣповата. Отсюда проистекает недостаточная поляризація внутренняго міра, немедленно отражающаяся на творчествѣ. В книгах Газданова только два полюса: удовлетвореніе и неудовлетворенность, причем удовлетвореніе у него как-то слишком уж вещественно, а потому и неудовлетворенность похожа на болѣзнь, — во всѣх градаціях, от насморка до рака. Хорошо быть молодым, здоровым, богатым и имѣть под рукой ту самую женщину, что способна дать наибольшее удовлетвореніе; это думают с большой силой всѣ газдановскіе герои, и мы им сочувствуем, но это их слишком уравнивает между собой. Правда, есть люди хорошіе и плохіе, но первые это просто тѣ, что вообще нравятся автору, а вторые, что вообще не нравятся ему, и первые могут истреблять вторых без того, чтобы это создавало для них какія-нибудь внутреннія осложненія. Оспаривать такой образ мыслей трудно; зато легко понять, что никаких глубоких конфликтов, никакой заботы о человѣческой судьбѣ из него извлечь нельзя. Между голодом и сытостью проходит жизнь, пока смерть не прекратит и голод, и сытость. Об этом можно хорошо разсказать, но драмы, романа или даже разсказа из этого не сдѣлать. Остается надежда, что Газданова что-нибудь натолкнет на другія мысли, привьет ему другое чувство жизни, и тогда его большой талант даст то, чего мы от него вправѣ ждать.

В. Вейдле

F. Kafka. — «Le Château». (Перевод с нѣмецкаго). Paris. N. R. F.

Для перваго своего романа — «Тяжба» — Кафка взял героем маленькаго человѣка, обывателя, конторщика, в чью жизнь неожиданно, с грубой силой, врываются таинственныя силы («высшія инстанціи»), судят его и жестоко наказывают; маленькій человѣк хочет защищаться, — он ни в чем не виноват! — но это ему не удается, ибо судят его не в обыкновенном судѣ, а в таинственном, высшем, и всѣ его доводы не имѣют обычнаго смысла; так он и погибает, не зная точно, в чем его обвиняют: на разсвѣтѣ его выводят на пустырь и двое штатских ненароком отсѣкают ему голову (а, может быть, — он всего только сходит с ума)...

Послѣдній роман Кафки «Замок» по замыслу представляет противоположность «Тяжбѣ»; здѣсь герой (господин «К», землемѣр) — новый Гамлет, Фауст, своею волею врывается в таинственный, высшій іерархическій мір и заявляет, что не уйдет, не отстанет, пока «силы» не примут его, — не отвѣтят на всѣ его вопросы и не устроят его судьбы».

В таинственный, мрачный, нищій, Богом забытый поселок, пріѣз-

жает господин «К» с твердым намѣреніем в нем устроиться прочно. войти в сношеніе с хозяевами поселка — с Замком. Но это ему не удается; всякая попытка связаться с Замком обречена на неудачу: он не может добраться до Замка по зимним, горным дорогам, там холодно и так быстро темнѣет; он самым воздухом этим дышать не в состояніи; чиновники Замка, пріѣзжающіе в поселок, не хотят ему дать аудіенціи: вид вульгарнаго обывателя для них невыносим. Посланец, приносящій ему письмо из Замка, весь свѣтится и чѣм-то похож на ангела; впрочем, когда он снимает праздничныя одежды и берется за свою сапожничью колодку, — сходство пропадает. Ура, «К» получил письмо из Замка, — торжествуя, он бѣжит к мэру поселка, требуя для себя соотвѣтствующаго мѣста, оклада, положенія. Но мэр ему об'ясняет, что это письмо — неофиціальное; с одной стороны, это больше чѣм казенная бумага, ибо устанавливает частныя отношенія между «К» и Замком, с другой стороны, это — меньше, ибо не прошло через книги, не занумеровано, юридически не существует даже. Все двойственно, расплывчато, страшно в мірѣ - поселкѣ, и тщетны всѣ попытки неугомоннаго землемѣра «К», этого новаго Данте (без Виргилія), добраться до благодатнаго Замка. Только когда «К» уже на смертном одрѣ, — приходит, наконец, бумага, до извѣстной степени регулирующая его положеніе.

Эту послѣднюю вещь свою Кафка не успѣл закончить: смерть подстерегла его. При жизни он почти ничего не печатал; послѣ смерти «об'ективныя» условія не благопріятствовали его книгам: уроженец Праги, не-аріец, писавшій по-нѣмецки. А между тѣм время его — придет! Совершенно неповторимой особенностью Кафки является то, что наряду с символикой, звучащей под сурдинку, дающей глубину и вышину, книги его существуют, захватывают и сами по себѣ, без всякой символики, — как описаніе новаго, чудовищнаго и смѣшного мірка! Если бы надо было одной фразой опредѣлить Кафку, я бы сказал: узко, но геніально!.. Я не припомню другой книги XX вѣка (включая Пруста и Джойса), читая которую, с первой строки, создавалось бы столь твердое убѣжденіе: геніально (и безумно)...

Русскаго перевода вещей Кафки, насколько мнѣ извѣстно, еще нѣт.

В. С. Яновскій

Georges Suarez. — Briand. — II. — 1904-1914. — Paris, p. 515. Ed. Plon.

Новый том Ж. Сюарэза о Бріанѣ, не менѣе увлекательный, чѣм первый, превосходит его в смыслѣ политической поучительности и мѣстами исполнен самой острой злободневности.

Этот том посвящен десятилѣтію, предшествовавшему міровой войнѣ. Политическій дѣятель и вожак партіи выростает за эти годы до уровня государственнаго дѣятеля, направляющаго политическія, соціальныя и международныя судьбы Франціи. Дарованіе Бріана, как выдающагося государственнаго дѣятеля,получили всеобщее признаніе,когда он очутился на трудном и неблагодарном посту докладчика законо-

проекта об отдѣленіи церкви от государства. Уже на этом посту, к которому его никак не подготовило прошлое, Бріан обнаружил свои положительныя качества, необыкновенную интуицію, тактическую ловкость и даже, как это ни странно, знаніе, возстановив при этом против себя традиціоналистов-клерикалов справа и фанатических доктринеров «безбожничества» слѣва. Взятая Бріаном средняя линія на замиреніе религіозных страстей во Франціи путем компромисса с папой вызвала отталкиваніе от него крайних элементов соціалистической партіи. — тѣх самых, которые он же сам одно время возглавлял.

Пій X, с которым пришлось имѣть дѣло при отдѣленіи церкви от государства во Франціи, отстаивал свои прерогативы гораздо болѣе рѣшительно, чѣм Пій IX в 1875 г. при проведеніи аналогичных мѣропріятій Бисмарком в Германіи. Бріану пришлось не только провести чрез парламент свой закон, но и найти практическія формы для воплощенія его в жизнь. Именно для этого ему поручен был пост министра народнаго просвѣщенія и культов в кабинетѣ Сарьена в 1906 г. В этом кабинетѣ дебютировал на посту министра и Клемансо — сначала друг, а потом враг Бріана. Членом кабинета был и Пуанкарэ, — добрыя отношенія с которым у Бріана сохранились до конца. С этого 1906 года Бріан уже до самаго конца жизни не переставал входить в «элиту» наиболѣе часто призываемых к управленію Франціей, занимая самые разнообразные министерскіе посты — внутренних дѣл, юстиціи, иностранных дѣл — возглавляя 11 раз самое правительство.

Чѣм выше поднимался Бріан в административной іерархіи и прочнѣе становилось его возвышеніе, тѣм чаще оказывался он мишенью так: в первые годы преимущественно слѣва, а в послѣдніе годы жизни — справа. Былые друзья, союзники и попутчики становились противниками и врагами, — не только политическими, но и личными. Так случилось с Жоресом, Клемансо, Мильераном и в особенно рѣзкой формѣ — с Кайо.

Автор книги о Бріанѣ часто разрѣшает себѣ для оттѣненія положенія и роли своего героя характеризовать и его соперников и антагонистов. Эти характеристики, всегда очень яркія и интересныя, иногда совершенно блестящи, но небезпристрастны. Автор — как и Бріан — считает Кайо злым геніем Франціи, приведшим Францію и Европу к катастрофѣ 14 года. Сюарэз приводит из интимных записей Бріана слѣдующую, помѣченную 7-м февраля 1918 г.: — «11 ч. — Бесѣда в Елисейском дворцѣ с президентом республики, который через Барту сообщил о желаніи меня видѣть. Говоря о Кайо, он выразил ужас по поводу найденных в Флоренціи бумаг... По этому случаю я напомнил президенту о соглашеніях, заключенных мною с Германіей в 1910 г. и затѣм разорванных по подстрекательству Кайо. Слѣдствіе: Агадир — подлинный зародыш нынѣшняго конфликта. Подлинный виновник войны — Кайо. Именно в этот момент, чтобы исправить совершенную им ошибку, бросился он в об'ятія Германіи и сдѣлался финансовым агентом нѣмца Касселя (члена правленія франко - египетскаго кредитнаго и франко - аргентинскаго банков, предсѣдателем коих состоял Кайо). — Пуанкарэ соглашается».

Чтобы показать, насколько злободневна исторія жизнедѣятельности

Бріана, достаточно напомнить, что, будучи одним из наиболѣе видных пропагандистов идеи всеобщей стачки, как орудія борьбы с капиталистическим государством, Бріан оказался в то же время и одним из первых глашатаев тѣх средств, коими можно предупредить возникновеніе всеобщей стачки и бороться с ея пагубными результатами. Еще в концѣ 10-го года Бріан внес законопроект о беззаконности стачки в публично - необходимых службах и обязательности арбитража под угрозой отвѣтственности для компаній (желѣзных дорог) и рабочих синдикатов. Ближайшій сотрудник Бріана, выдающійся юрист Грюнбом - Балэн недавно отмѣтил связь новѣйших законов 31 декабря 35 г. и 13 января и 16 февраля 37 г., с соціально - политическими взглядами Бріана. По отношенію соціалистов к проблемѣ обязательнаго арбитража можно судить об эволюціи, продѣланной соціалистическим сознаніем во Франціи на протяженіи четверти вѣка. Когда Бріан внес свой законопроект, орган Жореса писал: «Обязательный арбитраж — одна из тѣх чудовищных концепцій, которыя могут созрѣть лишь в тронутых и подозрительных мозгах. Обязательный арбитраж — совершенно естественен как украшеніе режима в эпоху государственнаго переворота, который мы переживаем. Эта концепція — увѣнчаніе всѣх усилій, направленных реакціей для дезорганизаціи синдикальных сил рабочих... Рѣшили, наконец, упразднить право стачек и осуществить лицемѣрную и чудовищную юрисдикцію, названную ими обязательным арбитражем»...

Бріану принадлежит и план мобилизаціи желѣзных дорог и желѣзнодорожнаго персонала, как мѣры борьбы против паралича вмѣстѣ с транспортом и всей жизни страны... К Бріану и его полемикѣ с Клемансо и борьбѣ против «стоячих болот» и выборных интересов мѣстной колокольни восходят споры и о преимуществах мажоритарной и пропорціональной систем выборов (Бріан защищал пропорцію), которым в ближайшем будущем суждено вновь волновать политическія страсти во Франціи. **М. Вишняк**

Charles Seignobos. — Essai d'une Histoire comparée des Peuples de l'Europe. — Paris. Rieder 1938.

Достоинство и оригинальность послѣдней работы Сеньобоса — такая же «откровенность», с какою написана его предыдущая книга, Histoire sincère de la Nation Française. Эта «откровенность» — в свободѣ от всяких условных формул, от псевдо - научных понятій (он сам говорит об этом в предисловіи), какими нерѣдко историки подмѣняют и искажают дѣйствительность. Он не «субстантивирует» об'ектов историческаго вѣдѣнія — или, вѣрнѣе, то, что, поддаваясь внушеніям рѣчи, мы принимаем за эти об'екты: народ, государство, общество, соціальный класс, — тогда как на самом дѣлѣ единственный реальный об'ект исторической науки и суб'ект исторіи, это — человѣк; и он с полным основаніем обращает главное вниманіе на то, как жили люди в тот или другой періоды, на мелочи их быта, на повседневныя условія их обихода, считая это самым важным для «средняго человѣка»; там, гдѣ он говорит о том, что относится к духовной культурѣ о міровоззрѣніях,

идеологіях, философских, художественных направленіях, он опять - таки показывает прежде всего, как все это отражалось и преломлялось в сознаніи «средняго человѣка».

В этом главная привлекательность и цѣнность замѣчательной книги Сеньобоса, из которой многому может научиться не только обыкновенный читатель, но и историк - спеціалист, хотя никаких «открытій» авторъ не дѣлает, никаких новых об'ясненій не предлагает: просто — в его изложеніи все как - то оживает, выступает ярче, конкретнѣе, жизненнѣе, чѣм у историков, «разсуждающих» об исторіи и ищущих за жизнью какіе - то якобы управляющіе ею «законы».

Задача, которую поставил себѣ Сеньобос, показать, путем сравненія исторіи отдѣльных народов, общность присущих их в каждый историческій моментъ тенденцій, и тѣм самым — **единство** европейской исторіи. Все - же это единство было и остается единством в многообразіи: ход исторіи каждаго народа имѣет свои индивидуальныя черты, опредѣляемыя географическим положеніем, соціальной структурой, историческими традиціями, слагавшимися в силу дѣйствія множества случайных условій, степенью реальной мощи, и т. д. — все, что мы зовем, может быть, неточно, національным характером. Мнѣ кажется, что именно **сравнительное** изслѣдованіе исторіи европейских народов и должно было - бы имѣть своей цѣлью, помимо той, какую поставил себѣ Сеньобос, и другую: выяснить, в чем состоит **индивидуальность** каждаго народа, понимая под этим вовсе не какія - то постоянныя, укорененныя в несуществующей «народной душѣ» свойства, а просто обусловленные самим ходом исторіи, житейским укладом, распредѣленіем собственности, господствующими видами занятій и т. д., и т. д. навыки сознанія, присущіе если не всему народу в цѣлом (что мы о нем знаем? вѣдь как рѣдко, даже и теперь «массы» дают знать о себѣ), то, **по крайней мѣрѣ, руководящим общественным слоям.**

В предисловіи авторъ предупреждает, что он говорит лишь вкратцѣ о «литературѣ и искусствах», так как они занимают лишь ничтожное мѣсто в жизни подавляющаго большинства людей, и, что касается духовной культуры, посвящает главное вниманіе тѣм ея проявленіям, какія оказывали наибольшее вліяніе на массы: вѣрованія, нравственныя воззрѣнія, воспитаніе.

Вѣрно, конечно, что если не считать того, что относится к фольклору или к роману - фельетону, «литература и искусства» удѣл лишь немногих. Но они — показатель **жизненнаго стиля**, духовных тенденцій соотвѣтствующаго момента, и тѣм заслуживают вниманія и с точки зрѣнія «общей» исторіи. Авторъ, правда, в нѣкоторых мѣстах выдерживает эту точку зрѣнія; иногда же измѣняет ей.

Что до вѣрованій, то в своем стремленіи показать прежде всего, как они преломлялись в сознаніи «средняго» человѣка, авторъ иногда доходит до чрезмѣрнаго упрощенія дѣйствительности. Можно - ли, напр., утверждать, что религіозный под'ем в період послѣ французской революціи сводился только к тому, что «привилегированные» стали видѣть в религіи орудіе для обузданія масс? «Семьи именитых или состоятельных русских обращались к практикѣ христіанской религіи даже в

православной Россіи», — говорит автор. Это, очевидно, обмолвка: он хотѣл сказать:... **католической** религіи. Приложимо - ли это, однако, к Чаадаеву, Печерину, и еще к тѣм немногим из православных русских, которые так или иначе влеклись к католичеству?

П. Бицилли

The Refuges Problem. Report of a Survey by Sir John Hopes Simpson — Oxford University Presse, 1939, p. p. 637.

Этот обширный труд о положеніи бѣженцев всѣх стран и о положеніи бѣженскаго вопроса послѣ войны обязан своим происхожденіем иниціативѣ лондонскаго «Королевскаго института международных дѣл» и поддержкѣ этого предпріятія Рокефеллеровским фондом и другими учрежденіями. Руководитель подготовительной работы, начавшейся с сентября 1937 г. и законченной в октябрѣ 1938 г., сэр Хоп Симпсон организовал комитет «изслѣдователей», посѣтивших различныя страны эмигрантскаго разсѣянія. Участником этого комитета для русских бѣженцев был А. Ф. Ступницкій, совершившій поѣздки по Франціи, Югославіи, Болгаріи, Румыніи, Чехословакіи, Польшѣ и балтійским государствам. Правительства соотвѣтственных государств оказали активное содѣйствіе подбору матеріалов. Таким образом «Обзор» сэра Джона Хопа Симпсона является самым полным собраніем данных о современном положеніи эмигрантскаго вопроса. Предварительный отчет был уже сообщен Эвіанской конференціи; настоящій полный отчет, замѣнившій его, предназначается для осенней сессіи Лиги Націй, гдѣ, послѣ окончанія дѣятельности организаціи Нансена, организація помощи бѣженцам должна быть радикально перестроена. Русским бѣженцам в «Обзорѣ» отведено самое видное мѣсто: этот отдѣл, вмѣстѣ с сообщеніями по отдѣльным странам, занимает около 100 страниц.

В предисловіи указано, что «Обзор» не мог, конечно, включить в изученіе послѣднюю стадію бѣженства, вызванную в особенности волной расистских преслѣдованій в Германіи и в других государствах. «Страны, до сих пор бывшія либеральными в своих взглядах и практикѣ, приняли мѣры для огражденія себя от вселенія новых бѣженцев или даже для освобожденія себя от тѣх, которые уже у них поселились. Созданные таким образом новые факторы грозят превратить задачу, уже трудную саму по себѣ, в совершенно недоступную для работы и контроля частных организацій, которыя до сих пор несли на себѣ главную тяжесть труда. Повелительно ставится на очередь участіе правительств в самом широком размѣрѣ».

Остается пожелать, чтобы собранный сотрудниками г. Хопа Симпсона обильный матеріал выяснил необходимость болѣе широкой постановки помощи бѣженцам, старым и новым, и облегчил переход к новой системѣ, ставшей необходимой.

П. М.

Albert Demangeon et Georges Mauco. — Documents pour servir a l'étude des Etrangers, dans l'Agricuiture Française. — Hermann et Cie, Editeurs, Paris, 1939, p. 654.

Этот об'емистый трудъ — результатъ анкеты, произведенной, состоящимъ при парижскомъ университетѣ, Совѣтомъ соціальныхъ изысканій, подъ руководствомъ извѣстнаго географа, проф. А. Деманжона, при ближайшемъ участіи Ж. Моко, автора книги «Иностранцы во Франціи». Анкета, прежде всего, показала, что, вопреки распространенному мнѣнію, роль иностранцевъ во французскомъ сельскомъ хозяйствѣ не только не уменьшилась, но даже увеличилась въ годы экономическаго кризиса. Несмотря на ростъ безработицы въ городахъ, тяга французской молодежи изъ деревни въ городскіе центры не прекращается. Причины извѣстны: лучшая оплата труда и соблазны городской жизни. В то-же время иностранцы, работающіе на фабрикахъ и заводахъ, опасаясь увольненія в связи с увеличеніемъ безработицы, устремляются в деревню. Составителямъ анкеты не удалось собрать точныхъ данныхъ об общемъ количествѣ иностранцевъ во французскомъ сельскомъ хозяйствѣ. По официальнымъ даннымъ, в 1931 г. насчитывалось около 250.000 сельско - хозяйственныхъ рабочихъ - иностранцевъ и до 100.000 колонистовъ (сюда входятъ арендаторы и собственники). За послѣдніе годы, по даннымъ анкеты, число иностранцевъ увеличилось в нѣкоторыхъ департаментахъ на 25 - 30%.

Подавляющую часть рабочихъ и колонистовъ, естественно, поставляютъ сосѣднія страны: Италія, Испанія, Бельгія. Испанцы занимаютъ первое мѣсто среди сельско - хозяйственныхъ рабочихъ (70.000), а итальянцы — среди колонистовъ. Любопытно, что гражданская война мало отразилась на числѣ испанцевъ, работающихъ во французской деревнѣ. Итальянцевъ, какъ и испанцевъ, всегда было много во французской деревнѣ, но со времени войны число ихъ еще значительно увеличилось. Среди сельско - хозяйственныхъ рабочихъ разныхъ національностей имѣется не мало такихъ, которые постепенно прочно осѣдаютъ на землѣ, становясь арендаторами, а затѣмъ и собственниками земли. Но особенно великъ этотъ процентъ среди итальянцевъ. Какъ видно изъ данныхъ анкеты , во Франціи имѣются деревни, в которыхъ итальянцы составляютъ большинство.

Невеликъ за то процентъ славянскихъ рабочихъ, переходящихъ в ранг арендаторовъ и собственниковъ. Рабочіе, прибывающіе изъ славянскихъ странъ (на первомъ мѣстѣ поляки, которыхъ насчитывается около 45.000 батраковъ и до 5.000 арендаторовъ и собственниковъ), естественно труднѣе ассимилируются, чѣмъ бельгійцы или итальянцы. Мѣшаетъ незнаніе языка, различіе в климатѣ, нравахъ, культурномъ уровнѣ. Рабочій - славянинъ, несмотря на это, справляется со своей задачей, нисколько не хуже, чѣмъ рабочій, прибывшій изъ сосѣдней с Франціей страны. Но для того, чтобы стать хозяиномъ, требуется большое знакомство с мѣстной обстановкой, с языкомъ, а это трудно дается поляку, русскому или чеху. Незнаніе языка очень тяжело отражается на положеніи рабочихъ - славянъ, лишенныхъ в первое время возможности общаться с окружающими. Нѣкоторые изъ нихъ такъ тяжело переживаютъ это вынужденное одиночество, что на этой почвѣ развиваются душевныя болѣзни и преступность.

К сожалѣнію, мы не находимъ в книгѣ точныхъ данныхъ о числѣ рус-

ских, работающих во французском сельском хозяйствѣ. Составители анкеты обычно говорят о славянских рабочих и колонистах, как об однородной группѣ. Только один из участников анкеты (в районѣ Монтобан, департ. Тарн э Гаронн) прислал интересный отзыв о русских. Его замѣчанія можно, вѣроятно, в значительной степени отнести и к русским, работающим в других департаментах. Отмѣчается, во-первых, племенная пестрота: великороссы, бѣлоруссы, украинцы, уроженцы польских и балтійских районов. Не меньшей пестротой отличается соціальный состав: бывшіе интеллигенты, крестьяне и пр. Преобладающую часть составляют остатки бѣлых армій. Имѣются среди русских колонисты, которые весьма преуспѣли. Большая же часть требует от земли не барышей, а лишь возможности скромнаго существованія до момента возвращенія на родину. Этим автор отзыва об'ясняет дух резиньяціи и малый процент натурализацій среди русских, очень медленно поддающихся ассимиляціи.

М. Б.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ДЛЯ ОТЗЫВА:

М. А. Алданов. — Начало конца. Изд. «Русскія Записки», Шанхай, 1939.
Мих. Осоргин. — Происшествія зеленаго міра. Софія, 1938.
Ант. Ладинскій. — Пять чувств. Т-во Об'ед. Издателей. Париж, 1939.
Леонид А. Матвѣев. — Моисей перед судом исторіи. (Религія и исторія древних народов), т. I. — Бѣлград, 1939.
В. Емельянов. — Свиданіе Джима, роман. Брюссель, 1939.
Георгій Соргонин. — Арифметика жизни (пьеса в 4-х дѣйствіях), Варшава, 1939.
Boris Jakowenko. — Geschichte des Hegelianismus in Russland. Erster Band. Prag 1938.
Douglas K. Reading. — The anglo-russian commercial Treaty of 1734 New Haven. Jaly University Press. — 1938
Albert Demangeon et Georges Mauco «Documents pour servir à l'étude des Etrangers dans l'agriculture française. — Ed. Hermann et Cie. Paris 1939.
Bulletin of the International Institute for Social History. Amsterdam. N° 3. Leiden, 1938.
Georg Sacke. — Adel und Bürgertum in der Gesetzgebenden Komission Katharinas II von Russland.
Sonderdruck. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Jahrgang 3, Heft 2.
Joseph Fischer. — Un peuple renaît. La Palestine juive d'aujourd'hui. Paris, 1939.

Непринятыя рукописи Редакція не возвращает.

Société Parisienne d'Impressions
4 et 5, rue Saulnier, Paris (9e).

Le Gérant : O. ZELUK.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1939-й год

на ежемѣсячный журнал

„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“

выходящій в Парижѣ под редакціей **П. Н. Милюкова.**

«Русскія Записки» выходят регулярно в первых числах каждаго мѣсяца. Преслѣдуя цѣль — держать русскаго читателя в курсѣ событій во всѣх областях жизни и знанія — **«Русскія Записки»** дают из книги в книгу фактическій п е р е ч е н ь важнѣйших событій, происшедших в теченіе истекшаго мѣсяца, равно как и о б з о р ы — международной политики, «Из міра литературы», «Из міра науки».

Подписка принимается в почтовых отдѣленіях, в конторѣ журнала, в отдѣленіях газ. **«Посл. Нов.»** во Франціи и за-границей и в русск. книжных магазинах. В нижеперечисленных странах подписка принимается и в почтов. отдѣленіях: Австрія, Бельгія, Венгрія, Германія, Данія, Данциг, Италія и ея колоніи, Латвія, Литва, Люксембург, Нидерланды, Норвегія, Португалія и ея колоніи, Финляндія, Франція и Марокко, Румынія, Чехословакія, Швеція, Швейцарія, Эстонія.

Подписка в почт. отдѣленіях обходится много дешевле, так как почта принимает на себя значительную часть расходов по пересылкѣ журнала.

Подписная цѣна:	**во Франціи**	В странах с пониж. почт. тарифом *)	В странах с полным почт. тарифом
На 3 мѣсяца	35 фр.	амер. $ 1.50	амер. $ 1.80
На 6 мѣсяцев	65 фр.	амер. $ 2.75	амер. $ 3.25
На 12 мѣсяцев	125 фр.	амер. $ 5.00	амер. $ 6.00

*) Страны с понижен. почт. тар.: Австрія, Аргентина, Бельгія, Бразилія, Болгарія, Венгрія, Германія, Голландія, Греція, Египет, Испанія, Канада, Конго (бельг.), Куба, Латвія, Литва, Мексика, Парагвай, Персія, Португалія и ея колоніи, Румынія, Турція, Урагвай, Финляндія, Франція и Марокко, Чехословакія, Швеція, Швейцарія, Эстонія и Югославія.

Цѣна отдѣльн. № во Франціи 18 фр., за-границей — 80 центов (и 70 цент. в странах с пониж. почт. тарифом). **Для подписчиков «Посл. Нов.» — 12 фр. во Франціи (с пересыл. — 13 фр. 50 с.), 60 цент. за-гран. (и 50 цент. в странах пониженнаго почтоваго тарифа).**

Деньги, корреспонд. и об'явленія просят направлять по адресу:

«ANNALES RUSSES», 51, rue de Turbigo, Paris (3). France.

Адрес Редакціи и Конторы:
« ANNALES RUSSES », 51, rue de Turbigo, PARIS (3e).
Tél.: Arc. 43-98.